

Герои Великой Отечественной

Фронтовые мемуары Победителей

НАС ЗВАЛИ «СМЕРТНИКАМИ»

Михаил Шишков

ИСПОВЕДЬ ТОРПЕДОНОСЦА

Михаил Ишков

**Нас звали «смертниками».
Исповедь торпедоносца**

«Яуза»

2014

Ишков М. Н.

Нас звали «смертниками». Исповедь торпедоносца /
М. Н. Ишков — «Яуза», 2014

Уникальные мемуары летчика-торпедоносца, совершившего 187 боевых вылетов и 31 торпедную атаку (больше, чем кто-либо в морской авиации) под ураганным огнем лучшей в мире немецкой ПВО. Исповедь Героя Советского Союза, потопившего на Балтике 12 вражеских кораблей. Вся правда о самой опасной летной профессии – недаром фронтовики прозвали торпедоносцев и топ-мачтовиков «смертниками»: средний срок жизни экипажей балтийской минно-торпедной авиации составлял всего 15 боевых вылетов. «Многие эпизоды моего боевого прошлого при воспоминании о них острой болью отдавались в сердце, вызывая лишь одно желание – напрочь забыть обо всем. Но война никак не хотела отпускать меня. Вспышки зенитных снарядов вокруг моего самолета, лица погибших товарищей помимо воли вновь и вновь возникали перед глазами. Порой становилось совершенно непонятно, каким же чудом мне удалось уцелеть в этой кровавой мясорубке... И, в очередной раз возвращаясь к пережитым событиям, я понял, что должен рассказать о них. Это – мое последнее боевое задание...»

© Ишков М. Н., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Предисловие	5
Предисловие автора	9
Детство	11
Уфа	32
Аэроклуб	40
Школа пилотов	48
Инструктор	67
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Михаил Шишков

Нас звали «смертниками».

Исповедь торпедоносца

Предисловие

Великая Отечественная война... К сожалению, сегодня она преподносится недобросовестными историками лишь как некоторая составляющая глобального мирового конфликта, означающего не более чем очередной передел сфер влияния сверхдержав, схлестнувшихся из-за непомерных амбиций своих политических лидеров. Но если вдуматься, то вряд ли удастся назвать сопоставимое с ней событие в истории человечества. Ведь эта война велась не на жизнь, а на смерть, причем не отдельных людей или определенных слоев общества, а целых народов, которые в случае победы «бесноватого фюрера» и его национал-социалистической идеологии были обречены на практически полное уничтожение. Оставшихся ждала ужасная участь – бесправное положение рабов, существующих лишь для обслуживания «высшей арийской расы господ».

О Великой Отечественной написаны многие тысячи книг, особое место среди которых занимают мемуары ее непосредственных участников – пехотинцев, танкистов, летчиков и моряков. Они интересны читателю не только рассказами о подробностях того или иного сражения, а главным образом тем, что дают возможность посмотреть на войну глазами простого солдата, прямого исполнителя стратегических замыслов Верховного Главнокомандования.

Книга, которую вы держите в руках, написана Героем Советского Союза Михаилом Федоровичем Шишковым, летчиком-торпедоносцем, совершившим с осени 43-го по май 45-го 187 боевых вылетов. 31 раз – больше, чем кому бы то ни было в составе советской морской авиации – приходилось ему вступать в смертельный поединок как с отдельными вражескими транспортными судами, так и с довольно многочисленными конвоями, шедшими в сопровождении кораблей охранения.

Эта цифра красноречиво свидетельствует о высочайшем летном мастерстве пилота, его недюжинных моральных качествах и, конечно же, об определенной доле везения. Ведь каждый раз, чтобы выйти на дистанцию сброса торпеды, ему приходилось прорываться сквозь завесу плотного зенитного огня, а затем под градом свинца проноситься почти над самой палубой атакованного им корабля или судна. Порой за эти считанные мгновения крылатая машина успевала получить значительные повреждения, вплоть до полного выведения из строя одного из моторов, но тем не менее Михаилу Федоровичу всегда удавалось приводить ее на свой аэродром.

Но не следует думать, что фронтовая судьба была столь же благосклонна к другим экипажам торпедоносцев. Ведь по плотности зенитного огня мало что могло сравниться с боевым кораблем, да и немецкие зенитчики всегда отличались отменной выучкой. Поэтому, например, во второй половине 44-го «средний срок жизни» экипажа балтийской минно-торпедной авиации составлял всего лишь 15 самолето-вылетов. Ничуть не лучше обстояли дела на Северном и Черноморском флотах в периоды ведения ими боевых действий. Словом, совсем не напрасно получили торпедоносцы прозвище «смертники».

Что касается результатов совершенных Михаилом Федоровичем атак, то на его личном официальном счету числится 12 успешных потоплений. Кроме того, по данным разведки, на выставленных им минах подорвалось еще два корабля. Сам же ветеран по этому поводу говорит следующее: «На мой взгляд, личными можно считать лишь победы, одержанные во время крейсерских полетов, когда экипаж остается один на один с врагом. Но если на задание идет

группа, то «утопленник» должен делиться на всех, вне зависимости от того, чья торпеда отправила его на дно. Допустим, я попал в цель, а все остальные промахнулись. Ну и что! Они же немецких зенитчиков на себя отвлекли, тем самым дав возможность мне удачно прицелиться. Значит, это – групповая победа. Только так! А насчет минных постановок... Я считаю это довольно большой натяжкой. В тех районах ведь не только мой экипаж мины бросал, поди знай, на чьих они подорвались. Почему мне отдали – не знаю. Так командир решил...» С учетом вышесказанного счет Михаила Федоровича выглядит следующим образом: 8 личных и столько же групповых побед.

Боевые заслуги успешного пилота Родина оценила по достоинству. К моменту окончания Великой Отечественной он был награжден Золотой звездой Героя Советского Союза, орденом Ленина, четырьмя орденами Боевого Красного Знамени и медалью «За оборону Ленинграда», а в июне 45-го – еще и орденом Ушакова II степени.

В послевоенные годы Михаил Федорович продолжил служить в морской авиации, по праву получив звание заслуженного военного летчика СССР, которое он ценит ничуть не меньше, чем Золотую звезду. И немудрено, ведь оно является высшей степенью признания профессионального мастерства пилота, давая своему обладателю право совершать полеты в любых погодных условиях.

В 1967 году Михаил Федорович был направлен в Николаев на должность заместителя начальника 33-го центра боевой подготовки и переучивания летного состава авиации ВМФ по летно-методической и учебной работе, где и прослужил до 1975-го, после чего вышел в отставку.

Подготовка материалов для этой книги, написание и редактирование отдельных глав заняли довольно значительный промежуток времени – с октября 2010 по май 2013-го. И как человек, много общавшийся с ее автором в этот период, я никак не могу не поделиться своими впечатлениями о нем.

Первое, что сразу же бросается в глаза, – это настоящая военная выправка и строгость по отношению к своему внешнему виду. Идеально выбритые щеки, ровная осанка, тщательно отутюженная одежда... То же самое отношение в полной мере распространяется и на квартиру, в которой живет Михаил Федорович, где царят абсолютный порядок и чистота. Уверен, что придирчивый старшина из Молотовской школы пилотов, о котором автор расскажет в одной из глав, при всей своей дотошности никак не смог бы найти в жилище своего бывшего подопечного достойный объект для придинок.

В несколько не утраченной с годами способности Михаила Федоровича достойно переносить все тяготы и невзгоды мне лично довелось убедиться неоднократно. Но один случай запомнился мне особо. Однажды, в августе 2012-го, во время мероприятия, посвященного Дню военно-воздушных сил Украины, почетные гости праздника, в числе которых был Михаил Федорович, почти два часа простояли под палящими солнечными лучами. А ведь спустя совсем немного времени после начала торжественной части по лицам замерших в строю солдат и офицеров заструился соленый пот, а измученные жарой горожане сперва по одному, затем – довольно большими группами стали занимать места в тени растущих неподалеку от взлетно-посадочной полосы деревьев...

Отсутствие навеса и кресел – бесспорно, весьма серьезный недосмотр организаторов данного мероприятия. Но речь здесь совсем не об этом, а о стойкости и силе духа девяностолетнего ветерана, ни на мгновение не показавшего окружающим, насколько тяжело ему было в тот момент. И после окончания построения на все вопросы о своем самочувствии он неизменно отвечал: «Ничего особенного. Все совершенно нормально».

Не меньшего уважения заслуживает широта познаний и интересов Михаила Федоровича, который свободно ориентируется как в научно-технических вопросах, находящихся далеко за пределами авиации, так и в извилистых хитросплетениях мировой истории и современ-

ной геополитики. Его прекрасная память до мельчайших подробностей сохранила многие эпизоды фронтовой биографии, основные тактико-технические данные всех освоенных им боевых машин, географическую конфигурацию Балтийского побережья, детали военного быта и многое другое.

Конечно, все это требует недюжинного здоровья, и оно, слава богу, у Михаила Федоровича есть. Да, возраст порой дает о себе знать. То «мотор забарахлит», то еще какой «плановый или неплановый ремонт» организму потребуется... Но, положа руку на сердце, много ли среди авиаторов, которыми, как известно, становились лишь люди с идеальными физическими параметрами, людей, не просто доживших до столь почтенных седин, а еще и способных вплоть до девяноста лет управлять автомобилем и тщательно следить за его техническим состоянием...

И, наверное, основная черта характера автора этой книги, благодаря которой его труд представляет особый интерес для любого, увлеченного историей Великой Отечественной, – исключительная честность как в оценке собственных действий, так и в описании событий и участвовавших в них людей. Все это изображено безо всякого приукрашивания и обычного для мемуарного жанра сглаживания всевозможных «острых углов». В книге вы не найдете гротескных портретов «бесстрашных сталинских соколов». Все ее действующие лица показаны такими, какими они и были в реальной жизни, с их чувствами, эмоциями, человеческими слабостями и присущими лишь им особенностями характера. Кроме этого, особый интерес представляют рассуждения непосредственного участника войны о проблемах, являющихся в наши дни предметом ожесточенных споров, одной из самых актуальных среди которых является достоверность одержанных торпедоносцами побед...

Сегодня на просторах бывшего СССР, увы, нередко попытки принизить, а то и вовсе полностью отрицать значимость подвигов наших отцов и дедов, потом и кровью защитивших право на жизнь для всех следующих поколений. Иногда это делается в угоду конъюнктуре рынка, ненасытно требующего дутых сенсаций, но чаще всего – по злому умыслу определенных политических сил, жаждущих заново переписать историю. Здесь в ход идет все – от тонкой игры на психологии обывателя, привыкшего измерять и оценивать моральные качества других по себе, до подгонки имеющейся информации под наперед заданную теорию, а то и просто откровенного вранья.

Конечно, публикуется и достаточное количество исследований, беспристрастно и объективно рассматривающих события Великой Отечественной... Но зерно сомнения, к сожалению, уже посеяно, и многим читателям приходится продирааться к правде сквозь дебри противоречивых мнений, фактов и цифр, встречающихся в современной исторической литературе, не имея, говоря языком математики, начала отсчета координат. В качестве таковой, на мой взгляд, должно служить четкое понимание психологии и мировоззрения поколения победителей, и в этом отношении на помощь приходят мемуары ветеранов. Правда, к книгам, опубликованным во времена СССР, из-за неизбежного отпечатка цензуры, без которой в то время было немислимо ни одно напечатанное слово, сегодня принято относиться с некоторым недоверием, и поэтому воспоминания Михаила Федоровича Шишкова, написанные в наши дни, представляют особую ценность.

Но насколько корректно распространять ментальность одного человека на целое поколение? Ведь были же предатели, дезертиры, разного рода «тыловые крысы», не гнушавшиеся наживаться на всеобщем горе, да и просто рядовые обыватели, предпочитавшие «любить Родину» подальше от линии фронта. Да, это так. Но ведь подавляющее большинство составляли совсем другие люди. Люди чести и долга, способные на самопожертвование. Именно они отчаянно сражались с захватчиками на земле, в небесах и на море, создавали партизанские отряды на оккупированных врагом территориях, осаждали военкоматы с требованием как можно скорее направить их на фронт, отдавали все свои силы, трудясь на заводах, снабжавших армию всем необходимым... Убеленные сединами старики, едва оперившаяся молодежь,

женщины и даже дети... Каждый во многом был не похож на остальных, но всех их объединяло одно – вера в правоту своего дела и готовность идти ради него на любые жертвы. Лишь поколение таких людей и могло выстоять в жесточайших испытаниях Великой Отечественной, подарив нам, своим потомкам, будущее. «По плодам их познаете их» – гласит библейская мудрость, и сама Победа – кровь от крови, плоть от плоти самих победителей – лучшее тому доказательство...

В заключение хотелось бы выразить благодарность людям, оказавшим неоценимую помощь в подготовке материалов для данной книги, ее редактировании и подготовке к печати: Николаю Николаевичу Молошенко, Мирославу Эдуардовичу Морозову, Галине Эдуардовне Вабищевич, Вячеславу Григорьевичу Пиляку, Елене Борисовне Аникеенко, Ольге Николаевне Безделовой, Татьяне Юрьевне Зинченко, Надежде Анатольевне Маховской, Евгении Борисовне Ребеже, Яне Николаевне Гадиловой, Виталию Владимировичу Костеничу, Сергею Альбертовичу Дзятко и Андрею Владимировичу Куприевичу. Огромное вам СПАСИБО!

Павел Аникеенко

Предисловие автора

Первые мысли о том, чтобы заняться записью своих воспоминаний, посещали меня еще в 80-е годы прошлого века, но тогда я так и не решился приняться за их практическую реализацию. Не последнюю роль сыграл тот факт, что к тому времени уже увидели свет три хорошие книги, правдиво рассказывающие о воинах 1-го Гвардейского и их боевых делах: «Над тремя морями» флагштурмана полка П. И. Хохлова, бомбившего Берлин в августе-сентябре 41-го, «Над волнами Балтики» летчика-торпедоносца А. В. Преснякова и «Пароль – Балтика» военного корреспондента М.Л. Львова, неоднократно ходившего на боевые задания в составе наших экипажей, благодаря чему не понаслышке знавшего обо всех сложностях и опасностях торпедных атак и минных постановок. «Вряд ли мне удастся добавить что-либо существенное к уже рассказанному ими», – решил я тогда и на долгое время поставил крест на своих намерениях заняться мемуарами.

Да и, честно сказать, многие эпизоды боевого прошлого при малейшем воспоминании о них острой болью отдавались в сердце, вызывая лишь одно желание – напрочь забыть обо всем. Но война никак не хотела отпускать меня. Вспышки зенитных снарядов вокруг моего самолета, лица погибших товарищей, различные опасные происшествия, происходившие со мной в воздухе и на земле, помимо воли вновь и вновь возникали перед глазами... Порой становилось совершенно непонятно, каким же таким чудом мне удалось уцелеть в этой кровавой мясорубке... И однажды, несколько лет назад, в очередной раз мысленно возвращаясь к пережитым мною событиям, я понял, что должен рассказать о них. Это – мое последнее боевое задание.

Никакого доступа к архивным данным я не имел, а летная книжка военных времен была утеряна, поэтому мне всецело приходилось полагаться на свою память. Конечно, спустя несколько десятилетий, не имея под рукой никаких документов, точно назвать даты подавляющего большинства событий оказалось совершенно невозможно, но здесь мне на помощь пришло историческое исследование Мирослава Морозова «Торпедоносцы Великой Отечественной», в котором приведены полные данные по всем торпедным атакам, совершенным экипажами нашего полка, и понесенным нами при этом потерям. Во всем остальном я опирался лишь на то, что знаю и видел сам.

Но главная цель этой книги заключалась не столько в описании боевой работы отдельного летчика и его экипажа, сколько в том, чтобы с предельным реализмом показать настоящую войну с ее постоянным напряжением всех нравственных и физических сил, с ее невидимым постороннему глазу и от этого еще более драматичным постоянным противоборством воинского долга и свойственного любому человеку инстинкта самосохранения.

Именно поэтому я счел необходимым подробно остановиться на своих детских годах, ведь без ясного представления о том, как воспитывалось то или иное поколение людей, невозможно понять истоки и мотивацию его мыслей, чувств и поступков. Кроме того, как мне кажется, современному читателю было бы небезынтересно узнать о том, чем жили и о чем мечтали мы, молодежь предвоенных лет.

Также мне хотелось рассказать об определившей всю мою жизнь безграничной любви к небу, том всепоглощающем чувстве, заставившем рожденного ходить по земле человека мечтать о покорении воздушной стихии, а также о своих первых шагах на многотрудном, полном опасностей пути военного пилота.

Эта книга посвящается моим боевым побратимам – летчикам, штурманам, стрелкам-радистам, воздушным стрелкам и техникам самолетов... – словом, всем тем, кто внес свою посильную лепту в боевую работу 1-го Гвардейского минно-торпедного авиационного полка. Каждый из них заслуживает отдельного рассказа, но, к сожалению, за прошедшие с тех пор

годы многие имена и лица безвозвратно стерлись из моей памяти, и сегодня, глядя на сохранившиеся военные фотографии, я, увы, могу опознать далеко не всех. Кроме того, мое повествование, будучи не лишенным определенной доли субъективизма, может содержать некоторые ошибочные суждения и фактические неточности, за что я от всей души прошу прощения как у своих боевых товарищей, по отношению к которым они были допущены, так и у читателей.

В ничуть не меньшей степени эта книга посвящена моей любимой женщине, встречу с которой судьба подарила мне в сентябре 43-го. Многое нам довелось пережить вместе с той поры: и радости, и горести, но наши взаимные чувства со временем становились все крепче. И сейчас я просто не в состоянии даже на мгновение представить себе свою жизнь без моего самого дорогого на земле человека, моей жены Машеньки.

Вообще же, оглядываясь на минувшие годы, не могу не отметить, что судьба никогда не оставляла меня без внимания, поддерживая в самые трудные и опасные мгновения. Именно она неизменно подсказывала мне правильную дорогу на самых главных развилках жизненного пути. Она... Но не буду забегать наперед и расскажу обо всем по порядку...

Детство

К сожалению, я не знаю практически ничего о своих дальних предках, но одно могу сказать совершенно точно – все они были коренными сельскими жителями, добывавшими свой хлеб тяжелым крестьянским трудом.

Корни моего генеалогического древа затеряны где-то под Смоленском, откуда измученные аграрной перенаселенностью селяне еще в конце XIX века стали перебираться в гораздо менее обжитые восточные губернии России.

Причина весьма проста. С одной стороны, семьи с большим количеством взрослых детей, то есть рабочих рук, имели достаточно хорошие возможности для ведения хозяйства. Мужики заняты в поле, младшие пасут скот, а женщины помогают мужьям и, конечно, несут на своих плечах нелегкий груз домашних забот. Но даже самого благополучного хозяина беспощадно терзал трудноразрешимый вопрос – как разделить движимое и недвижимое имущество и особенно землю между создавшими свои собственные семьи сыновьями.

У зажиточных крестьян, имевших возможность приобрести еще несколько десятин, эта проблема решалась более-менее приемлемо. В результате получались хоть и заметно меньшие, но все-таки жизнеспособные хозяйства. Да и при очередном переделе общинной земли, связанном с изменением количества едоков, тоже можно было немного увеличить свои наделы.

Но, поскольку суммарная площадь сельскохозяйственных земель в западной части России практически не изменялась, в отличие от постоянно возраставшего количества крестьянского населения, многие семьи катастрофически обеднели. Промышленность развивалась не так быстро, как требовал тот нелегкий момент, и поэтому была совершенно неспособна предоставить «лишним» в деревнях людям возможность трудоустройства.

В обществе, и без того нестабильном, возникла взрывоопасная ситуация, грозившая самым его основам. В меру своих возможностей и способностей руководство страны пыталось разрешить проблему путем так называемых столыпинских реформ. Изюм всех западных губерний России, кто самостоятельно, кто при поддержке государства, потянулись на восток гонимые безземельем крестьяне, заселяя свободные земли за Волгой, постепенно продвигаясь за Урал. Незадолго до первой империалистической войны людей начали переселять даже принудительно.

...По моим личным наблюдениям, чуть более трети населения этих территорий, вплоть до самого Владивостока, составляли этнические украинцы. Имелись даже полностью украинские деревни и поселки...

В числе многих переселенцев была и семья моего дедушки Григория, обосновавшаяся на хуторах недалеко от Уфы. Уж больно по нраву пришелся здешний, богатый реками и лесами край. Оформив в местной управе документы на свободную землю, они принялись обустраивать свой быт. Надеяться на постороннюю помощь не приходилось, поэтому работали с полной отдачей, практически забыв о сне и отдыхе.

Дед мой был, не побоюсь этого слова, Великий Труженик. Я никогда не видел его празднично проводящим время. Даже когда, состарившись, он уже не мог работать в поле, все равно с самого утра и до позднего вечера всегда находил себе занятие.

Все необходимое крестьянину в его нелегком труде дедушка мог сделать самостоятельно, не прибегая к услугам мастеровых. Для этой цели имелись у него небольшой самодельный токарный станочек, полный набор всевозможных столярных инструментов и даже своя кузница. Наверное, не существовало такой задачи, которая была бы ему непосильна.

Мне часто приходилось качать мех в дедовой кузнице. Тут вполсилы работать было нельзя – слабо качнешь, огонь внутрь засосать может. И все – сгорел мех. А ведь дорогая штука. Так что семь потов с тебя сходит, дышать нечем, тяжело...

– Деда, я больше не могу! – в изнеможении кричу я.

– Давай, Михаил! Мужик ты или кто! – Эти простые доходчивые слова словно открывали во мне второе дыхание, заставляя, как будто и не было никакой усталости, двигаться с удвоенной энергией. Именно здесь я впервые ощутил на вкус сладость победы над собственной слабостью.

Наилучшим подтверждением многогранных способностей моего дедушки стал дом, построенный им своими руками, равного которому не было во всей округе. Все окрестные крыши, по крайней мере виденные лично мной, делались исключительно из соломы. Лишь мой дед сумел изготовить ее из дерева. Даже представить сложно, сколько терпения и умения требовалось для того, чтобы изготовить тысячи березовых и дубовых реек, добиться их идеального прилегания друг к другу...

К созданию семейного гнезда дед подошел с максимальной серьезностью и ответственностью, поэтому никакие компромиссы в сторону ухудшения качества постройки с целью ее ускорения им даже и не рассматривались. Дом получился на славу. Пол, несколько приподнятый над уровнем земли, красивое крыльцо со ступенями, весьма изящные ставни на окнах, просторный подвал внизу – все было продумано до мелочей и осуществлено практически идеально.

...Уже после войны всех хуторских жителей переселили в деревню Кузнецовку, организовав там новый колхоз. Дедов дом, конфискованный во время коллективизации, перевезли туда же, устроив в нем больницу...

Детей в крестьянских семьях было традиционно много. Не являлись исключением и мои дедушка и бабушка, воспитавшие пять сыновей и шесть дочерей. Едва достигнув двадцати, а зачастую и в более раннем возрасте, они женились и выходили замуж. Готовиться к этому приходилось загодя ввиду необходимости подготовки достойного приданого для девушек.

С парнями дело обстояло гораздо тяжелей – их семьи нужно было обеспечить земельным наделом и определенным количеством рабочей скотины, без наличия которой самостоятельное ведение хозяйства не представляется возможным. Поэтому свадьбу и «отделение» мог разделять весьма приличный промежуток времени длиной в несколько лет.

Мой отец, Федор Григорьевич, родившийся в 1898-м, своими ростом и комплекцией идеально подходил для нелегкой деревенской работы. Высокий широкоплечий мужик с огромными кулачищами, он казался мне, босоногому малышу, былинным богатырем, подобным Илье Муромцу. Его невероятная физическая сила уравновешивалась рассудительным и сдержанным темпераментом, поэтому лишь однажды, столкнувшись с беспардонной наглостью подвыпившего хама, он не удержался. Одного легкого удара оказалось достаточно, чтобы бузотер, перекрутившись два раза, неподвижно замер на полу. В остальных случаях конфликты удавалось разрешить мирным путем.

Приткнувшись к отцу, чувствуя, как его сильные руки ласково гладят мой затылок, я ощущал себя в полной безопасности.

Тем не менее он был достаточно строгим родителем, и мысль о том, чтобы послушаться его даже в какой-либо незначительной мелочи, не имела никаких шансов на успех.

Мама, Аксинья Владимировна, своим спокойным и покладистым характером создавала в доме атмосферу гармонии и уюта. Замуж за моего отца она вышла в шестнадцать лет, будучи на три года младше его, что по нынешним меркам считается совсем рано, и, несмотря на столь юный возраст, сразу же стала идеальной хранительницей домашнего очага. Все спорилось в ее умелых руках, и натруженного отца, возвращавшегося к вечеру с поля, ждала безупречная чистота в доме и вкусный ужин на столе.

Словом, в семье царили гармония и взаимопонимание. Конечно, бывали и конфликтные ситуации, но возникали они очень редко, буквально считанные разы, и практически моментально разрешались, ко всеобщему удовлетворению...

17 октября 1921 года я появился на свет. В документах местом моего рождения числится деревня Кальтовка Иглинского района, расположенная в 50 километрах восточнее Уфы, но на самом деле наша семья жила на выселках, так называемых Сергеевских хуторах, совсем недалеко от этой самой Кальтовки. Наверное, поэтому всех родившихся там ребятешек и приписали к ближайшему более-менее крупному населенному пункту.

Наша семья не была столь многочисленной, как дедушкина. После внезапной смерти родившейся в 1924 году сестрички Серафимы, прожившей всего шесть лет, я и мой брат Вася, старший меня на три года, оставались единственными детьми вплоть до 1931-го, когда появилась еще одна девочка. Назвали ее так же, как и умершую, – Серафима. Затем, в 1934-м, родился Петя, скончавшийся, едва достигнув четырех. Через девять лет после его смерти, будучи уже в весьма солидном возрасте, несмотря на пережитые в годы войны лишения и тревоги, мама вновь ждала ребенка. Конечно, были очень сильные опасения, но, слава богу, они оказались напрасными – сестричка Оля родилась совершенно здоровой...

К тому моменту, с которого начинаются мои собственные воспоминания, старшие братья отца, Иван и Филипп, были уже отделены и вели самостоятельное хозяйство, а пять сестер, выйдя замуж, покинули родной дом, в котором после их ухода некоторое время жило четырнадцать человек: дедушка с бабушкой, мой отец и дядя Устим со своими семьями, в каждой из которых имелось по трое детей, тетя София 1908 года рождения и дядя Сергей, самый младший из многочисленного дедовского потомства, появившийся на свет в 1911-м.

Лучше всех устроились мы, самые маленькие, практически безраздельно завладев огромной русской печью. Дедушка Григорий, отец и дядя Устим, как семейные люди, имели в своем распоряжении кровати. Всем остальным приходилось спать на полу.

Несмотря на такую высокую плотность населения и связанные с этим неудобства, я с теплотой вспоминаю этот период моей жизни. Может, потому, что детское сознание фиксирует лишь приятное, отбрасывая все остальное. Но, думаю, эти субъективные впечатления не намного отличаются от истинного положения дел, ведь большая крепкая семья совершенно необходима для процветания крестьянского двора.

С самого раннего утра взрослые и наши старшие братья и сестры, наскоро позавтракав, уходили в поле, оставив нас, маленьких ребятешек, на попечение бабушки. Конечно, мы по мере своих детских силенок стремились помочь ей во всех домашних делах и заботах, ведь к вечеру уставшие после многотрудного дня работники вернутся домой, так что ужин к тому времени должен быть уже готовым.

Помню большой артельный стол, тогда казавшийся мне безбрежным. За ним не спеша, в порядке старшинства, рассаживалась вся семья. Прием пищи начинался только после того, как каждый займет свое место. Далее следовала неторопливая беседа, в которой младшим доставалась роль слушателей. Обсуждалось все: от вопросов ведения хозяйства до взаимоотношений между соседями. Для нас, детей, эти разговоры были настоящими жизненными уроками.

Зимой центральным местом в доме становилась русская печь. Набегаешься на улице, замерзнешь, как цуцик. Скинул полные снега валенки и бегом – кто первый успел залезть, тому самое теплое место достанется, посередине. Так и спали, прижавшись друг к другу, обогреваемые снизу теплом от печи. Удивительно было то, что, несмотря ни на какие морозы, простудными болезнями я никогда не хворал.

Тем временем дед, прикупив поблизости достаточный участок земли, отделил сначала отца, а затем и дядю Устима. Тогда мне было только семь лет, но это событие неизгладимо врезалось в мою память. Война была такая... Еще бы, ведь решался самый главный вопрос – земельный. Хорошая земля – значит, при должном трудолюбии, будет и семья жить соответствующим образом.

Но, слава богу, все закончилось ко всеобщему удовлетворению. Моему отцу достались шесть десятин, по числу членов семьи, лошадь, корова, несколько овец, некоторое количество

более мелкой живности и четыре улья с пчелами. Естественно, с тем расчетом, чтобы хватило и другим. В трехстах метрах от дедовского поставили дом и необходимые хозпостройки, выкопали колодец. Такой же земельный надел достался и дяде Устиму. Дядя Сергей, как самый младший, по крестьянской традиции остался с дедом.

подавляющее большинство сельских домов имели стандартную для тех лет пятистенную компоновку: четыре наружные стены, пятая – внутренняя, разделявшая жилье на две неравные части. В большей находились кровати и русская печка, в меньшей – кухня. От ветра, дождя и снега жилище защищала соломенная крыша. К зиме стены дома снаружи утеплялись соломой, связанной в маты.

Строили, как говорится, всем миром. Купил хозяин срубы, собрались окрестные мужики, и работа закипела. Нам, желторотикам, тоже дело нашлось – принести и подать инструмент, помочь при разгрузке или погрузке, да и сбегать, чтобы позвать кого-нибудь. Мы гордились тем, что также причастны к общему делу, и старались, не жалея сил.

Неделя прошла, глядишь – дом уже стоит. Чтобы вставить окна и двери, родители позвали мастера. С интересом рассматривали ребяташки его набор инструментов и порой даже мешали ему, столпившись вокруг, чтобы наблюдать за работой. Мать, увидев это, прогоняла нас, да где уж там... Вскоре мы вновь возвращались – когда еще удастся поглазеть на такое!

С мастером этим случился непредвиденный казус, отстрочивший наше новоселье на целую неделю. Работа была в самом разгаре, когда он, отлучившись в воскресенье на базар, бесследно пропал. Поиски не дали никаких результатов. Оказалось, запил. Правда, вернувшись, мастер вновь взялся за прерванную работу, не позволяя себе ни малейшей поблажки. Вскоре дом был окончательно готов принять нас под свою крышу...

...В том, что строили тогда на совесть, всерьез и надолго, мне довелось убедиться совсем недавно. Несколько лет назад, приехав в Уфу погостить у своих сестер, я решил проведать родные места. Моему удивлению не было границ, когда я обнаружил этот дом целым и невредимым на том же самом месте, где он и стоял раньше. Сначала я засомневался, но, подойдя поближе, узнал вставленные тем самым мастером оконные рамы, потемневшие от времени стены... Сознание закружилось в вихре нахлынувших воспоминаний...

Назвать деревенскую жизнь тяжелой – значит просто не сказать ничего. Ведь невозможно одним словом охарактеризовать постоянное напряжение человеческих сил, необходимое для того, чтобы тянуть на своем горбу крестьянское хозяйство.

Нет тебе покоя ни днем, ни ночью. Утром еще темно, а ты встаешь. Надо приготовить и покормить скотину. Корове – одно, лошади – второе, поросятам – третье, и птицам тоже что-то дать. Потом убрать продукты их жизнедеятельности, иначе в хлев зайти нельзя будет, особенно к корове.

Запряг кобылу и поехал на поле работать. К обеду мужики домой возвращаются, перекусят и скорее назад – время ведь не ждет. Мать после их ухода еще раз покормит скотину, подоит пригнанную мной корову и тут же, не мешкая, опускает крынки с молоком в колодец, чтобы не испортилось – на следующий день его в Уфу везти, на маслозавод. А там строго принимают. Чуть что не понравилось, все – в брак.

...Несколько раз отец брал меня с собой на этот завод забирать масло, когда подходила наша очередь. Укладывалось оно в ящики из липовой доски и закрывалось крышкой. Отец таких ящиков с полсотни на телегу погрузил, отвез куда требовалось, сдал, квитанцию получил – и домой.

Обычно ездили туда по двое-трое мужиков – путь в Уфу проходил через два больших татарских села, в которых довольно часто происходили грабежи, особенно ночью. Их можно было объехать, но тогда приходилось делать лишних пятнадцать километров, поэтому время рассчитывали так, чтобы проскочить опасный отрезок пути в дневное время.

В дорогу отец всегда брал с собой топор, универсальный инструмент, способный помочь во многих непредвиденных ситуациях. Оглобля, например, поломалась – пошел, срубил деревце подходящего размера, прицепил его к телеге и едешь дальше. И от лихих людей можно было защищаться, как-никак, оружие все-таки.

Однажды, почти сразу же после того, как мы переправились на пароме через реку Уфимку, отец, как ни в чем не бывало, лег себе в телеге и заснул, предварительно передав управление в мои руки. А кругом ночь... Страшно стало мне. Сижу, втянув голову в плечи, и ловлю ушами каждый посторонний звук. Хрустнула сухая ветка... Я весь напрягся и головой кручу по сторонам – вдруг грабители уже совсем близко. Или волки... Так я и дрожал всю дорогу...

Но и ночью нельзя спокойно спать. Чуть услышал какой-то шум в сарае – стремглав несешься туда. Неспроста ведь скотина беспокоится, значит, враг рядом. Особенно много проблем доставлял хорек, таскавший кур прямо с насеста. Бывало, забирался даже на спину лошади и грыз ей шею.

Весной сеяли пшеницу, ячмень, овес, гречиху и просо, осенью – рожь. При этом всегда надо было точно рассчитать предполагаемый урожай, ведь часть его надо было отдать государству, часть оставить для будущего сева, на прокорм скота и собственного пропитания. Овсяную солому заготавливали на зиму для коровы, сено – для гусей, овес – для лошади. Овцы могли и более грубый корм есть. В засушливое лето резали кустарник, связывали его в пучки, похожие на веник, и сушили...

Необходимо было и налоги заплатить, натурой, конечно. Насколько я помню, из трех ведер молока, которые ежедневно давала наша корова, одно надо было отдать. Кроме того, яйца, овечью шерсть, в зависимости от поголовья, поросят, зерно... Платили так называемую страховку за дом, пристройки, сараи, где хранилось сено и солома. На каждый двор имелся свой расчет, сколько у тебя должно остаться, так что неожиданно могла нагрянуть проверка...

И зимой времени на отдых оставалось немного. Метели в наших краях бывали жуткие, иногда продолжавшиеся сутками. Толщина наметенного за ночь снега порой достигала двух метров. Наутро солнышко пригреет, снег садится и через пару дней спекается так, что лопата становится бесполезной. Поэтому при малейшем улучшении погоды все прочие работы прекращались и начиналась расчистка проходов, соединявших дом с хозяйственными постройками, занимавшая никак не меньше половины дня. А еще за скотиной ухаживать. Этим в основном мужики занимались.

Женщины целыми зимними днями ткали полотно, из которого потом шили рубахи, штаны и другую одежду. Ведь фабричный хлопок дорогой, не купишь. Поэтому все, что мы носили, кроме сапог, у кого они имелись, изготавливалось своими силами, даже овчинные тулупы. Если и были у мужика штаны и пиджак, то один комплект лет на десять, не меньше. Одевались эти вещи только лишь по престольным праздникам. В остальные дни ходили в само-тканом.

К наступлению холодов каждого члена семьи надо было обеспечить теплым полушубком или, как его еще называли, зипуном. Для этого летом резали овец, аккуратно снимали с них шкуру и высушивали ее, обильно посыпав солью, чтобы защитить от червей. Затем следовал длинный и весьма сложный процесс, в результате которого получался мягкий и теплый материал. Его относили портному и через неделю приходили за готовым изделием.

Этот полушубок носился зимой шерстью вовнутрь – так лучше сохранялось тепло. А в дождливую осеннюю погоду его выворачивали наизнанку и надевали шерстью наружу. Вода стекала по ворсинкам, не проникая внутрь.

...Характерно, что ни одна одежда ни в коем случае не выбрасывалась и использовалась вплоть до полной непригодности. Рубашка и штаны, из которых уже вырос старший брат, обязательно перешивались на меня.

Основным видом обуви в наших краях были плетеные лапти. Несмотря на кажущуюся простоту, их изготовление требовало недюжинного умения. Исходным материалом для этого служила липовая кора. Ее обдирали с дерева и клали отмокать в болото. Через месяц извлекали оттуда и аккуратно удаляли верхний слой, после чего из оставшихся листов вырезали ленты, из которых и сплетались эти самые лапти. Получалась очень легкая и прочная обувь, носимая и зимой, и летом. Единственный недостаток – промокала быстро. Домой пришел, портянки на печке разложил, к утру высохнут.

В отличие от взрослых мы, детвора, летом бегали босиком. Ноги так привыкали к этому, что никакого дискомфорта не ощущалось, разве что ступню наколешь иногда. Но ничего страшного в этом не было. Ну, похромаешь денек-другой в худшем случае, и ладно.

Когда Вася пошел в школу, отец справил ему сапоги. Съездил в город и выбрал там кожу соответствующего качества, потом пригласил мастера. Поскольку денег не было, платили ему натурой, то есть маслом, мясом или поросенком. Когда брат вырос из этих сапог, ему заказали новые, а старые перешли ко мне...

...Дед любил говорить: «Вот сейчас что за сапоги делают! Год прошел, и все – развалились. Я же двадцать лет одну пару носил!» Я помню, как это было. Дошел дедушка в лаптях, а то и босиком, до самой церкви, ноги об траву вытер, сапоги обул. Постоял в них всю службу, вышел оттуда, тут же переобулся, сапоги обтер, на плечо их закинул и вернулся домой. Дегтем смазал их, чтоб не растрескивались, и спрятал до следующего раза...

Одной из характерных особенностей крестьянской жизни была необходимость постоянного ограничения в еде, и это несмотря на полные амбары. Чтобы каждый день мясо – такого не было. Лишь по праздникам и только по кусочку. Хоть и свое, живое, рядом ходит.

Кололи свинью перед Рождеством. Причем откармливали ее до такой степени, что она даже ходила с превеликим трудом. Так вот, мясом этим практически весь год питались. При этом так рассчитывали его потребление, чтобы побольше оставить на посевное и уборочное время, требующее очень много сил.

Хранили мясо на чердаке, где зимой было достаточно холодно, чтобы оно не пропало. К весне все, что осталось, подвешивали в трубе русской печки и коптили. Затем снова отправляли на прежнее место, под крышу. Бывало, попадало мне за это дело – не удержался и отрезал кусочек, а мама заметила недостачу...

Буквально в двадцати метрах от дома стояла старая береза, около метра в диаметре. Снег растаял, она соки набрала. Прodelал в стволе отверстие и вставил туда жестяной желобок – за ночь ведро сока натекало. Мы его в пятидесятилитровую бочку сливали, закрывали ее и ставили в погреб до лета.

...Подвалы эти имелись в каждом дворе. Выкапывали глубокую яму, а стены укрепляли досками. Чтобы как можно дольше сохранялся холод, на пол укладывали утрамбованный снег, сверху прикрывая его соломой. Иногда добавляли льда с речки. В нашем погребе молоко не пропадало даже летом. Когда снег полностью таял, подвал очищался, проветривался, и туда засыпалась картошка на зиму...

И это я еще ни слова не сказал о телеге, плуге, бороне и других необходимых в хозяйстве инструментах, постоянный уход за которыми также занимал определенное время.

Вообще, крестьянский двор представляет собой весьма сложную экономическую систему, в которой хозяин должен быть и руководителем, и агрономом, и животноводом, и пахарем, и иметь, кроме вышеперечисленных, многие другие навыки. Так что жить в деревне – адский труд, поглощающий человека целиком и полностью. Именно поэтому абсолютно честно могу сказать: своего отца я почти не видел...

...Иногда, глядя на нынешних ребятишек, играющих в городских дворах, поневоле пытаешься сравнить их детство со своим. Да, материальными благами современная цивилизация обеспечена гораздо лучше, начиная от одежды и игрушек, заканчивая телевидением, водо– и

газоснабжением. Но чем больше задумываюсь над этим, тем яснее понимаю: жизнь среди бескрайних просторов в естественных природных условиях я никогда бы не променял на ограниченное пространство загазованных промышленных центров...

Природа щедро одарила нашу местность. Широкие, казавшиеся безбрежными поля упирались в сосновую стену леса. Каменные холмы с крутыми обрывами, небольшие сопочки и болота. Совсем недалеко от нашего дома, в ложине, протекала небольшая речушка, в которой без особого труда можно было наловить ведерко пескарей.

Климат прекрасно гармонировал с природными условиями. Снег выпадал уже поздней осенью и держался вплоть до самой весны. Лето было солнечным и теплым. Словом, любой художник-пейзажист нашел бы здесь практически неограниченное количество сюжетов для своих картин.

Как и сотни поколений сельских парней, с самого раннего возраста я включился в работу, в меру своих возможностей, конечно. Так уж устроена деревенская жизнь, что даже пара детских рученок была серьезным подспорьем в хозяйстве. Но главное заключалось не в самой помощи взрослым, хотя и это немало. Таким образом нас сызмальства приучали к труду, закаляя волевые и физические качества, без которых было бы абсолютно невозможно победить в той войне...

...Уже в училище я обратил внимание на то, что деревенские выдерживали гораздо более высокие нагрузки. Взять, например, марш-бросок с полной выкладкой или лыжный кросс. Вроде бы питаемся одинаково, в одних и тех же условиях находимся... А все равно городские ребята хоть немного, но отставали.

А на фронте это еще более ярко проявилось. Увязая по колено в весеннем и осеннем бездорожье, вопреки невыносимому летнему зною и пронизывающей до костей зимней стуже шла вперед наша пехота, состоявшая в основном из сельских.

Иной ведь с виду совсем дряхлый старик, кажется, вот-вот свалится... а он идет и идет. Непонятно, откуда силы в нем такие берутся. Но это лишь на первый взгляд, ведь если внимательно присмотреться к нему, то без труда узнаешь крестьянина, для которого ежедневная борьба с погодными неурядицами – самое привычное дело...

...Встаешь затемно, вместе со всеми. Сам проснулся – хорошо, нет – разбудят. При необходимости даже с печки за ногу стаскивали. Позавтракал и пошел – корову пасти или лошадь.

Хорошая у отца кобыла была, умная, правда, и не без хитрости. Вывел ее в овраг, спутал ей копыта. Лошадь себе пасется, я за ней приглядываю. Никаких механических часов, конечно, ни у кого из нас и быть не могло, поэтому время определяли приблизительно, по положению солнца.

Смотришь – все, пора домой. Подошел, освободил копыта от веревки. И тут начинается самое интересное. Я-то маленький был еще, роста не хватало, чтобы самостоятельно оседлать лошадь. Подвел ее к пню, только залез на него, а она – в сторону и смотрит на меня, выразительно так: понимаю, мол, твою проблему. Дашь кусочек хлеба – тогда пожалуйста, сама подойдет к пенечку, встанет смиренно и ждет, пока я поудобнее устроюсь на ее спине...

Дорогу домой лошадь знала хорошо, поэтому управлять ею не было особой нужды. Удивительно, что даже самый сильный снежный буран, плотной завесой скрывавший все, находящееся чуть дальше вытянутой руки, не мог заставить ее сбиться с курса. Сидишь в телеге, как слепой, только на лошадь и надеешься. А она идет себе спокойно, затем остановится и как заржет – все, мол, приехали, дом рядом...

Также приходилось присматривать за овцами, что было весьма непросто – за ними был необходим постоянный надзор. Малейшая невнимательность могла обернуться бедой, ведь в лесу скрывались волки. Выскочил такой хищник, схватил отбившуюся от стада овцу за холку, перебрал на спину и был таков.

Зимними вечерами мороз заставлял волков выходить из леса в поисках пропитания. Добирались они до сараев, в которых жили овцы, и, чтобы забраться туда, разбирали соломенную крышу. Спасали собаки, начинавшие неистово лаять и метаться, едва учув серого разбойника. Часто приходилось отцу, наскоро одевшись и схватив заранее приготовленное ружье, выскакивать на улицу, чтобы успеть спасти свою живность.

Пасти корову мне нравилось гораздо больше. Еще бы, ведь с этой же целью к местному пастбищу, находившемуся на окраине леса, приходили практически все мои одногодки. В компании закадычных друзей всегда было очень весело, поэтому день пролетал совершенно незаметно.

Остальное время я находился при матери, помогая ей во всех ее делах и заботах. Конечно, разные случаи происходили. Порой от меня было больше вреда, чем пользы. Взятся таз с водой нести, да сил не рассчитал и пролил ее на пол. Или тарелку, столь дефицитную вещь в то время, разбил. Ну, шлепнет мама в сердцах... Да разве это наказание! Другое дело, самому аж до слез обидно. Хотел ведь как лучше сделать...

Когда в 31-м году родилась младшая сестра, я, можно сказать, был ее нянькой. Ушла мама в поле работать, мы дома остались. Подошло время кормить Серафиму, беру ее на руки и несу. Нелегко, конечно, было топать. С одной стороны, сильно прижать к себе страшно, с другой – уронить боюсь. А сестренка уже плакать начинает, кушать-то хочется. Мать в тенечек отойдет, покормит ее, в руки мои отдаст и вновь за работу. Мы назад идем, домой...

Конечно, находилось время и для игр. Ведь в этом отношении мы были самыми обычными детьми, любившими активные и веселые развлечения. Что интересно, несмотря на практически полное отсутствие фабричных игрушек, никто из нас никогда не считал себя обделенным и не давал скуке ни малейшего шанса. Недостаток готовых изделий с лихвой восполнялся весьма приличной сырьевой базой и нашей неограниченной фантазией в ее использовании.

Любимой игрой местной детворы была традиционная лапта. Мяч для нее делался из конского волоса с добавлением муки. Он получался весьма плотным и здорово летал, поэтому зевать во время игры было совершенно недопустимо. Попадет в тебя такой снаряд – мало не покажется.

Несколько позже появился футбол. Здесь материалом для мяча служил мочевой пузырь коровы, лошади или быка, который отдавали нам при разделке скотины. Его надо было хорошо растереть, чтобы увеличить до необходимых размеров, затем надуть и завязать веревочкой. Мяч получался легкий и прыгучий.

Частенько ходили с ребятами в лес, обычно ближе к вечеру. Каждый приносил у кого что было. Кто рыбки наловил, кто пару яиц из дому принес, кто морковку или огурцы с грядки, грибов набрали. Так толпой и идем на наше излюбленное место. Разожгли костер, пожарили все это на куске жести, служившем в качестве противня. И, конечно же, картошку в угли зарыли. Сидим, болтаем, пока она печется. А запах-то ноздри щекочет, аж слюнки текут. С трудом дождавшись готовности, доставали ее и, не счищая шкуры, ели прямо с пеплом... Свежесорванную морковь вытер об штанину и в рот. Объедение! И ведь не знали, как живот болит...

Охота на зайцев была излюбленным отдыхом для мужиков, приносившим весьма неплохую прибавку к семейному столу. Для этой цели у отца имелись два ружья, и они вместе с дядей Устимом частенько уходили «на промысел». Вася, когда достаточно подрос, тоже пристрастился к этому делу. Несколько раз пытался охотиться и я, но безуспешно – никого не смог подстрелить, хотя и старался. Да и вообще не нравилось мне подобное занятие. Находишься, устанешь как собака, придешь домой весь грязный и промокший насквозь. Никакого удовольствия.

А вот субботу, обязательный банный день, я ждал с нетерпением. Отец тоже очень любил это дело. Помню, лежит на скамье, а мы с братом его вениками окучиваем. А он все подгоняет:

«Давай! Сильнее!! Вот хорошо!!!» Дед как-то раз так запарился, что рубашку вместо кальсон надел. Долго еще потом смеялись мужики над ним.

У деда одна баня была на три дома, а по соседству – запруда. Летом выскочил из парной, в холодной воде поплавал и назад. А зимой просто в снег прыгали. Попарились мужики, потом садятся за стол, по сто грамм выпьют, поужинают хорошо.

Сегодня многие сетуют на чуть ли не тотальный алкоголизм русского народа во все периоды его истории. Кто-то упорно стремится вдолбить эту убогую байку в массовое сознание, вызывая комплекс неполноценности.

Со всей ответственностью могу сказать: подавляющее большинство людей, с которыми мне лично довелось встречаться в детстве и юности, знало меру в употреблении алкогольных напитков. Самым пьющим среди них был один дед, живший недалеко от нас. Его называли Гришка-пьяница. Каждое воскресенье он напивался в стельку, день-другой пластом лежал, отходил, остальное время работал, потом снова... Но это лишь достаточно редкое исключение.

Были такие, как, например, дядя Филипп. Он ведь кузнецом работал, а хороший кузнец – обеспеченный человек, особенно в селе. Мог позволить себе практически все, что можно было приобрести за деньги. Так вот, он месяц, а то и больше ни капли в рот не брал. Затем за пару дней «пар выпустил» и вновь за работу. Он вояка был, всю первую империалистическую войну прошел, заслужив два Георгиевских креста. Сабля у него с тех времен осталась. Несколько раз, помню, как выпьет, схватит ее и за женой гонится: порублю, мол, в капусту.

Но в основной своей массе не пил народ особо, трудиться же надо. Иначе все – нищета, не успеешь оглянуться. По праздникам, конечно, могли дать жару, но не более того. А сколько их в году-то? Раз, два и обчелся. Тогда ведь дни рождения не отмечали, только престольные праздники да свадьба у кого если случилась. При этом не помню хоть одного пьяного дебоша. Разве что молодежь поцарапает друг друга слегка, из-за девок, конечно. И в Уфе, где мы жили среди заводских рабочих, картина та же самая.

Медовуха в нашем доме была всегда, но употребляли ее также только лишь по особым случаям. Соберутся иногда зимой в нашем доме пять-шесть соседских мужиков, сядут за стол, выпьют, закусят. Потом, закутив, начнут истории всякие рассказывать. Они болтают, а мы лежим на печке, уши наострили и слушаем.

Самогон варили, хоть и строго тогда с этим делом было. Поймают – на первый раз штрафом отделаешься, а на следующий – вплоть до суда. У отца аппарат имелся, он его на сеновале прятал. Но пользовался им редко, в основном водку в магазине покупал при необходимости. И то не больше бутылки.

Что до подростков, то никакой возможности даже понюхать спиртное у них в то время и быть не могло. Даже самый отпетый самогонщик, не говоря уже о продавце в магазине, никогда бы не подумал продать им алкоголь. Отец как-то послал Васю, а ему тогда двенадцать исполнилось, купить пол-литра водки. Брат вернулся домой расстроенным: «Не дали, как ни просил», – говорит. «Правильно сделали! – ответил отец. – Это я, дурак, не подумал»...

Иногда, в летние выходные дни, жители близлежащих хуторов собирались, чтобы потанцевать или просто послушать игру местных музыкантов-любителей, число которых было ненамного меньше, чем самих слушателей. Тогда у многих имелись инструменты – гитары, балалайки и весьма популярные в те годы гармошки, умение хоть немного играть на которых весьма ценилось в молодежной среде. Ни о какой нотной грамоте, конечно, речи не шло, поэтому приходилось всецело полагаться лишь на врожденные слух и чувство ритма. Обычно собирались ребята и перенимали друг у друга, кто что умеет.

Мой старший брат тоже пытался музицировать, но неудачно, поэтому вскоре купленная ему отцом гармошка перешла в мое безраздельное владение. Надо сказать, некоторое время спустя я довольно неплохо научился исполнять на ней любимые односельчанами народные мелодии и стал принимать активное участие в звуковом сопровождении вечерних танцулек,

освоив впоследствии азы игры на балалайке. Пару раз даже на свадьбах выступал, чем был весьма горд.

Но главными завсегдатаями подобных мероприятий являлись, конечно же, женихи и невесты, старавшиеся по этому случаю приодеться покрасивше. Именно эти свежие летние вечера соединяли молодых людей, пробуждая в их сердцах взаимную симпатию.

Иногда родители не принимали выбор своих детей и пытались, по мере своих сил, придать их романтическому порыву более приземленное направление. Такие случаи столкновения воли и характеров оканчивались по-разному. Кто-то подчинялся родительскому внушению, иные поступали наперекор.

Невест воровали, было дело. Помню, дядя Сергей со своей будущей женой встречался какое-то время. Красивая пара, нечего сказать. Дело к венцу уже шло, но тут вдруг ее родители заупрямились чего-то и согласия своего на их брак не дали. Брат ее видется им не давал. Вот и решил дядя Сережа выкрасть свою невесту. Как им удалось сговориться, не знаю, но одной прекрасной ночью он запряг жеребца в нанятую для этого дела пролетку и... Потом всех просто поставили перед фактом, так что пришлось принимать зятя такого, какого дочь выбрала.

Зимой также скучать не приходилось. Почти каждый день начинался снежными баталиями, участие в которых порой принимали даже и взрослые. Затем, разбежавшись на некоторое время по домам, чтобы согреться и пообедать, мы выскакивали на улицу вновь, захватив с собой самостоятельно выструганные лыжи. Изготавливались они тщательно и, между прочим, были не менее прочными, чем фабричные. Лыжные прогулки никогда не надоедали нам, благо деревенский ландшафт позволял огромное разнообразие маршрутов. Естественно, каждый старался быть быстрее остальных, тем самым превращая детскую забаву в настоящее спортивное состязание. Любили мы и катание на импровизированных коньках, представлявших собой деревяшку соответствующей формы, примотанную проволокой к обуви. Особым шиком считалось умение съехать с вершин в изобилии имевшихся в нашей местности горок, покрытых коркой льда.

Но основным развлечением являлась, конечно же, рыбалка. Метрах в пятистах от наших домов протекала небольшая речушка, в которой в изобилии водились пескари. Отрезал от лошадиного хвоста часть его длинных волос, сложил их по три штуки, скрутил и накрепко привязал один к другому – вот и готова прекрасная леска.

Для крючка искали стальную проволочку. Если найти ее не удавалось, приходилось выпрашивать у мамы шпильку. Заточил ее, затем зазубринки осторожненько выпиливаешь, чтобы рыба не сорвалась.

Удочку в руки – и идешь к берегу. Буквально за пару часов можно было довольно легко ведерко наполнить. Домой приносишь его, на душе радостно: «Вот, я тоже взрослый, не просто так без дела болтаюсь». Мама эту рыбешку к вечеру нажарит, вся семья соберется у стола – ужин вдвойне вкуснее кажется. В той же речушке мы учились плавать, благо глубина позволяла.

Когда подросли, стали ходить на Сим, большую полноценную реку, в которой можно было поймать рыбу посерьезнее. До нее приходилось идти чуть больше двух километров, но разве это расстояние для пацанов? С шутками и смехом веселая ватага под предводительством старших ребят располагалась на берегу, забрасывая удочки или просто купаясь.

Один из таких прекрасных июльских воскресных дней, не предвещавший ничего плохого, окончился ужасной трагедией. На моих глазах утонули трое двоюродных братьев. Миша, самый младший из нас, весело плескавшийся в казалось бы спокойной реке, вдруг закричал и моментально ушел под воду. Петю и Ваню, стремглав бросившихся на помощь, постигла та же судьба.

Вася, мой родной брат, схватил меня за руку и вытащил на берег. Мы тут же изо всех сил понеслись домой, отчаянно призывая кого-нибудь из взрослых. К сожалению, спасти хоть

кого-то из ребят было уже невозможно. Всплывавшие в течение пары следующих дней тела выловили рыбаки. Оказалось, в этом месте был обрыв, да еще и сильное течение, справиться с которым не хватило сил. Самому старшему из них исполнилось лишь четырнадцать.

Этот кошмарный день мне никогда не суждено забыть. Буквально в нескольких метрах от меня, девятилетнего мальчишки, пронеслась безжалостная смерть, в одно мгновение оборвав три молодые жизни. В реальность происшедшего просто невозможно было поверить, и порой все это казалось лишь страшным сном, который вот-вот растворится в первых лучах восходящего солнца. С трудом контролируя свои дрожащие ноги, я забрался на печку и всю ночь, не смыкая глаз, проревел, уткнувшись лицом в стену дома...

...С тех пор у меня появился страх перед водой. Хотя, немного повзрослев, я сумел перебороть его и научиться плавать разными стилями, причем весьма неплохо, боязнь глубины осталась со мной навсегда. Я свободно мог держаться на воде в течение часа, но комфортно ощущал себя только будучи твердо уверенным, что в любой момент смогу достать ногами до дна. Поэтому и сейчас плыву только вдоль берега. И даже тысячи часов, проведенных в полевых над морем, так и не смогли избавить меня от этой психологической травмы, полученной в далеком детстве...

Насколько помню, я не слишком выделялся среди сверстников. Отличиться особой активностью в изобретении всякого рода шалостей, так же как и тягой к лидерству, никогда не стремился, наверное, в силу своего более спокойного и рассудительного характера, но и задних, как говорится, тоже не пас.

Как-то раз кто-то из старших ребят подбил нас забраться в соседский сад за яблоками. Своих, конечно, имелось в достатке, но те были особенные – китайские ранетки и еще один сорт, крупные такие, кисло-сладкие, типа семеринки. Соблазн был велик – таких яблок, помоему, ни у кого в округе не имелось. Я, конечно, понимал, что поступаю неправильно, но аргументы вроде «А тебе что, слабо?!» оказались в тот момент сильнее здравого смысла и воспитания.

Несмотря на все предосторожности, наша компания была почти сразу же обнаружена, едва успев перелезть через забор. Словно стая птиц, испуганная резким движением, мы моментально разлетелись в разные стороны, преследуемые хозяйскими собаками. Никого, естественно, поймать не удалось, но что толку – на хуторах все прекрасно знали друг друга, поэтому сосед, закончив свои текущие домашние дела, неспешно отправился поговорить с нашими отцами о надлежащем воспитании детей.

Причем стоило просто подойти и попросить, он, несомненно, угостил бы нас своими яблоками, но мы как-то стеснялись... да и, казалось, вкус у дареного не такой приятный, как у «добытого» самостоятельно. Так что дело было не в сорванных плодах как таковых, а в принципиальном вопросе бытия – ничего чужого брать без спросу нельзя! В общем, посидели мужики, покурили, родители наши пообещали применить к нам соответствующие воспитательные меры, и все спокойно разошлись по своим домам.

Тем временем я, терзаемый стыдом за совершенный мной нехороший поступок, прятался в лесу. Возвращаться домой ой как не хотелось! Как смотреть в глаза матери, отца или деда... «Они ведь никогда в жизни... А я... я... пытался...» Даже мысленно было невероятно тяжело произнести безжалостное слово «украсть», исчерпывающим образом характеризовавшее мой проступок.

Кроме того, меня волновал и другой вопрос, гораздо более прозаического свойства: насколько больно бьет отцовский ремень. Характер грядущего возмездия не вызывал никакого сомнения, просто ранее мне «не удавалось» его заслужить.

В этот момент, как никогда ранее, хотелось, чтобы день тянулся как можно медленнее, тем не менее вечер наступил ровно в положенное ему время. Солнце еще не полностью спряталось за горизонт, но в лесу благодаря обилию высоких деревьев стало уже достаточно темно.

Вскоре начали кричать совы, голоса их прорезали сгушавшийся над моей головой мрак, воскресшая в памяти ранее слышанные ужасные истории о заблудившихся в этих краях путниках, съеденных лесными хищниками. Сколько правды содержалось в них, до сих пор не знаю, но тогда, будучи не в силах сдерживать свой страх, я стремглав понесся домой.

Отец с невозмутимым спокойствием сидел на лавочке у дома, крутя на пальце орудие неминуемого наказания, один вид которого заставил меня замереть, как вкопанного.

– Иди сюда, – сказал он, – чего стоишь!

Не успел я опомниться, отец как хватил меня ремнем... Один раз врезал, хорошо так, от души... Зато на всю жизнь хватило, наука пошла впрок...

Как и все окрестные жители, мои родители были православными, но назвать их фанатично верующими никаких оснований не имелось. Ко всем жизненным вопросам, включая религиозный, они относились по-крестьянски рассудительно и не впадали в крайности.

Хотя у деда имелись Евангелие, Закон Божий, Жития святых и еще какие-то церковные книги, никого из детей к ним насильно не приобщали. Иногда, бывало, сам подойдешь, попросишь, чтобы почитал. Дедушка никогда не отказывал, степенно надевал очки, брал книгу и сажал меня рядом. От его монотонного, лишённого интонации голоса довольно быстро клонило в сон, так что ничего из прочитанного им в памяти не осталось. Помню лишь приятное тепло дедушкиной руки, лежавшей на моем плече. Наверное, именно ради этого я и обращался к нему с подобными просьбами.

В церковь ходили всей семьей по большим престольным праздникам и иногда по воскресеньям. Это всегда летом было, а чтобы зимой – не могу вспомнить. Вставали рано, отец запрягал лошадь, сажал нас в телегу и вез к месту назначения. Дорога была весьма неровная, с большим количеством бугорков и впадин, так что пятнадцать километров, которые отделяли наш дом от храма, были нелегким испытанием. Правда, в Кальтовке имелась так называемая обновленная церковь, но родители, верные традициям, обходили ее стороной. Таким же образом поступали все наши родственники и их семьи.

Вначале, конечно, интересно было. Головой по сторонам вертишь, иконы вокруг рассматриваешь. Свечи горят – красиво. И поют здорово, хоть и не совсем понятно. Но выстоять всю службу, подобно часовому на посту № 1, для ребенка было тяжело. Помимо воли начинаешь отвлекаться, думать о чем-то своем. Глаза бессмысленно блуждают по сторонам, и кажется, службе не будет конца...

Пару раз исповедовался. Кладешь голову на Священное Писание, лежащее на специальной подставке, подходит батюшка, накрывает меня своим фартуком, наклоняется ко мне и что-то неразборчиво говорит прямо в ухо. Потом спрашивает: «Грешен?» – «Грешен, батюшка», – отвечаю. Потом причащаешься, такой вкусный кусочек хлеба с вином дают.

Раз в месяц, иногда и чаще, священник ездил по хуторам, развозил святую воду и просфоры. Люди складывали в его повозку кто что мог: яйца, масло и другие продукты. Иногда и просто так приходил, без повода. Заглянет к нам в дом, с отцом посидят, поговорят. Иногда чарочку выпьют. Мать ему всегда курочку даст или кусок копченой свинины, хранившейся на чердаке. Он поблагодарит и едет дальше, к следующему хозяину.

Когда началась коллективизация, религию стали притеснять, батюшку нашего за воротник прихватили. Обновленная церковь работала без перебоев, а старую закрыли, затем открыли вновь. И так несколько раз...

С тех пор как я пошел в школу, в церковь ходить перестал. Через год-другой снял и крестик. Вначале мне удавалось скрывать это от матери, но, как известно, все тайное рано или поздно становится явным. Она, конечно, начала меня воспитывать, но тут вступился отец: «Ничего страшного! Пусть сам решает!» С тех пор я больше никогда крестик не носил. Жена и сын носят, а я... В церковь иногда захожу. Постояю, послушаю. Может, и есть Бог, кто его знает...

... Священники, по крайней мере те, которых мне лично доводилось видеть, были весьма умные люди, досконально знающие положения веры, умеющие доходчиво донести их до слушателя и прекрасно подготовленные к ведению дискуссий и споров.

В последнем мне воочию довелось убедиться в поезде «Ленинград – Москва». В одном купе со мной ехали начальник кафедры политэкономии, работавший в академии, где я в то время учился, и небольшого роста мужичок, окончивший второй курс Ленинградской семинарии.

Естественно, представители столь противоположных мировоззренческих систем сошлись в непримиримом сражении, отстаивая свою точку зрения на фундаментальный вопрос человеческого бытия – есть Бог или его все-таки нет.

Мне оставалось лишь отойти в сторону и наслаждаться этим интеллектуальным противоборством, в результате которого молодой семинарист загнал своего старшего оппонента в такой безвыходный тупик, что тот, будучи не в силах вслух признать свое поражение, вышел из неловкого положения, оправдывая свой отказ от дальнейшего продолжения спора неважным самочувствием и необходимостью выспаться. Меня же поразили широкий кругозор будущего священника, охватывающий передовые направления современной науки.

Перед тем как заснуть, я долго перебирал в голове аргументы обоих спорщиков, но, несмотря на поражение своего преподавателя, так и не смог окончательно решить для себя этот вопрос. Да, в теории эволюции есть слабые места, но это, на мой взгляд, не является абсолютным доказательством существования Бога, тем более Библию-то писали люди, мало ли чего они туда добавили.

С другой стороны, тот факт, что я все-таки уцелел в безжалостной мясорубке войны, выйдя живым из практически безвыходных ситуаций, очень похож на чудо и вполне может быть объяснен волей Божьей. Да и в мирное время критических ситуаций хватало – погодные условия скверные, а посадить самолет надо. Так что, чего греха таить, в такие мгновения вспоминаешь Всевышнего: «Господи! Спаси и сохрани меня, грешного!» Но это про себя, конечно. Вслух нельзя – экипаж услышит, а он должен на все сто процентов верить в своего командира... Правда, сказать, что эти обращения к Богу были вызваны искренней верой в него, я не могу...

В начале 20-х годов практически все сельские жители были малограмотными. В лучшем случае они имели за плечами два класса церковно-приходской школы, где под руководством местного священника научились кое-как читать и писать. Особое внимание уделялось изучению Закона Божьего. Подобное образование получали в основном одни мужчины. Женщины, в отличие от них, вообще не имели никакого, даже расписаться не могли.

Мой отец, помню, получал какие-то газеты, которые после использования их по прямому назначению шли на самокрутки. Кроме того, сдружившись с начальником почты, он частенько посылал меня к нему, чтобы попросить почитать что-нибудь свеженькое.

... Уже после создания колхозов стали появляться радиоприемники, правда, в очень ограниченных количествах. Один из немногих в районе имелся у нашего соседа, члена ВКП(б), занимавшего должность бригадира. Он никогда не отказывал детворе, желавшей своими глазами увидеть эту загадочную штуку, рассаживал нас на скамье и по очереди одевал каждому наушники. Точно помню, в школе ничего подобного не было и близко...

Надо отдать должное советской власти. Провозгласив одной из своих самых приоритетных целей достижение всеобщей грамотности, она методично и с завидным постоянством стала добиваться этого, используя имевшиеся на тот момент возможности.

В конце 20-х по всей стране начали появляться ликбезы. Не стал исключением и наш район. Женщин собирали в Кальтовке, где присланный из райцентра учитель обучал всех неграмотных чтению и письму. Мама также была среди них.

В школу я пошел не в восемь лет, как положено, а в девять – пришлось подождать, пока Вася закончит учебу и вновь, с утра до вечера, будет помогать отцу работать в поле. Такая же

ситуация сложилась во всех хуторских семьях, ведь потянуть одновременное обучение двоих детей было практически невозможно. Поэтому старшие братья, получив начальное образование, возвращались к работе, давая возможность нам, младшим, продолжить обучение.

Праздника, подобного современному Дню знаний, у нас не было. Но и сама потребность в нем отсутствовала, ведь одно лишь сознание того, что ты освоишь грамоту и, вполне возможно, станешь агрономом, фельдшером или трактористом, заставляло детские сердца трепетать от непередаваемого восторга.

Школа имела два отдельных здания. В одном проводились занятия, а в другом жили учителя и женщина, исполнявшая обязанности завхоза, сторожа и уборщицы. Она же отвечала за своевременную подачу звонков. Все остальное, от ежедневной уборки классов до периодической чистки туалетов, осуществляли сами учащиеся.

Ходить в школу мне нравилось. Разбудит мама утром, быстренько покушаешь и бегом на улицу, где еще вчера договорился встретиться с остальными ребятами. Вместе идти веселее. Никаких портфелей тогда не имелось, поэтому тетрадки складывали в холщовую самодельную сумку, носившуюся на плече.

Зимой, конечно, было очень тяжело. Порой сильнейшие метели яростно бросали в лицо такое дикое количество снежинок, что с трудом удавалось рассмотреть силуэты идущих рядом товарищей, не говоря уже про что-либо более отдаленное. Но пропускать занятия не хотелось настолько сильно, что родителям не удавалось удержать нас дома даже в такую «нелетную» погоду. Когда за ночь сильно заметало дороги, мы обували лапти, а не валенки, которые легко наполнялись снегом.

Количество и квалификация преподавателей, работавших в сельской местности, позволяли проводить обучение до четвертого класса включительно, но и это на первый взгляд скромное достижение было огромным прогрессом в сравнении с двухгодичным образованием наших отцов и дедов. Моей первой учительницей стала Надежда Константиновна, жена начальника почтового отделения, спокойная и справедливая женщина. Вместе со мной училась ее дочь Галя, которая не только не пользовалась никакими поблажками, но, наоборот, мать относилась к ней гораздо строже, чем к остальным.

В третьем классе у нас появился новый преподаватель – Анатолий Куликов, совсем молодой парень, окончивший после десятилетки шестимесячные курсы учителей. Особое внимание при нем стало уделяться занятиям спортом, в особенности футболу, страстным энтузиастом которого он являлся. Под его руководством было размечено игровое поле, поставлены ворота, и закипели жаркие баталии, благо теперь у нас был настоящий футбольный мяч, привезенный из города. Через год Куликова сменила взрослая женщина, имя которой я, к сожалению, не могу вспомнить.

До поры до времени о таком чуде, как кинематограф, нам доводилось только слышать. Да и то со слов тех, кому рассказывал кто-то, в свою очередь сам узнавший о нем от своих знакомых. Поэтому мы вначале просто не поверили своим ушам, когда учителя объявили нам о том, что в ближайшие несколько дней в нашей школе будут показывать фильм.

Окончательно все убедились в реальности происходящего лишь тогда, когда киномеханик начал устанавливать в отведенном для этой цели кабинете свой аппарат. Как нетрудно догадаться, практически все школьники толпились вокруг, стараясь не пропустить ни малейшей детали. Немногим счастливицам удалось даже поучаствовать в процессе подготовки импровизированного кинозала, что еще довольно долго составляло предмет их недюжинной гордости.

И вот наконец настало время сеанса. Ребятишки бесшумно расселись по своим местам, замерев в ожидании волшебства. На натянутом вдоль стены белом полотнище появился заголовок первого фильма. Немые картины, которые комментировал сам киномеханик, были в основном пропагандистского характера: хроника Октябрьской революции, будни социалистических строек, радостные крестьяне, добровольно идущие в колхозы...

Последнее вызвало некоторое недоумение, ведь отрицательное отношение родителей к коллективизации ни для кого не являлось тайной. Но тогда, решив, что в других районах страны люди не разделяют наших понятий о жизни, мы забыли об этом и продолжили просмотр картины, дожидаясь своей очереди крутить динамо-машину...

Впервые о коллективизации в нашем районе заговорили в 28-м, когда в Кальтовку стали присылать агитаторов, пытавшихся убедить крестьян в ее необходимости. Помню, как почти каждый вечер родители, загнав нас на печку, уходили на собрания, эмоционально обсуждая после возвращения услышанное там.

Подавляющее большинство людей, особенно хуторских, были довольны своей жизнью и не имели желания что-либо изменять в ней, тем более столь радикально. Поэтому в речах агитаторов начали появляться угрожающие интонации, а демонстративно лежавший на столе наган служил весомым дополнением к их пламенным призывам.

– Лошадь отдай, корову тоже, свинью, – говорили между собой мужики. – А как жить тогда? Батраком, что ли... Нет, не пойдет!

Вскоре выяснилось, что со всех десяти окрестных хуторов идею коллективизации поддерживают не более пяти хозяев из числа участвовавших в Гражданской войне красноармейцев и местной бедноты. В деревне таковых оказалось несколько больше. Таким образом, стало совершенно ясно, что добровольное создание колхозов в отдельно взятом районе обречено на провал.

Интересно отметить, что среди убежденных противников коллективизации хватало и тех, кого по всем признакам можно было отнести к беднякам. И хозяйство порой слова доброго не стоит, и дом – не дом, а хатенка какая-то жалкая. Казалось, сам бог велел соглашаться, а нет, не хочет. Из всех сил сопротивляется: «Какое-никакое, а свое!»

...В наши дни весьма распространено мнение, что колхозы активно поддержали только лодыри да завистники, совершенно справедливо прозябавшие в бедности исключительно по причине собственной лени и неспособности к систематическому производительному труду, люди, которые могли много и красиво говорить о прекрасном светлом будущем, не желая пошевелить даже пальцем, чтобы хоть на мгновение приблизить его, усмотревшие в новой форме ведения хозяйства прекрасную возможность паразитировать за счет остальных.

Но это лишь весьма поверхностное суждение, далекое от реальной жизни, гораздо более сложной, чем примитивная формула, бездумно повторяемая теми, кто не хочет утруждать себя попытками досконально разобраться в причинах того или иного положения вещей. Бесспорно, все ленивые крестьяне неизбежно становятся бедняками, но из этого утверждения никоим образом не следует, что в бедности пребывают только нерадивые хозяева.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть: крестьянский двор является весьма сложной многоуровневой системой, каждый элемент которой неразрывно связан со всеми остальными. Выбей какое-то звено из этой цепочки, и вся она довольно быстро и, к сожалению, безвозвратно разрушится.

Вот, например, здоровье. Нет его – и все, пиши пропало. Как бы жестоко это ни звучало, но в деревне больной человек просто физически не сможет удержаться на плаву, ведь работать здесь необходимо с предельным напряжением всех сил. Кроме того, нельзя не учитывать такие факторы, как засухи, неурожаи и болезни, поражающие рабочий скот. Но главной причиной массового обнищания селян являлась упомянутая выше аграрная перенаселенность страны. Так что потерять все можно было практически мгновенно, а вот хотя бы частично восстановить... Разве что если очень сильно повезет.

Бедность переходила по наследству от отцов к детям. Вот у нас сосед был, любитель выпивки. У него и так ничего не было, а тут трое сыновей поженились, отделять надо. Одному домик слепили из части сарая, другой где-то сруб купил плохонький, перевез и поставил... Чтобы хоть как-то прокормиться, хозяйство надо иметь – плодородную землю, лошадь обяза-

тельно, к ней – телегу и прочие причиндалы, корову, поросят, овец, кур, участок для выпаса скота. А где взять все это? В батраках много не заработаешь, значит, надо уезжать куда-то. Молодым еще можно было устроиться учеником на заводе, чтобы пару лет спустя получить начальную квалификацию...

У бедных обычно и земля плохая. Купить ее на выселках – денег нет. Оставалась общинная земля, передел которой производился периодически, с учетом количества едоков. Но здесь тоже были свои подводные камни. Пять гектаров одного хозяина могли радикально отличаться от тех же пяти гектаров другого, включавших трудно поддающиеся обработке глубокие овраги и порой даже болото. Здесь все обычно решала жеребьевка, но нечистые на руку люди из числа зажиточных селян всеми правдами и неправдами прибирали к рукам самые лакомые участки...

Через пару лет, когда стало совершенно ясно, что добровольное создание колхозов провалилось, началась принудительная коллективизация. Отец считался середняком, поэтому нашу семью не тронули. А вот деду не повезло, богатым его признали. Мельница у него была ветряная, которую он построил своими руками. Еще несколько лет назад со всех хуторов свозили к нему зерно на помол, платя соответствующее вознаграждение. Но когда в Кальтовке поставили мельницу с дизельным приводом, даже сам дед стал пользоваться ее услугами, оставив свою простаивать без дела. Постепенно она пришла в негодность.

Имелись у него две рабочие лошади и племенной жеребец, три коровы, овцы и более мелкая живность. При таких исходных данных деда можно было зачислить как в кулаки, так и в середняки, хоть и с большой натяжкой. Все целиком и полностью зависело от субъективного мнения комиссии.

Судьбу решил случай. Очень уж приглянулся руководству свежееорганизованного колхоза дедушкин черный жеребец, статный и здоровый. Еще бы, ведь к нему постоянно приводили кобыл для оплодотворения, само собой разумеется, небезвозмездно. Председатель потребовал отвести его в общую конюшню. Дед, отказавшись сделать это, взял да и продал коня... Сильно обиделся тогда председатель – забрали у деда все, что было: и дом, и скотину... Словом, выгнали на улицу, а дальше – как хочешь. Бабушка умерла как раз в это самое время, дед перешел к нам, а дяде Сереже и его жене с ребенком оборудовали под жилье бывшую баню.

У дяди Устима отбирать было нечего, разве что хромую лошадь, да и ту украли в городе. Поехал в Уфу на маслозавод, решив переночевать у знакомых. Утром встал – нет ее. А в деревне без лошади – бедней некуда... Домой вернулся весь поникший такой, раздавленный. Поле-то надо обрабатывать, чтобы своих четверых детей прокормить.

Насколько я помню, его даже середняком тяжело было назвать, домик маленький, без сеней-пристройки, двери сразу на улицу открывались; дети голые-босые, единственные галоши на всех; коровка, пара овец да поросята... Тем не менее и над ним нависла угроза из-за «кулацких» корней жены. Не желая искушать судьбу, дядя Устим вступил в колхоз, сохранив при этом практически все свое хозяйство.

...Вскоре он стал главным пчеловодом, поскольку был одним из лучших специалистов в этом вопросе. Пацаном я бегал на его пасеку. Что интересно, дядя Устим никогда не надевал сетку, когда работал возле ульев. Она лишь стесняла движения и мешала обзору, ведь пчелы его совершенно не кусали, признавали, наверное. Садись на руки, ползали по ним. Он аккуратно смахнет их и продолжает заниматься своим делом. А меня пару раз куснут обязательно.

– А ты руками не маши, – с улыбкой говорит дядя, – стой спокойно!

Но у меня все равно не получалось заставить себя не дергаться, чувствуя, как ползут под рубаху жужжащие насекомые.

Возле ульев работали в основном одни женщины. Оказывается, пчелы, как и собаки, не любят запах спиртного и, едва учуяв его, начинают беспокойно носиться вокруг улья и жалить. Поскольку мужики, бывало, могли выпить, дядя не брал их к себе в подчинение.

Тем более для изготовления пользовавшейся большим спросом медовухи на пасеке имелись все возможности. Делали ее из отходов, получившихся в результате прокачки меда, в которые добавляли кипяток, хмель, дрожжи или закваску, после чего оставляли для брожения. Сильная штука, пару кружек принял – и готов. Причем чувствуешь себя вполне нормально, а встать не можешь...

Дядя Филипп, единственный кузнец на всю округу, сопротивлялся до последней возможности и вступил в колхоз в самый последний момент, где и продолжил работу по специальности.

Конечно, были и настоящие «кулаки», имевшие до пятидесяти гектаров земли, около пяти лошадей и десятка коров. Некоторые владели мельницами с механическими движками и даже небольшими заводиками. С ними поступили жестоко и беспощадно. Оказавших «злостное сопротивление» согнали на станцию, посадили в грузовые вагоны и отправили на Север, куда-то в район Белого моря. Остальных вывезли в район Белорецка и, выгрузив практически на пустой местности, бросили на произвол судьбы. Ладно бы весной, за лето еще что-то можно было бы предпринять для спасения. Так нет же, первую партию вывезли осенью, а вторую – зимой. Погибли люди от голода и холода, едва ли кто уцелел. Некоторых из них я знал лично...

Оставшихся хуторян начали постепенно переселять в ближайшие села. В общем, резали по живому... Ситуация более-менее нормализовалась только к 1940 году...

Нужно ли было проводить коллективизацию в принципе? Думаю, да. Ведь индустриализация требовала огромного количества рабочих рук. Где их взять? Только из деревни, где до революции проживало около восьмидесяти пяти процентов всего населения России. Вопрос в том, чтобы это сделать с максимальной эффективностью и минимальными потерями...

Но, как часто происходит, даже самую прекрасную и прогрессивную идею можно совершенно испохабить непродуманной реализацией. В результате, может быть, удастся получить кратковременный успех, который в весьма недалеком будущем может обернуться пирровой победой.

Вот, например, кадровый вопрос. Подавляющее большинство «крепких хозяев» являлись противниками коллективизации, следовательно, никто из них даже гипотетически не мог возглавить зарождающиеся колхозы. Поэтому председателя и других начальников присылали извне, то есть из райкома. Энергичные люди, прекрасно подготовленные в качестве агитаторов, всецело преданные советской власти, они имели какое-то представление о сельском хозяйстве, правда, порой весьма поверхностное. Соответствующим образом формировалась вся вертикаль власти. Бригадиров назначал председатель из числа местных активистов. Насколько я помню, большинство из них дома и палец о палец не ударяли...

Еще одним слабым звеном было практически полное отсутствие должного материального обеспечения. Вот, собрали десятки лошадей и коров, а помещений для их содержания не подготовили. Реквизированные у «кулаков» сараи могли вместить не более пяти животных. Правда, некоторое время спустя построили коровники и конюшни. Но тут возникла другая проблема – от хутора до них пять километров, весьма приличное расстояние. Назначили тебя работать на лошади – беги за ней на ферму. Туда-обратно, часа два потеряно. Но это еще полбеды. Бывало и так – взял лошадь, вернулся за телегой, а ее уже кто-то другой увез...

Инструментов катастрофически не хватало, особенно металлических плугов и борон. До объединения большинство селян пользовались деревянными, весьма недолговечными, – пока свой клочок земли обработал, они уже разваливались. После объединения долго говорили о необходимости изготовления железных, тем более квалифицированный кузнец в колхозе имелся. Но материал так и не появился. Или вот выделили одну жатку на всю бригаду. Двое мужиков работают на ней, а остальным что делать? Сидеть и курить. Больше нечего.

С молотилками – та же самая проблема. Их, отобранных у «кулаков», имелась всего пара штук на весь колхоз...

Даже питание работавших вдали от дома селян толком организовать не удалось – полевых кухонь, вроде солдатских, совсем не было. Взяли обычный котел, в котором раньше хозяин похлебку для свиней варил, отмыли и стали варить в нем пищу для людей. Пока довезут к месту назначения, она уже холодная. Кусочек хлеба дадут, иногда с салом. Отсюда и настроение соответствующее, и низкая производительность...

Некоторое время спустя появились первые трактора с большими задними колесами, купленные, по-моему, в Америке. На них возлагались большие надежды, но реальность оказалась не столь благоприятной.

Во-первых, их было всего четыре штуки на весь район, поэтому, чтобы перейти с одного поля на другое, требовались часы. Да и топлива он жрал прилично, от Кальтовки до места работы добрался – шести литров как не бывало. Поработал немного и встал. Надо бежать, просить, чтобы бочку с керосином подвезли. Но сразу заливать его в бак, находившийся прямо над двигателем, было нельзя – пожар мог возникнуть моментально. Вот и приходилось ждать, пока остынет мотор.

Во-вторых, плуг, который тащил за собой этот трактор, имел всего два лемеха, и поэтому «железный конь» был не эффективнее, чем пара лошадей. Зато ухода и присмотра требовал гораздо больше. И проходимость хуже – задние колеса крутятся, передние проваливаются. Словом, толку от него было мало. Более совершенные трактора производства Челябинского, Харьковского и Сталинградского заводов появились несколько позже.

Но все вышеперечисленное отступает на второй план перед самым существенным просчетом – совершенно не была учтена психология сельского жителя, воспитанного как ХОЗЯИН своей земли. Не смог разглядеть он в зовущих к светлому будущему страны лозунгах СВОЕГО личного светлого будущего, не воспринял пустые для него слова о повышении производительности труда и других высоких материях.

Зато предельно ясно было другое – имел мужик свое хозяйство, и нет его теперь. Гоняют его, как раньше батрака. Сегодня пойдешь пахать, завтра – молотить... И пропал интерес к работе даже у самых трудолюбивых. Берег мужик свою телегу, осенью смазывал, смотрел колеса, ремонтировал зимой, при необходимости отдавал кузнецу перетяжку сделать. Стала она колхозной... И все. Развалилась вскоре без присмотра. А заставить людей следить за ней должным образом было ой как трудно. Выслушает, головой покивает, а до дела так руки и не доходят. Не мое – не жалко.

Не везде получилось и создание коллективов как общности людей, объединенных определенной целью. В отличие от деревни, где домики располагались весьма кучно, на хуторах дело это продвигалось весьма медленно – не привыкли хуторяне к столь тесному сотрудничеству. Одно дело – всем миром жилье строить, а другое – сообща в поле работать. Мало того, и спланировано все было как-то непродуманно, исходя из сиюминутных потребностей. Сегодня человек на одно поле идет, а завтра – совсем на другое. Думаю, гораздо эффективнее трудились бы не наскоро организованные бригады, а семьи, за которыми закреплялся бы определенный фронт работ.

Как следствие, исчезли инициатива и заинтересованность в результате своей деятельности. К примеру, должен трактор приехать, а нет его. Бригадир на коня вскочил – и к председателю, узнать, в чем причина задержки. Народ сидит, ждет...

Неудивительно, что проведенная таким образом коллективизация породила огромное количество недовольных. Не было, наверное, ни одной крестьянской семьи, так или иначе не пострадавшей в ее процессе. В душе каждого сельского труженика тяжелым осадком накопились горечь и непонимание. Как? За что? Почему? Ведь говорили же: «Земля – крестьянам»...

...Вряд ли существенно ошибусь, утверждая, что большинство молодых ребят моего поколения, от учащегося ФЗУ до курсанта летного училища, являлись выходцами из деревни.

Многие из нас имели причины ненавидеть советскую власть, столь жестоко и несправедливо поступившую с их родными.

Тем не менее когда началась война, стремление поскорее попасть на фронт было основным жизнеопределяющим мотивом для людей всех возрастов и родов занятий. Лично видел искреннюю неподдельную печаль в глазах совсем юных мальчишек из Бузулука, сбежавших из дому воевать с фашистами. Пацаны были задержаны кордонами НКВД почти у самой линии фронта и возвращены родителям. По моим впечатлениям, старавшихся всеми правдами и неправдами отсидеться в тылу было совсем немного, а те, кто по разным причинам был вынужден остаться, самоотверженно трудились на заводах и фабриках, приближая нашу общую Победу...

Несколько следующих лет родителям все же удавалось уклоняться от вступления в колхоз. Правда, приходилось отдавать государству намного больше, чем прежде. Несмотря на плохие урожаи 30-го, 31-го и 32-го годов, никаких поблажек селянам предоставлено не было, и отец сдал абсолютно все требуемое. То немногое, что осталось, с трудом обеспечивало необходимое пропитание семьи. Кое-что было припасено и для посева: пшеница, рожь, ячмень, овес.

Но осенью 32-го, почти сразу после сбора урожая, из города как саранча налетели бригады активистов-продзаготовщиков и начали отбирать у несчастных крестьян их и без того скудные запасы, совершенно не заботясь о том, что обрекают людей на голодную смерть. Методично и бездушно, не обращая внимания на бившихся у своих ног плачущих женщин, «экспроприаторы» обшаривали наши дома от подвалов до чердаков, безжалостно выгребая все, что только смогли найти...

Совершенно не имело никакого значения, выполнил ли ты план по госпоставкам или нет, поэтому у меня создалось впечатление, что эти «заготовки» являлись не принудительным изъятием излишков, а самым настоящим беспредельным грабежом.

Никакими словами невозможно передать глубину отчаяния, в которую были низвергнуты еще совсем недавно более-менее благополучные крестьяне. Раздавленные неожиданно свалившейся на них бедой, они отчаянно пытались найти выход из бесконечного лабиринта неразрешимых вопросов. Как пережить надвигающуюся зиму и при этом сохранить скотину? Чем кормиться летом, если уже пора сеять озимые, а сеять нечего? А что делать весной...

Наступило самое ужасное время, которое мне довелось пережить. Чувство голода постоянно преследовало меня, не давая забыть о себе ни на мгновение. Найти что-нибудь съедобное, чтобы хоть как-то подкрепить жизненные силы организма, стало целью и смыслом всего существования. Тем не менее школу мы посещали почти без пропусков, а до нее полтора километра, расстояние приличное для оголодавших детей. Иногда, бывало, настроения никакого, наваливается апатия и равнодушие ко всему. Но соберешь волю в кулак, стряхнешь с себя оцепенение и – на занятия.

Никогда, ни до, ни после этих событий, мне не доводилось видеть свою маму такой подавленной и печальной. Каждое утро, с глазами, опухшими от слез, она поштучно делила на завтрак гнилые картофелины, по две каждому, оставляя себе лишь половину. В такие моменты я забывал даже о своем пустом желудке, от всей души жалея измученную маму, молчаливое и от этого еще более красноречивое отчаяние которой разрывало сердце на куски, и был готов на все, чтобы вновь увидеть на ее родном осунувшемся лице хотя бы слабое подобие улыбки. Мы с братом пытались поделиться с ней, но всегда встречали ласковый, но уверенный отказ...

...Гораздо позже, когда сам стал отцом, я понял: ее слезы были не отчаянием доведенного до крайности голодного человека, а нестерпимой болью материнского сердца, терзаемого сознанием собственного бессилия спасти своих медленно угасающих детей...

Некогда веселые и жизнерадостные люди стали постепенно превращаться в высохшие скелеты. Зимой начали умирать самые слабые – дети и старики. Мороз быстро проникал под ветхую одежку, неотвратимо приближая и без того близкий конец. К весне на хуторах недо-

считались всего нескольких человек, что в создавшейся ситуации можно рассматривать как большое счастье, а вот в деревне, говорили, смертей было много. В нашей семье, слава богу, обошлось без них.

Выживали кто как мог. Начали с того, что перевертели мякину, не давая пропасть ни зернышку. Отец, наверное, заранее узнал о нависшей над нами опасности и поэтому успел организовать в лесу тайник и закопать в нем пару мешков зерна. Когда становилось совсем туго, они с Васей поздней ночью отправлялись туда, возвращаясь не с пустыми руками. Принесенное зерно сначала просушивали на печи, а затем перемалывали, разбавляя «желудями, лебедой и прочей ерундой». Утром из этой муки делали лепешки или хлеб. Но использовать лесные запасы для пропитания было категорически нельзя – их едва хватало для осеннего и весеннего посевов.

...Недостаток зерна существенно сократился, когда дядя Филипп, работавший в колхозе кузнецом, смог выделить отцу два мешка пшеницы, полученных за трудодни...

В самые тяжелые дни нас, можно сказать, спасли желуди. Они очень питательные, не зря свиньи их любят, кушают за милую душу, аж хруст идет. Еще до наступления зимы мы всей семьей собирали желуди в мешки, просушивали, а затем, прожарив в печке на противне, мололи на жерновах. Получившуюся таким образом муку прятали на чердаке.

Даже выпавший зимой снег не стал помехой. Раскопаешь его, отгребешь в сторону опавшие осенью листья, обязательно найдешь желудь, спрятавшийся под ними. Хоть и мало их оставалось, но все-таки... Что получше, оставляли себе, похуже – поросенку. Скотину берегли, ведь без нее никак нельзя.

Спасение пришло весной, когда появились первые травы и все пацаны перешли на подножный корм. Мы знали, что можно кушать, и постоянно бегали на луга в поисках съедобных корней дикого лука и других растений, которые тут же, едва выдернув из земли, отправляли в рот. Удивительно то, что живот после этого не подавал никаких признаков болезни.

Летом стало еще легче. В лесу появились грибы и ягоды: земляника, клубника, черемуха, ежевика. Наполнил корзины, рыбу наловил – домой все это несешь, родителям. Ну и себя не обидишь, конечно. Черемуха у нас крупная росла, наешься ее, весь рот черный был. Если повезет, удавалось еще и яичко украсть из маминых запасов.

Однажды, блуждая по лесу в поисках чего-нибудь съедобного, мне посчастливилось найти в овраге прекрасные кусты малины, сплошь усеянные крупными ягодами. Вне себя от счастья, я бросился к ним и уже было приступил к наполнению посуды, данной мне матерью, попутно утоляя постоянно преследовавшее меня чувство голода...

Раздавшийся внезапно резкий хруст грубо ломаемых веток заставил меня поднять голову и осмотреться. Сквозь промежутки между листьями я увидел огромного медведя, объедавшего малиновый куст прямо напротив меня... Наверное, он не заметил замершего в ужасе мальчугана, поскольку всецело был занят своим делом. Внутри все похолодело, ноги стали ватными, кровь бешено стучала в виски. Впервые смерть оказалась столь близко...

Не знаю, сколько простоял в оцепенении, но, как только способность управлять своим телом вернулась ко мне, я стрелой понесся домой, крича изо всех сил.

– Там, в овраге... медведь... – сбивчиво рассказал я отцу, глотая слезы.

– Пойдем, – спокойно ответил он, не поверив моему рассказу, – посмотрим.

Мне очень не хотелось возвращаться назад, но присутствие отца придавало храбрости. Брошенная при поспешном отступлении посуда лежала на своем месте. Следы пребывания косолапого великана находились там, где должны были быть, – с другой стороны малинника. Вероятно, он, испугавшись моего резкого крика, тоже ретировался восвояси.

– Вот так встретились два Михаила... – прокомментировал отец. Это был единственный медведь, виденный мною своими глазами.

Осенью 33-го отец, принципиально не желавший вступать в колхоз, воспользовавшись советом знакомых мужиков, плюнул на все и подался на заработки в Уфу, где тогда не хватало извозчиков. Дрова развозил по городу, когда баржи разгружали, мешки доставлял на крупозавод, словом, свободного времени совершенно не было. Иногда на выходные приезжал к нам на денек-другой.

Поначалу отец снимал угол у одного мужика, пристроив свои лошады и телегу у него во дворе. К лету следующего года ему удалось заработать достаточную сумму, чтобы вдвоем с шурином приобрести дом, в который они сразу же перевезли свои семьи. Наш дом отец оставил дяде Сергею, не имевшему хоть сколько-нибудь приемлемого жилья, естественно, безвозмездно.

Расставаться с привычной деревенской жизнью, где все стало близким и понятным, было немного грустно. Некоторые опасения вызывала неизвестность, ожидавшая впереди. Но, несмотря на это, переезд воспринимался мною с оптимизмом. Хоть угроза голодной смерти уже миновала, никто не мог чувствовать себя в безопасности от повторения только что пережитого кошмара – приблизительно так рассуждали в тот момент мои родители, и у меня не было никаких причин сомневаться в их правоте.

Кроме того, сердце подсказывало мне, что происходит не банальная смена места жительства, а одно из тех важнейших событий, которые определяют всю дальнейшую судьбу. И я был прекрасно подготовлен к этому. Строгая деревенская жизнь с ее суровыми испытаниями закалила мой характер, научив преодолевать любые трудности, не опуская руки при очередной неудаче.

Уфа

Так называемая Старая Уфа, находившаяся на окраине города, была районом, где в основном жили заводские рабочие и приезжие из окрестных сел, согнанные, подобно нам, с насиженных мест коллективизацией и последовавшим за ней безжалостным голодом 1932-1933 годов. Рубленые пятистенные домики, словно спрятанные среди зелени садов, своим внешним видом и внутренним содержанием практически не отличались от деревенских.

В одном из них, расположенном на улице Нечаева, поселились наши две семьи – мои родители с четырьмя детьми и сестра отца со своим мужем и двумя ребятишками. Кроме того, с нами перебрался в город и дедушка Григорий. Жили, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Нам со старшим братом отгородили угол комнаты, а родители вместе с младшими сестренкой Серафимой и братиком Петей спали отдельно. Мужчины чуть свет уходили на работу, а женщины готовили еду на общей кухне...

Жизнь нашу тяжело было назвать богатой, но мы и не требовали от нее большего. Ведь семье уже совершенно не угрожал голод, черной тенью преследовавший полтора мучительно долгих года, и одно только это делало нас счастливыми. Но, чтобы приобрести необходимые продукты питания, приходилось иногда даже ночи напролет, сменяя друг друга, выстаивать в очередях у магазинов. А утром, передав вахту матери, наскоро позавтракав и схватив сумку с тетрадками, я бежал в школу.

Весомым подспорьем была корова, перевезенная в город. Жила она вместе с лошастью в сарае, построенном отцом из разобранного и переправленного по реке на плоту деревенского амбара. Что интересно, прокормить животных в городе оказалось гораздо проще, чем в деревне. Пошел на базар, купил два воза сена – и никаких проблем. Да и для выпаса тоже имелось подходящее место. Так что мама еще довольно долго торговала молоком, которое я помогал ей носить по утрам на рынок.

Через пару лет шурин выкупил занимаемую нами жилплощадь, и отец, прибавив к этой сумме заработанные деньги, смог приобрести находившийся неподалеку, на улице Льва Толстого, старенький одноэтажный дом. Сарай с коровой, лошастью и поросенком был перевезен на новое место.

Видно, так уж устроен сельский житель, что, даже сменив прописку на городскую, все равно тоскует о земле, поэтому любой ее клочок, оказавшийся в его владении, будет тут же использован по назначению. Небольшой участок земли около дома давал к нашему столу огурцы, помидоры, яблоки и алычу. А в находившейся достаточно близко реке можно было примерно за час, не особенно напрягаясь, наловить ведро рыбы.

Вскоре отец продал свою стареющую лошадь и пошел грузчиком на крупозавод. Надеяться на более квалифицированную работу ему, к сожалению, не приходилось. Все знания и умения, накопленные за долгую и многотрудную крестьянскую жизнь, имели ценность лишь в родной деревне. Встать к станку не позволял возраст, ведь при отсутствии необходимых навыков можно было устроиться лишь учеником рабочего. Так что здесь, в городе, оказались востребованными лишь его сильные руки.

Оплата грузчика была сдельная, учитывался буквально каждый перенесенный мешок. Поэтому на первых порах до предела измотанный отец, возвращаясь домой после тяжелого рабочего дня, в изнеможении падал на стул и говорил, что трудиться в колхозе гораздо легче. Но затем постепенно привык, втянулся. Почти перед самой войной он перешел в охрану на том же самом заводе.

После переезда в город дед практически остался без работы, что претило его деятельной натуре. Устроиться хоть куда-нибудь не получилось – определенной специальности он не имел, а физическая сила была уже далеко не та. Жил он с нами и охотно брался за любые домашние

дела, особенно когда требовалось смастерить что-то довольно замысловатое. Частенько навещал двух других своих дочек, также живших в Уфе, и иногда, заигравшись с внуками, оставался у них на ночевку.

Хотя здоровье все чаще и чаще давало сбои, дедушка никак не хотел обращаться к врачам и активно возражал против любой попытки уговорить себя на это. На все болезни у него было одно лечение – уголь из печки, размешанный в стакане самогона. Выпил, минут двадцать полежал, встал и бодро произнес: «Все прошло!» Теперь я думаю, что таким образом он просто успокаивал нас...

Умер дед в 39-м. Проболел около недели, потом совсем слег и однажды утром сказал отцу, собиравшемуся на работу: «Все, Федор. Давай прощаться...» В этот момент никто всерьез не поверил его словам, показавшимся нам минутной слабостью уставшего бороться с болезнью человека. Мы верили, что закаленный суровыми жизненными испытаниями организм победит и в этот раз... К обеду дедушкино сердце перестало биться...

Едва дотянув до четырех, умер мой маленький братишка. Петю почти сразу после переезда начали мучить боли в желудке. Что только ни делала мама, хватаясь за любую надежду, объездила всех окрестных врачей и народных целителей, но все оказалось напрасно...

Вася сразу же после переезда устроился учеником на участке вулканизации колес автопредприятия, а я продолжил учебу, поступив в пятый класс средней школы № 6, добротное дореволюционное здание которой с его просторными светлыми коридорами ошеломило меня своими размерами и привело в неопишуемый восторг. Но где-то через пару лет в стенах появились трещины, просела крыша, и нас в полном составе перевели в находившуюся практически рядом школу № 40. В результате такого уплотнения учеников оказалось слишком много, а классных кабинетов – слишком мало, поэтому занятия велись в три смены.

В то время стране катастрофически не хватало квалифицированной рабочей силы, поэтому 6-ю школу после капитального ремонта передали сталелитейному заводу для размещения там ФЗУ. А нам пришлось ждать аж до 38-го года, когда старшие классы перевели в только что построенную трехэтажную школу № 19.

Поначалу я, четырнадцатилетний деревенский парнишка, ощущал себя в городе не в своей тарелке. Казалось, все вокруг было чужим и непонятным, иная обстановка, другие ребята со своими понятиями о жизни, дружбе и многом другом. Меня, как и любого новичка, словно пробовали на прочность, пытаясь подчинить своей воле. Выручило то, что в город я приехал уже достаточно взрослым и сформировавшимся человеком. Поэтому вскоре, поняв, что Мишка тоже не лыком шит и может в случае необходимости дать отпор, местные пацаны прониклись ко мне некоторым уважением и перестали задираться.

Были среди них, конечно, и любители забраться в чужой сад, а то и украсть что-нибудь более существенное. Поблизости от нашего дома жила семья, в которой двое из трех сыновей «промышляли» в трамваях и автобусах. Остро заточенная по окружности серебряная монетка, зажата между тонких длинных пальцев, ловко и незаметно вспарывала сумки и карманы зазевавшихся горожан, принося своему владельцу «легкие деньги». Один из них очень любил похвастаться этим «умением» перед младшими ребятами, изо всех сил стараясь подчеркнуть собственную значимость в «блатном» мире.

– Вот так-то! Это вам не спину гнуть на «хозяина», – самодовольно улыбался он, красочно расписывая все прелести воровской «романтики». Сколько правды содержалось в его рассказах, понять было невозможно. К счастью, большинство ребят имели совсем другие жизненные ценности, стараясь в дальнейшем избегать общения с ним. Правда, к чести тогдашней милиции надо сказать, что подобные шалопаи на воле долго не задерживались, периодически отправляясь на перевоспитание в соответствующие исправительные заведения...

Однажды я тоже оказался жертвой карманника. Брат купил мне наливную чернильную ручку, в то время такие как раз только-только появились и быстро стали очень модной вещью.

Меня просто распирало желание похвастаться, тем более ручка была не наша, а импортная. Поэтому, собираясь в кино, я положил ее в карман рубашки, пристегнув к нему зажимом, чтобы не потерять. Во время сеанса ручка еще находилась на своем месте, но когда, выйдя из зала, мне в очередной раз захотелось полюбоваться ею... Обидно было до слез...

Отстоять себя от чуждых мне влияний и поползновений оказалось далеко не самой сложной задачей, которую мне предстояло решить для того, чтобы полностью адаптироваться к городской жизни. Перестраиваться на другой лад пришлось практически во всем, начиная с одежды. Ведь носили в деревне что придется. Например, сапоги и курточка, сделанные старшему брату, перешли по наследству ко мне. И так было практически во всех семьях: ничего не выбрасывалось, все носилось, пока не расползлось на кусочки. Мои привычные к лаптям ноги не сразу адаптировались к туфлям и ботинкам, в которые были обуты городские ребята. Да и простая грубая рубаха здесь тоже не котировалась, требовалось надевать что-то получше.

Лишь только начались занятия, я обнаружил, что знания, полученные мной в сельской школе, оказались совершенно недостаточными для полноценного усвоения программы городской. Особенно плохо дело обстояло с литературой. Да и неудивительно – книг-то особо в деревне и не было. Разве что Евангелие, Псалтырь да Жития святых, которые дед читал нам вслух, пока мы не засыпали, убаюканные его монотонным голосом. Изредка попадались журналы, привозимые из города и передававшиеся от семьи к семье.

В Уфе все обстояло совсем по-другому. Заходишь даже в школьную библиотеку – глаза разбегаются. Стеллажи рядами стоят, возвышаясь до самого потолка. И книги можно найти на любой вкус, от учебных до приключенческих. А уже если в городскую попал, так там вообще заблудиться можно было...

– Слишком медленно читаешь! Как поп! – говорила Зоя Александровна Субботина, учительница русского языка и литературы, под дружный смех одноклассников. Приходилось стараться изо всех сил, шепотом повторяя про себя наиболее сложные фразеологические обороты. Немало трудностей пришлось преодолеть и для того, чтобы сделать свой почерк более понятным.

...Честно сказать, городские ребята были более развитыми и могли, довольно быстро завладев вниманием слушателей, доходчиво и интересно рассказать какую-либо историю или байку. Но упорства и трудолюбия нам, сельским, было не занимать, поэтому некоторое время спустя их преимущество начало понемногу исчезать. Все реже и реже доводилось мне слышать обидное слово «деревенщина»...

Ученик школы № 19 г. Уфы Миша Шишков. 1938 г. Тогда я еще даже не мог вообразить, что моя детская мечта вскоре станет реальностью...

Немного лучше у меня было с естественными науками, еще легче давалась математика, а география шла совсем хорошо. Кроме того, приходилось уделять внимание обязательным в то время общественно-политическим занятиям с непременным изучением Конституции и избранных произведений теоретиков марксизма-ленинизма. В старших классах начались уроки военной подготовки, на которых мы изучали устройство винтовки Мосина, пулемета «максим» и появившегося затем пулемета Дегтярева. Военрук рассказывал о сражениях в Испании, о Хасане и Халхин-Голе. Не любили мы только учителя немецкого языка. Бывало, даже сбегали с его уроков. По дурости, конечно...

...Уже после войны, занимаясь с 46-го на курсах в Риге, я изучал английский, и, между прочим, весьма успешно. Затем уехал служить на Север, а там уже было не до него. Позже, когда учился в академии, – опять английский. За три года так натренировался, даже пятерку на экзамене получил. Пришлось изрядно постараться, ведь наша преподаватель, пожилая полная женщина, жена царского адмирала, в совершенстве владевшая еще и французским языком, была очень требовательной и строгой. А дальше – опять та же картина: поначалу немного

занимался по учебникам, а потом... Да и по работе не нужно оказалось. Так что не сложилось у меня с иностранными языками...

К сожалению, в памяти сохранились имена лишь двух моих школьных учителей: классного руководителя Натальи Капитоновны, преподававшей математику, и упомянутой выше Зои Александровны. Тем не менее могу с абсолютной уверенностью утверждать: все они были очень культурными и образованными людьми, всем сердцем преданными своему делу.

Строгие, но справедливые по отношению к нам, они давали себе еще меньше поблажек, считая каждую неудовлетворительную оценку ученика своей личной недоработкой. Поэтому, не жалея времени, нередко задерживались допоздна, терпеливо разъясняя нам непонятные темы школьной программы.

Наши учителя искренне интересовались, чем мы живем и к чему стремимся. Наталья Капитоновна ходила по домам пообщаться с родителями, причем не только в случае какого-то проступка своего ученика, а чтобы почувствовать атмосферу его семьи и найти к каждому из нас правильный подход.

Несмотря на свои мизерные оклады, учителя следили за своей внешностью и всегда выглядели безупречно – профессия обязывает ко многому. Как им это удавалось, до сих пор не могу понять...

Естественно, такие люди внушают неподдельное уважение молодым ребятам, нуждающимся в достойных подражания примерах, способных дать верное направление кипучей энергии юности. Учитель был для нас непререкаемым авторитетом. Даже самый отпетый хулиган и забияка моментально терял свою напускную удаль и, скромно опустив глаза, внимал каждому его слову, не смея даже робко возразить, не то что вступить с ним в конфликт. Поймали за курением – пожалуй на ковер к директору. Не хочешь учиться – никто силой не держит, бумажку в руки и иди на все четыре стороны...

...Зою Александровну я случайно встретил морозной зимой 48-го, когда приехал навестить родителей. Она хоть и немного постарела, но все равно осталась той же симпатичной светловолосой женщиной с длинными косами и типично русской внешностью.

– Зоя Александровна! Здравствуйте! – с волнением сказал я, видя, что она проходит мимо. – Миша Шишков, ученик ваш, помните...

– Ой! – замерла она в удивлении, не сразу признав во взрослом мужчине в форме майора морской авиации своего ученика. – Не может быть... – Ведь в 39-м я был еще совсем мальчишка...

– ...Вы еще заставляли меня сочинения переписывать, говорили: «Я это даже и читать не буду! Как курица лапой нацарапал»...

В основном в нашем классе учились дети рабочих местных заводов и фабрик. В конце 36-го или в начале 37-го к нам присоединились дети бежавших после разгрома Колчака в Маньчжурию, семьям которых разрешили вернуться на родину. Поскольку свободного жилья для их размещения не было, в качестве такового использовали заброшенный женский монастырь. Эти ребята были гораздо более образованными и культурными, большинство знали английский, а некоторые даже и французский. Рядом с ними, прекрасно одетыми, все мы выглядели уличными шалопаями.

Классе в 8-м вместе с нами стали учиться трое парней из бывших беспризорников, отбывавших наказание в колонии, которая находилась в трех километрах от города в здании бывшего монастыря. Там имелась своя школа, по-моему, до седьмого класса включительно, но за примерное поведение этим ребятам разрешили продолжить учебу на свободе. Каждый день их привозили к началу занятий и после уроков забирали назад. Это была идея знаменитого педагога Макаренко, и она, по крайней мере в данном конкретном случае, полностью себя оправдала – занимались парни прилежно и дисциплину не нарушали. Несмотря на свой детский возраст, они были совершенно взрослыми людьми, не стеснялись выступать в школьной

самодеятельности и, если уж не выучили чего, не мямлили неуклюжие оправдания, опустив глаза в пол, а сразу говорили: «Извините, не готов», всегда стараясь исправить заслуженную «двойку». Тертые ребята...

Взаимоотношения в классе были в целом нормальные. Конечно, с одними дружишь больше, с другими меньше, с кем-то просто здороваешься. Но никаких особых конфликтов и уж тем более даже самых незначительных проявлений так называемой дедовщины вспомнить не могу. Как и представить себе саму возможность таковых – учителя никак не допустили бы ничего подобного. Да и мы сами уже были достаточно взрослыми, чтобы пресечь на корню любые поползновения...

С первого же дня пребывания в городе я был ошеломлен безграничными по тем временам возможностями проведения организованного досуга. Практически любой мог выбрать себе занятие по душе. Я, например, посещал фото- и радиокружки, организованные при школе. А уж в трехэтажном Доме пионеров было практически все: и театральная секция, и танцы, и музыка... Кроме того, имелся весьма приличный кинотеатр, который я периодически посещал как с классом, так и самостоятельно.

Какому-то определенному виду спорта я не отдавал предпочтения, не испытывая к тому особого желания. Правда, это с успехом компенсировалось регулярной физкультурной подготовкой, включавшей в себя бег на дистанции от ста метров до пяти километров, волейбол, плавание и упражнения на снарядах. Зимой каждое воскресенье устраивались лыжные кроссы, для чего всем школьникам лыжи выдавались на дом под расписку. В этих соревнованиях я хоть и не занимал призовых мест, но и не плелся в хвосте, одним словом, был нормальным, достаточно здоровым и крепким парнем...

Пионервожатые и комсомольские руководители постоянно проявляли инициативу, организуя различные спортивные мероприятия и концерты самодеятельности. Поле деятельности здесь было практически неограниченным. Особенно нравились походы в сосновый лес, где мы любили поиграть в прятки. Были также коллективные посещения театра, для которых заказывали специальный автобус, экскурсии в музеи и многое другое...

В шестнадцать лет я вступил в комсомол. В то время это не являлось простой формальностью – от кандидата требовалось назубок знать биографии вождей партии и правительства, основные положения марксизма-ленинизма, достаточно свободно ориентироваться в международной обстановке. Сначала надо было пройти «допрос с пристрастием» в школьном комитете комсомола, затем все повторялось на районной комиссии, где твоими настроениями и взглядами интересовались с еще большей скрупулезностью.

– А почему не состоял в пионерской организации? – строго спросил председатель райкома.

– Мать не разрешила, да в деревне особо и не требовали, – почти сразу ответил я, будучи готовым к этому вопросу. Но все-таки неприятное чувство зашевелилось внутри: «А вдруг погонят?»

...Пионерская организация в Кальтовке была. Руководила ею пионервожатая, двадцатилетняя девушка, присланная для этой цели из города. Несмотря на активную агитацию, красные галстуки надели в основном дети председателя колхоза, секретаря сельсовета и других активистов. Остальные ребята пока не спешили следовать их примеру, не желая идти против воли родителей, тем более явного давления со стороны руководства школы и колхоза мы не испытывали. Пионерские отряды, сформированные на базе классов, постоянно помогали на уборке урожая и других сельскохозяйственных работах. Возглавляли пионеры, а мы – так сказать, трудовая рабочая сила...

...Но, слава богу, все обошлось. Вечером после занятий в праздничной обстановке нам были вручены комсомольские билеты...

В 38-м брату исполнилось двадцать и его призвали в армию. К тому времени Вася, получив права, работал водителем в автодоре, поэтому и на службе не расставался с баранкой. Проводили мы его хорошо, по-праздничному. Еще бы, защищать Родину в рядах ее Вооруженных сил тогда являлось почетной обязанностью каждого. Именно так это и воспринималось молодежью. Ни у кого даже и мысли не возникало, как говорится, «откосить на болезнь».

Как известно, любое событие можно охарактеризовать различными словами, отражающими субъективное отношение к нему людей. Поэтому интересно отметить, что раньше говорили: парня «призвали» в армию, а сейчас – «забрали» или «забрили». Комментарии излишни...

С этого момента Васин велосипед перешел в мое безраздельное владение. Я сразу же оценил те преимущества, которые этот неприхотливый вид транспорта давал своему хозяину, стал ездить на нем в школу, по своим делам, да и просто в свободное время прокатиться с ветерком по улицам города тоже было весьма приятно...

Вскоре я встретил свою первую любовь. Моя соседка, Настя Печонкина, симпатичная и очень серьезная девочка, учившаяся на класс младше, с первого взгляда стала значить для меня гораздо больше, чем все остальные. Мы дружили с ней, вместе ходили в школу. Тем не менее некоторое время, не в силах преодолеть естественную робость, я никак не мог решиться заговорить с Настей о своих чувствах. Но однажды она, проходя мимо, заметила мой восторженный взгляд и приветливо улыбнулась. Я все-таки решился пригласить ее в кино...

Мы стали встречаться, делиться друг с другом самыми сокровенными мечтами. О моем желании поступать в аэроклуб Настя узнала первая.

– Здорово! Ты будешь летчиком! Как Чкалов! – воскликнула она, взяв меня за руку. Ее восторженная уверенность не могла не передаться мне.

Нас влекли друг к другу светлые искренние чувства, чуждые всякой показной театральщине. Легкие поцелуи в щечку после вечерней прогулки были проявлением невинной нежности, а не многообещающей чувственности. О большей близости не могло возникнуть даже мысли...

...Я уехал в училище, мы переписывались вплоть до самого начала войны. Затем связь прервалась аж до 42-го года, когда, находясь на станции Кошки в Куйбышевской области, я неожиданно получил от Насти небольшое письмо. Как она узнала мое местонахождение, не знаю до сих пор, но в те дни нас разделяли всего лишь полдня пути, что давало возможность встретиться. Но отпроситься у командира эскадрильи оказалось невозможным – мы сами «сидели на чемоданах», ожидая команды на перебазирование. Больше я ничего о ней не слышал...

...Гораздо позже мне рассказали, что всех девушек, окончивших десять классов, в 42-м призвали в армию в качестве санитарок и радисток. Почти все они погибли под Сталинградом. Среди них была и Настя...

Тем временем бытовые условия в нашем районе, поначалу незначительно отличавшиеся от деревенских, постепенно изменялись к лучшему. В 38-м провели свет, а годом позже, протянув по крышам провода, подключили тарелку радиотрансляции. Радость наша не поддавалась описанию, ведь до этого у меня был детекторный приемник, принимавший единственную на всю Башкирию станцию. Полдня передачи шли на русском языке, полдня – на башкирском. Сидишь вечером, коптилочку зажигаешь, наушники надел и слушаешь...

По окончании седьмого класса отец спросил у меня:

– Что намерен делать дальше? На завод пойдешь или как?

– Если можешь, разреши дальше учиться...

– Ну ладно, посмотрим, – немного задумавшись, ответил он. Поскольку учеба моя продвигалась весьма неплохо, я остался в школе...

Вряд ли ошибусь, если скажу, что подавляющее большинство ребят, с кем мне довелось общаться в Уфе, за весьма редким исключением, всей душой стремилось к знаниям. Не всем, к сожалению, удалось осуществить желаемое, но это не их вина – чтобы помочь своим родителям, приходилось бросать школу и идти работать. Особенно это касалось старших детей. Во многих семьях, и моя не являлась исключением, они рано вливались во взрослую жизнь, давая возможность нам, младшим, получить образование...

Надо сказать, для нашего обучения и развития создавались все возможные для того времени условия. Дома пионеров, стадионы, театры – все было доступно любому желающему. Конечно, основное внимание уделялось воспитанию молодых ребят как будущих защитников Родины. Нас призывали идти в армию, авиацию или на флот. И многие тогда связали свои жизни с воинской службой, причем по зову сердца, а не из каких-либо шкурных побуждений.

Так что болтаться по улице просто не было времени, да и желания тоже. Хотелось достичь в жизни многого, а для этого требовалось лишь одно – учиться, учиться и еще раз учиться. Поэтому каждый день был занят буквально до последней минуты – учеба в школе, самоподготовка и помощь матери по хозяйству. А уж как в аэроклуб поступил...

Иной раз сегодня слышишь по телевизору, о чем мечтают некоторые молодые люди... Девушки – найти мужа побогаче, пусть даже старого. Главное, чтобы за границу возил, виллу купил, машину покруче. У ребят – то же самое желание быстро обогатиться, пусть не самым честным путем... Конечно, мы тоже мечтали, но не ИМЕТЬ какие-либо материальные блага, а СТАТЬ полезным для страны человеком, заниматься любимым делом и, само собой, заслужить уважение окружающих.

Поэтому меня абсолютно не интересовало, есть ли у Чкалова автомобиль и, если есть, какой он марки. Единственное, что приходило на ум, глядя на его открытое волевое лицо, смотревшее с фотографии над столом, – смогу ли я, подобно ему, покорить пятый океан, имею ли я достаточно сил и способностей для этого...

Аэроклуб

Сейчас я совершенно не представляю своей жизни вне авиации. Поэтому даже предположить, как иначе могла бы сложиться моя судьба, – задача абсолютно невыполнимая, да и не имеющая никакого смысла. Но когда небо впервые подало знак, могущий быть истолкованным как пророческое знамение, его истинный смысл все же ускользнул от меня, чтобы открыться лишь спустя шесть лет...

Подобно большинству сверстников, я, обыкновенный ученик третьего класса деревенской школы, проявлял особый интерес к технике, новости о последних достижениях которой тщательно выискивал в газетах, выписываемых отцом. Где-то там, вдали, строились заводы и электростанции, спускались на воду корабли и суда, страна начинала свой нелегкий путь к статусу индустриальной державы. Наши хутора находились на обочине научно-технического прогресса, поэтому своими глазами мне довелось увидеть лишь только первые, весьма несовершенные колхозные трактора да еще легковой автомобиль приехавшего из города большого начальника, в неслужебное время катавший хуторскую детвору вокруг сельсовета.

И вот свершилось чудо – в Кальтовке приземлился самолет и, высадив чиновника, направленного к председателю колхоза, тут же улетел обратно. На другой день «У-2» вернулся, и легчик, не разглядев заросшую травой канаву, подломил при посадке стойку шасси. К превеликой радости окрестных ребятишек, сбегавших со школьных занятий поглазеть на чудо-птицу, необходимые запчасти везли к месту аварии целых три дня.

Скромный трудяга кукурузник казался нам тогда воплощением технического совершенства, а его пилот вызывал безграничное восхищение, подобное которому мальчишки 60-х испытают, разглядывая фотографии космонавтов. Конечно же, учителям было несложно определить наше местонахождение, чтобы, дав соответствующее внушение, вернуть прогульщиков к прерванным занятиям. Нехотя возвращаясь в школу, мы, перебивая друг друга, взахлеб делились впечатлениями. Именно в эти дни размытые доселе контуры моих детских фантазий приобрели устремленные ввысь очертания самолета.

Конечно, реализовать мечту о полетах, находясь в деревне, было практически невозможно, и мне пришлось на некоторое время смириться с этим. Но когда отец объявил о нашем переезде в Уфу, в голове стремительно промелькнуло: «Быть может, судьба дает мне шанс...» Сердце забило немного быстрее, как бы чувствуя то, во что я все еще не мог поверить...

Оказавшись в незнакомой для меня атмосфере достаточно большого города, первое время я ощущал себя не совсем уверенно, прилагая все силы, чтобы побыстрее адаптироваться к непривычному ритму и настроению. Приятным открытием стало то, что здесь, в Уфе, молодежь имела достаточно возможностей для реализации своих способностей и предпочтений.

Меня же, казалось, подталкивало и направляло к столь желанной цели буквально все вокруг. Газеты пестрели заголовками о славных достижениях советских авиаторов. Книжки, детально описывающие их легендарные, полные опасностей и риска, рекордные перелеты, в изобилии имелись на полках книжных магазинов и в фондах общественных библиотек. В Доме пионеров, школах, театрах наряду с изображениями Ленина, Сталина и других руководителей нашей страны висели большие цветные портреты Чкалова, Байдукова, Белякова, Водопьянова, Громова, Слепнева, а также отличившихся во время испанской войны Рычагова и Грицевца. «Нет такой высоты, покорить которую не способен целеустремленный и настойчивый» – было послание этих прославленных героев нам, молодым ребятам, только начинающим свой жизненный путь.

И мы со всем энтузиазмом откликнулись на этот призыв, ведь наши сердца переполняли юношеский задор и искреннее желание изменить к лучшему мир вокруг себя, а стремление посвятить свои жизни служению Родине систематически прививалось нам воспитанием.

Наверное, сегодня эти строки покажутся кому-то из читателей преувеличением, а может быть, идеализацией собственного поколения, свойственной моему возрасту. Но это действительно было так... Из моей школы почти все парни из 9-х и 10-х классов поступили в военные училища...

Сентябрьский день 39-го года, окончательно определивший всю мою дальнейшую жизнь, начинался вполне обыкновенно, ничем, в сущности, не выделяясь из монотонной череды других. Бодро шагая по школьному коридору на комсомольское собрание, я и не подозревал, что до встречи с судьбой оставалось всего лишь несколько минут...

– Как известно, – торжественно начал комсорг, – на всесоюзном съезде комсомола было принято решение направлять молодежь в авиацию и на флот...

Почувствовав важность момента, мы сидели, не шевелясь, и ловили каждое слово выступающего...

– ...Предлагаю приступить к поименному обсуждению кандидатов на зачисление в аэроклуб! Кто за – прошу поднять руки! Единогласно...

Застигнутый врасплох неистовым вихрем эмоций, я не вполне осознавал суть происходящего, даже когда вместе с десятью своими товарищами словно на крыльях несся к заветному зданию аэроклуба, прижимая к сердцу направление школьного комитета комсомола. «Я буду летать!» – молотом стучало в мозгу.

Но реальность несколько охладила мой пыл. Во-первых, еще предстояло пройти медицинскую и мандатную комиссии. Во-вторых, мать, только лишь услышав о полетах, строго сказала: «Не пойдешь, и все!» Нет-нет да проскальзывали в газетах известия об авиакатастрофах. Передаваемые из уст в уста по «женскому радио», они обрастали все более ужасными подробностями и из разряда редких исключений переходили в правило. В общем, она ужасно волновалась за меня, опасаясь неминуемой, как ей казалось, беды. Отец особо не возражал против моего решения и даже старался успокоить заплаканную маму: «Ну, не плачь, не надо. Мужик, чай, растет»...

...Ожидая своей очереди на медкомиссию, я совсем было упал духом, наблюдая, как внешне гораздо более крепкие парни в полном отчаянии выходили из кабинета, проклиная «зловредных» докторов. Но, против ожиданий, состояние моего здоровья вполне соответствовало строгим критериям отбора, и на моей карточке рука главного врача начертала вселяющую надежду резолюцию: «Годен к летной работе».

Окончательное решение о принятии комсомольца Шишкова, ученика девятого класса средней школы № 19, в аэроклуб должна была принять так называемая мандатная комиссия, в обязанности которой вменялось пристальное слежение за классово-чистой нашей ВВС. Проверяли даже, нет ли у меня родственников за границей, затребовали характеристики из школы, комитета комсомола, послали запрос по месту рождения. Из-за последнего пришлось достаточно серьезно поволноваться, ведь мой дедушка был раскулачен, но, поскольку отец считался середняком, мне удалось пройти и это испытание.

Оставалось лишь оформить все необходимые документы и сделать фотокарточки для личного дела, для чего требовалось заплатить в общей сложности около пяти рублей. Просить деньги у матери, зная ее отношение к авиации, как-то не хотелось. Поэтому в ближайшее воскресенье мы с ребятами пошли на пристань и разгрузили баржу с дровами. Таким образом была заработана искомая сумма...

В один прекрасный день, придя домой, я с гордостью объявил: «Меня приняли!» Конечно, слезы, плач... Но постепенно мать смирилась, а со временем и успокоилась...

...Десять лет спустя, сидя за праздничным столом, мы вновь вернулись к этим событиям.

– Помнишь, мама, – говорю, – не пускала ты меня в аэроклуб, а я, смотри, войну прошел, сейчас продолжаю летать... И не боюсь! А ведь сколько всего было...

– Богу скажи спасибо, сынок, – ответила она, – все под ним ходим...

Как только все необходимые формальности были улажены, нас сразу же разбили на группы по пять человек, закрепив каждую за определенным инструктором, в ведении которого находился один самолет. Три группы составляли звено, руководимое командиром. У него был свой персональный «У-2», который использовался в качестве резервного. Так что весь наш курс, общей численностью тридцать человек, состоял из двух звеньев и имел восемь самолетов, расположенных в ангаре на аэродроме.

Лишь двое из нас уже прошли армейскую школу, один – старшина, другой – сержант, бывший помкомвзвода. Все остальные учлеты – школьники, студенты или рабочие, в основном молодежь допризывного возраста, занимавшаяся без отрыва от учебы или производства. При- сутствие в наших рядах трех девчат заставляло парней более внимательно следить за своими внешностью и речью.

...Забегая наперед, скажу: всего лишь двое не смогли пройти программу аэроклуба, оказавшись неспособными к полетам. Подавляющее большинство ребят после ее окончания поступили в школу военных пилотов, находившуюся в Молотове, так в то время называлась Пермь. Старшина ушел вместе с нами, сохранив свое воинское звание. Некоторые направлялись в гражданскую авиацию, а наш сержант, бывший прекрасным спортсменом, остался в аэроклубе инструктором...

Как ни скучно показалось это некоторым романтично настроенным учлетам, путь в небо начинался с обычной парты, абсолютно идентичной школьной. И порядки были схожими, только дисциплина строже. Теоретический курс оканчивался экзаменом, за которым в зависимости от результатов следовал или допуск к полетам, или отчисление из аэроклуба. Так что пришлось будущим авиаторам запастись терпением и усердно приняться за освоение довольно приличного объема фундаментальных наук, без владения которыми невозможна грамотная эксплуатация самолета.

Нами были досконально изучены конструкция легендарного «У-2», а также устройство и кинематика его стосильного сердца – двигателя «М-11». Кроме того, программа включала в себя основы навигации и ориентирования. Естественно, основной упор делался на аэродинамику, называвшуюся в то время теорией полета. Каждый учлет, разбуди его в любое время ночи, должен был без запинки назвать «подъемные и неподъемные» силы, действующие на самолет во время выполнения той или иной фигуры, указав их направление и точку приложения и начальную скорость, требуемую для ее, фигуры, правильного выполнения.

Первые практические навыки управления приобретались на самодельном тренажере, представлявшем собой обыкновенный стул с прикрепленными к нему педалями и ручкой.

– Выполнить боевой разворот, – ставит задачу инструктор, и небольшой самолетик, который он держит в своих руках, тут же описывает требуемую траекторию. Обучаемый, сидящий на этом самом стуле, должен вовремя отреагировать, отклонив органы управления в соответствии с текущим положением модели.

– Слишком резко дернул ручку, потерял скорость, – комментирует инструктор. – Результат – недобор высоты. Повторить еще раз!

– Слушаюсь, товарищ инструктор!

– Теперь ногу дать опоздал... – И так продолжалось до тех пор, пока движения учлета не приобрели должные плавность и согласованность. Месяц, а то и больше «летали» мы на этом тренажере, практически до первого провозного...

Аэроклуб фактически являлся полувоенной организацией, требовавшей пунктуальности и дисциплины, поэтому совмещать его посещение со школой оказалось очень непростой задачей – плотный график ежедневных занятий не оставлял ни минуты свободного времени, да и от домашних обязанностей никто не освобождал.

Ситуацию сильно осложняли весьма приличные расстояния, на преодоление которых времени оставалось в обрез. Встаешь пораньше, завтракаешь, кладешь школьные тетрадки в

карман и – пулей к зданию аэроклуба, находившемуся в центре города, примерно в 4-5 километрах от нашего района. Около часа дня выскакиваешь оттуда – и в школу, первый урок в которой начинался в два. Пока погода позволяла, ездил на велосипеде, потом уже приходилось топтать на своих двоих. А точнее, бежать. Частенько, запыхавшийся, я влетал в класс вместе со звонком. Правда, в то время уже начал ходить автобус, но проезд в нем стоил 30 копеек, которых у меня не было...

Освоив теоретическую программу, в марте 40-го мы приступили к полетам. Хотя они и начинались в девять часов, на месте мы должны были быть в половину девятого – помочь технику подготовить самолет и выкатить его на предварительный старт. Чтобы попасть на аэродром, расположенный за рекой Белой, приходилось идти практически через весь город к пристани, а это километров, наверное, десять, не меньше. Переправиться на лодке стоило 50 копеек. А на том берегу нас уже ожидал аэроклубовский газик. Успел – садишься на него и едешь, не успел – бежишь еще километра два. Опоздал на аэродром – летать не будешь, отстранен. Но скучать не приходится, встречаешь садящиеся самолеты и сопровождаешь на отведенное им место... Устаешь как собака... Ну что делать, сам виноват...

После разбора полетов и составления плановой таблицы на следующий день бег наперегонки со временем повторялся в обратной последовательности. Вскоре появился трамвай, на котором иногда можно было подъехать от берега до центра города. Дальше – опять пешком, прямо в школу. По дороге подкрепился куском хлеба, взятым из дома, или булочкой, которую давали на аэродроме. Вот так мы и бегали...

К вечеру домой приходишь, коромысло с двумя ведрами в руки – и за водой. Речка находилась довольно далеко от дома, но когда возвращаешься назад с полной загрузкой, да еще и на гору... путь кажется гораздо длиннее. Осенью еще ничего, терпимо было, а вот зимой... Идешь-идешь... Поскользнулся, равновесие не удержал, и все – лежишь на снегу, ведра вниз катятся. Поднялся и, чертыхаясь, снова топаешь к проруби. Набрал воды и опять наверх карабкаешься, домой. А ведь надо еще маме помочь по хозяйству, дрова нарубить, в магазин сходить. В магазине очередь...

Единственным «свободным» днем было воскресенье, которое, впрочем, не являлось выходным. Ведь для каждодневных поездок на аэродром нужны деньги, поэтому, договорившись накануне с друзьями, в шесть утра мы встречались у пристани и работали на разгрузке барж. Двое забрасывают тебе на спину мешок с зерном или связку дров, и ты идешь. Вначале груз кажется не таким уж тяжелым, но вскоре, словно увеличивая свой вес, он постепенно пригибает тебя к земле, ляжки нестерпимо режут плечи, ноги становятся ватными. Предельным напряжением воли заставляешь себя сделать еще несколько ходок. Потом меняешься с кем-то из товарищей и немного отдыхаешь. За день пятерку заработал, и слава богу... Что интересно, будильника ни у кого из нас не было, просыпались сами, кусок хлеба в руки – и бегом...

Какая уж там учеба! Так, на тройки, где-то четверочка проскочит. Прибегаешь к звонку, тихо сидишь, как мышь, надеясь, что тебя не вызовут к доске... В общем, школу закончил кое-как, средне...

...Все это я детально описываю совсем не для того, чтобы у читателя сложилось впечатление о моих исключительных волевых качествах. Подобные трудности приходилось преодолевать большинству однокашников-учетов. Да, было невероятно тяжело, но, как говорится, все, что не убивает, делает нас сильнее. Возьмешь в руки книгу о Чкалове, прочтешь в очередной раз захватывающее дух описание его перелета через Северный полюс, и твои проблемы покажутся смехотворно мелкими, не достойными даже малейшего упоминания. О себе могу лишь добавить, что был неплохо подготовлен ко всему самым укладом деревенской жизни, в которой нет места слабости, изнеженности и лени.

В свои восемнадцать мы с полным основанием считали себя взрослыми людьми, ведь нам доверили самолеты, стоившие стране немалых затрат. Поэтому каждый из нас с предель-

ной серьезностью относился к своему «У-2», получая взамен самую желанную, ни с чем не сравнимую награду – пьянящую радость полета. Наверное, поэтому на моей памяти не было ни одного случая, чтобы кто-либо сломался и, сложив крылья, по собственному желанию оставил занятия в аэроклубе. Это был наш сознательный выбор...

В конце марта 40-го года, когда только-только сошел снег, начались провозные полеты. Поскольку аэроклубовская взлетно-посадочная полоса еще недостаточно подсохла, наше крещение небом состоялось на городском аэродроме.

Честно сказать, страха или дискомфорта мы не испытывали: задача стояла простейшая – легонько держаться за ручку, невесомо поставив ноги на педали. А в переднем кресле сидел опытный летчик, который, по нашему глубокому убеждению, мог легко выйти победителем из любой ситуации.

Инструктор Макаренко, давший мне путевку в небо, был по уши влюблен в свою работу. Тридцатилетний мужчина невысокого роста и плотного телосложения, идеальная военная выправка, до блеска начищенные сапоги, три кубика в петлицах – именно таким я всегда представлял себе настоящего офицера.

Человек с большим багажом жизненного опыта, умевший объяснить сложные вещи простыми словами и найти к каждому свой индивидуальный подход, он добивался от нас не формального зазубривания определений и формул, а полного понимания их смысла и логики. При всей своей требовательности и внешней строгости Макаренко был очень добрым и усидчивым преподавателем, готовым, не жалея времени, разъяснять тот или иной непонятный нам вопрос, абсолютно не раздражаясь, если возникала необходимость повторить сказанное несколько раз.

Однако не только отличные знания своих подопечных составляли предмет его забот и усилий. Макаренко всегда искренне интересовался нашим моральным состоянием и умел подобрать ободряющие слова, способные развеять все наши страхи и опасения.

Конечно, в силу специфики своей профессии он был строг и нетерпим к малейшим проявлениям расхлябанности и нарушениям дисциплины, безжалостно отстраняя от полетов провинившегося учлета. Мог при необходимости употребить более доходчивые слова и выражения, коими, как известно, весьма богата русская разговорная речь. Но наказание никогда не носило характер унижения, являясь лишь необходимой воспитательной мерой.

Одним словом, Макаренко, подобно своему знаменитому однофамильцу, был настоящим Учителем. Я от всей души благодарен своему первому инструктору и твердо убежден: во всех моих успехах и достижениях есть его немалая заслуга...

Только оторвавшись от земли, я всей душой ощутил: «Вот оно! То, чему я посвящу всю свою жизнь!» Все прежние радости и беды, трудности и невзгоды, все прочие стремления и увлечения словно остались где-то там, внизу, и совершенно ничего не значили здесь, в кабине самолета, несущего меня ввысь. Лишь ритмичный рокот мотора, дыхание ветра и бездонное небо, принявшее меня в свои гостеприимные объятия...

– Где мы находимся? – вернул меня в реальность вопрос инструктора. Конечно, в первый раз я не сумел правильно сориентироваться, хоть район полетов был детально разобран накануне по карте...

Между тем Макаренко привел самолет в зону, и... небо стремительно сплелось с землей в головокружительном танце... Мертвая петля, боевой разворот, переворот и практически отвесное пикирование, крутой вираж и снова энергичный набор высоты... Дыхание перехватывает, сердце выскакивает из груди... Ощущение незабываемое... Душа поет!

Немного покувыркавшись, мы вернулись назад, на аэродром. С огромным сожалением покидал я самолет, уступая место своему товарищу. Меня буквально распирало от счастья – реальность превзошла мои самые смелые ожидания. С этого момента весь остальной мир как бы отошел на второй план и полеты стали моей основной жизненной целью...

Постепенно, где-то после десятка провозных, управление самолетом переходило ко мне: сперва после набора безопасной высоты, затем на взлете и, наконец, на посадке. Малейшее неправильное действие тут же разъяснялось инструктором и при необходимости мгновенно корректировалось.

Легендарный «У-2» («По-2»), давший путевку в небо всем летчикам моего поколения

Для связи на «У-2» имелось простое и безотказное самолетное переговорное устройство (СПУ) – резиновый шланг, соединявший переднюю кабину с задней, на каждом конце которого имелись раструб и наушник. Инструктор кричит в этот раструб, и, что интересно, все прекрасно слышно, особенно мат. Полетов после двадцати я уже начал немного чувствовать характер и особенности самолета. Все реже и реже приходилось Макаренко выхватывать управление из моих рук...

Учили нас здорово, между прочим. Взлетел, делаешь круг. Все четыре разворота и заход на посадку должны быть четкими и безошибочными. Газ убрал – все, добавлять не имеешь права. Рано убрал и, спохватившись, прибавил – ошибка. На разборе тебе все припомнят. Кроме того, давали по два полета с имитацией отказа двигателя. На высоте 400 метров перед третьим разворотом – выключай его и давай садись.

А между тем подгоняемое нашим нетерпеливым желанием время неудержимо бежало вперед, приближая день первого самостоятельного полета. Последним этапом подготовки к нему была отработка исправления грубой посадки, так называемого «козла» – самой распространенной ошибки молодых учлетов.

Итак, четвертый разворот пройден, и вместо привычного мягкого приземления инструктор намеренно роняет самолет на взлетно-посадочную полосу так, что он, резко ударившись колесами о землю, подскакивает вверх. Если вовремя не предпринять правильных действий, подобные прыжки могут повториться несколько раз и, вполне вероятно, закончиться аварией.

Что, собственно, и произошло со мной, слава богу, не по моей вине. Макаренко так сильно шлепнул машину, что подломал стойку шасси. Поругались они с техником немного, часа через два поставили новую и опять в воздух. Это единственное за все время моей учебы в аэроклубе летное происшествие хоть и заставило в дальнейшем с большей осторожностью заходить на посадку, но не пробудило во мне боязнь полетов. Скорее наоборот, появилась уверенность, что ничего страшного со мной произойти не может...

И вот наконец наступает момент, которого я, как и все мои товарищи, ожидал с благоговейным трепетом. Сегодня я впервые останусь наедине с воздушной стихией, а место инструктора в передней кабине займет молчаливый и бесстрастный Иван Иванович. Он не скажет мне ни слова поддержки, не даст разгон за грубую ошибку и, конечно, не вырвет у меня из рук управление в критическое мгновение. Ведь мешок с песком, накрепко пристегнутый ремнями к пилотскому сиденью для сохранения центровки самолета, хоть и назван человеческим име-

нем, от этого все же не перестает быть неодушевленным предметом. Но на сердце становится немного легче – не один полечу, с Иванычем.

Пройдена теоретическая программа обучения, усвоено назначение каждого элемента конструкции планера и двигателя, позади программа провозных полетов, и кажется, все должно пройти гладко, без сучка без задоринки...

– А если не справлюсь? – подтачивает изнутри едкий червячок сомнения.

– Не я первый, не я последний! Не хуже других! – довольно быстро нахожу вполне убедительный ответ.

– Как же! Один... Без инструктора...

– Но ведь он все-таки допустил меня к самостоятельному вылету!

– А вдруг откажет двигатель? Разобьешься, и все – отлетелся! – никак не уймется он.

– Ничего, спланирую и сяду, мы же отрабатывали подобную ситуацию! – Постепенно страх уступает место деловитой проработке всех возможных вариантов действий в различных непредвиденных ситуациях. Через некоторое время от него уже и след простыл, но не стоит раньше времени праздновать победу. В любой момент он снова может вернуться и попытаться задушить в своих липких объятиях мою еще недостаточно окрепшую веру в себя. Но теперь я уже знаю, что делать, и готов к новому поединку...

Макаренко, излучая абсолютную невозмутимость, пока еще есть время, дает последние советы и указания. «Еще бы, – ловлю себя на мысли, – сколько таких вот, как мы, прошло через его руки». Что на самом деле скрывается за внешним спокойствием инструктора, провожающего в небо своих неоперившихся птенцов, я узнал лишь пару лет спустя, когда волею судьбы сам оказался на его месте.

Каждый из нас досконально проверен им на предмет знания матчасти, теоретически проработаны и практически закреплены все необходимые действия, нет никаких сомнений в нашей моральной готовности... Но накопленный годами опыт говорит о том, что полет можно считать удачным только лишь после того, как самолет занял отведенное ему место на летном поле.

Сегодня Макаренко впервые не сможет исправить ошибку учлета, могущую привести к фатальным последствиям. Все, что ему остается, – с замиранием сердца пристально следить за маленьким самолетиком, ведомым своим воспитанником, чувствуя его малейшие эволюции, радуясь каждому удачному приземлению. Инструктор в этот день сдает свой экзамен на профпригодность.

– Учлет Шишков к вылету готов! – бодро докладываю командиру звена после того, как медсестра проверила мое давление. Он занимает кресло в передней кабине, и я прохожу свою последнюю предварительную проверку, совершив два полета по кругу.

– Молодец, готов! – услышал я после того, как выключил мотор. Пока другие учлеты усаживали Иваныча на освободившееся место, командир дал мне последние краткие наставления и, ободряюще хлопнув по плечу, отошел в сторону...

Итак, я один на один с самолетом. Вновь оживают прежние страхи и опасения, но тут же исчезают, едва раздается рокот запущенного мной мотора. Выруливаю на старт и начинаю разбег. Машина, легонько подпрыгивая на неровностях грунтового аэродрома, постепенно увеличивает скорость. Десять, двадцать, тридцать километров в час... Поднимаю хвост, самолет становится заметно легче, словно рвется в небо... Потерпи немного, сейчас... Пятьдесят... Шестидесят... Семьдесят... Ручку плавно на себя... Взлетел! Слово камень с души упал... Набираю высоту триста метров, первый разворот, второй... Земля стремительно проносится под крылом, за тоненькой полоской реки виднеются утопающие в зелени домики на окраине города, аэроклубовские самолеты, выстроившиеся в ряд, кажутся игрушечными – красота неопишуемая. Но сейчас у меня нет времени наслаждаться ею, внимание полностью сконцентрировано на управлении.

Иду на второй круг... Первые два разворота получаются довольно легко... Третий... Так, хорошо, на снижении убираю обороты... Слышно, как шумит ветер в расчалках... Вот он, четвертый разворот... Сердце опять уходит в пятки... Захожу на посадку... Земля приближается слишком быстро... или мне так кажется... Семьдесят километров в час... Добираю ручку на себя, еще немного, еще...

Первый блин, как ему и положено, вышел немного комом. Я слишком рано убрал газ, сел с некоторым недобором, да еще и «козлика» дал, хоть и небольшого, но все-таки... Против ожидания, инструктор не стал бранить меня, а, спокойно объяснив мои ошибки, дал добро на второй полет. На этот раз все было сделано правильно, и довольная улыбка, на мгновение озарившая его обычно строгое лицо, была самым лучшим подтверждением моего успеха...

После десяти самостоятельных полетов по кругу и контрольного провозного начались полеты в зону на отработку фигур пилотажа. Надо отдать должное конструкторскому гению Николая Николаевича Поликарпова – его «У-2», впоследствии получивший название «По-2», был идеальным самолетом первоначального обучения, прощающим неопытному учлету практически любую ошибку. Петли, перевороты, горки и бочки – все эти элементы самолет выполнял легко и непринужденно. Особенно хорошо ему удавался штопор – фигура, на заре становления авиации внушавшая страх даже опытным пилотам, ставшая теперь доступной такому новичку, каким был я в то время.

– Запомни, – напутствовал Макаренко перед полетом, – растерялся, не знаешь, что делать, – брось ручку, и он сам выйдет. Только не мешай.

Итак, запас высоты есть, с богом... Убрал газ, лечу горизонтально... Скорость упала почти до посадочной, самолет начинает вздрагивать, теряя устойчивость... Самое время – ручку на себя и одновременно левую ногу вперед – земля тут же завертелась в неистовом хороводе... Первый виток, второй, третий... Достаточно – даю противоположную направлению вращения правую ногу и толкаю ручку от себя... Есть! Вышел! Даю газ, чтобы набрать высоту для выполнения других фигур...

Вот так, вылет за вылетом, крепи дружба и взаимопонимание молодого человека и крылатой машины, сплетенных небом в единое целое. С каждым днем росла уверенность в своих силах, появлялся азарт, мысли о возможном отказе двигателя и его возможных последствиях бесследно испарились. И однажды, лихо крутанув бочку, я с удивлением и восторгом обнаружил, что совершенно не задумываюсь над техникой ее исполнения. Самолет словно повинуется одному лишь движению моей мысли, ни на мгновение не подвергая сомнению мою власть над ним... Пьянея от счастья, изящным росчерком сменяющих друг друга фигур пилотажа я как будто написал в безоблачном уфимском небе свое окончательное и бесповоротное решение: «Я буду летать!»

Детская мечта, приведшая безусого парнишку в городской аэроклуб, окрепнув и возмужав, преобразилась в ненасытную жажду полета, которая в эти мгновения возвысилась до безграничной любви к воздушной стихии, не покинувшей меня до сих пор...

...За тридцать семь лет летной работы через мои руки прошло двадцать с лишним типов самолетов. Каждый из них имел свой неповторимый характер. И каждый раз с предельной осторожностью и не меньшим усердием я неизменно добивался того самого столь желанного единения с крылатой машиной, впервые испытанного в далекой юности...

...А тогда, в начале 40-го года, я, восемнадцатилетний выпускник Уфимского аэроклуба Михаил Шишков, имея на своем счету около двадцати провозных и двадцати семи самостоятельных полетов общей продолжительностью порядка сорока часов, с оптимизмом смотрел в свое будущее.

Школа пилотов

Система подготовки ВВС Рабоче-Крестьянской Красной армии предвоенных лет включала в себя несколько ступеней, первой из которых являлась сеть аэроклубов, охватывавшая почти каждый достаточно многочисленный населенный пункт. Здесь производился первичный отсев принципиально неспособных к летной работе и давались начальные навыки управления учебным самолетом. Пропаганда работала прекрасно, и от желающих посвятить свою жизнь военной авиации просто не было отбоя.

Каждый аэроклуб закреплялся за определенной школой военных пилотов, поэтому его выпускники, прошедшие все необходимые проверки, автоматически становились курсантами соответствующего учебного заведения. После его окончания летчики-истребители получали направление непосредственно в строевые части, а бомберы – в так называемые резервные бригады, куда также прибывали штурманы и стрелки-радисты, завершившие обучение по своим специальностям. Сформированные экипажи проходили необходимую индивидуальную подготовку и распределялись по полкам, где, как предполагалось, должны были отрабатывать групповую слетанность и боевое применение.

Эта система была весьма неплохо продумана и для мирного времени являлась достаточно совершенной, но в ней имелся существенный недостаток, стоивший в военное время многих человеческих жизней. Полки пополнялись экипажами, подготовка которых не соответствовала боевым задачам, а времени для их полноценного ввода в строй практически не оставалось. Вот и приходилось бросать еще неоперившихся ребят в самое пекло войны...

Еще одним подводным камнем было то, что предпочтения и склонности учлетов совершенно не принимались во внимание.

Поскольку Уфимский аэроклуб со дня своего основания служил кузницей кадров для школы военных пилотов, находившейся в Молотове, ни для кого не являлось секретом, что после ее окончания мы станем летчиками бомбардировочной авиации. Правда, особого недовольства этим никто не выказывал – мы были готовы защищать Родину в том качестве, в котором нам поручат.

В моем же частном случае судьба распорядилась наилучшим образом, ибо по своему темпераменту и складу характера я являлся прирожденным бомбером – невозмутимым, вдумчивым, да и особой подвижностью никогда не отличался. Конечно, в то время кумирами молодежи, особенно после испанских событий, были brave пилоты-истребители... Но этот род авиации требует от летчика совершенно других качеств – бьющей через край энергии, индивидуализма и агрессивности...

...Экзаменационный полет имеет много общего с первым самостоятельным вылетом – те же волнение и некоторая нервозность, неловко спрятанные за показным равнодушием, те же последние напутствия инструкторов. Но разница между ними несоизмерима – теперь твои действия оценивает не ставший за это время родным Макаренко, а придирчивый и строгий «купец», приехавший специально для этого из школы пилотов. От его наметанного взгляда не ускользнет ни малейшая неточность, поэтому каждый понимает: права на ошибку сегодня нет.

Некоторым учлетам он задавал неожиданные теоретические вопросы, а кое-кому «повезло» прокатить его в качестве пассажира. Тем не менее все окончилось хорошо, и инструктору не пришлось краснеть за нас.

После экзамена Макаренко собрал всех своих учеников и, похвалив наши успехи, дал свое последнее напутствие.

– Полет начинается с того момента, как ты сел в самолет, и оканчивается лишь после выключения двигателя. Расслабился, зазевался, и все – авария!

Эту простую жизненную мудрость, написанную кровью, я запомнил на всю жизнь и несколько позже, когда самому пришлось вкусить нелегкий хлеб инструктора, многократно повторял своим подопечным.

Через пару дней нас собрали для собеседования с командиром отряда. Внимательно ознакомившись с личными делами, он интересовался нашими планами и настроениями. Несколько уже знакомых нам вопросов о происхождении бабушек и дедушек, а также о вступлении в комсомол подкидывал сидевший за отдельным столом офицер. Не помню, как тогда официально называлась его должность, но заведовал он классовой и моральной чистотой курсантов Молотовской школы пилотов. И в этот раз никаких проблем с мандатной комиссией у меня не возникло.

– Есть ли родственники за границей? – спросил он, внимательно глядя мне в глаза.

– Никак нет! – без малейших колебаний ответил я, будучи абсолютно убежден в правоте своих слов...

...Уже после войны, когда я служил на Камчатке, начальник особого отдела вызвал меня для беседы и сообщил, что кто-то из моих дальних родичей по маминной линии оказался в Аргентине. Будучи до революции матросом царского флота, после Гражданской ушел туда на своем корабле и не вернулся. С тех пор он никак не давал о себе знать, и о его существовании при мне ни разу не вспоминали.

– Понятия никакого не имел о нем, – стараюсь отвечать как можно более спокойно. – Тем более сами понимаете, во время войны я запросто мог бы улететь, с полным запасом топлива – так вообще за три тысячи километров от места базирования. А Швеция совсем рядом – около часа лету.

– Да ладно. Это я так, между прочим. Выброшу эту клязу, и дело с концом!

Так я и не узнал, кто это проявил бдительность и в каких архивах откопал он этот факт, но несколько неприятных минут мне пришлось пережить...

...Пару недель спустя всех нас, за исключением двух-трех человек, не прошедших мандатную комиссию, посадили на пароход и отправили в Молотов. В этот раз мама волновалась немного меньше или виду не подавала... Не знаю, может, успокоилась, зная о моих успехах, а может, просто приняла мой выбор и свыклась с ним, будучи не в силах ничего изменить.

Произошло это в июле 40-го, как раз после окончания мной девятого класса. Завершать школьное образование мне пришлось уже после Победы в гарнизоне Грязное, где находился в то время штаб авиации Северного флота. Там я и получил свидетельство об окончании десятилетки.

Двое суток вез старенький пароходик вчерашних учлетов из Уфы в Молотов, так в те годы называлась Пермь, сначала по реке Белой, затем вверх по Каме. Особой скоростью эта посуда похвастать не могла, да и останавливаться ей приходилось почти у каждого села, так что времени для того, чтобы вдоволь налюбоваться проплывающими мимо красотами, было предостаточно.

Колеса, точь-в-точь как в фильме «Волга-Волга», степенно шлепали по речной глади, а мы, снедаемые нетерпением, мерили шагами палубу, рисуя в своем воображении самые радужные картины. Естественно, столь юные ребята сдерживать переполняющие их сердца эмоции не могли и не хотели, поэтому основными темами то постепенно затухавших, то внезапно вновь разгоравшихся споров и разговоров были, конечно же, авиация и наше будущее, неразрывно связанное с ней. Нетрудно догадаться, что все мы, хоть и не смели признаться в этом друг другу, в не столь уж далеком будущем мечтали встать в один ряд с героями-летчиками Чкаловым, Коккинаки и Водопьяновым.

На третье утро путешествия нас разбудил гудок, сигнализировавший о прибытии к пристани Молотова. Новичков-курсантов здесь уже ожидал широкоплечий подтянутый офицер. «Прямо как с плаката!» – подумал я.

Почти сразу же после выгрузки нам дали понять, что прежняя «свободная» жизнь осталась в прошлом и теперь все будет происходить только лишь по команде. После отъезда грузовика, в который мы побросали наши мешки и чемоданы, раздался первый воинский приказ: «Становись!» Суетливо, впопыхах мешая друг другу, неорганизованная толпа все-таки приобрела подобие строя. Ну что же, на первый раз сойдет.

Затем, не теряя времени, нас повели к месту базирования. Около пяти километров от причала до городских окраин и еще столько же до школы пилотов мы преодолели часа за полтора под аккомпанемент строевых песен, исполнявшихся по приказу командира. Немногие прохожие, попадавшие на пути, особого внимания на нас не обращали – они были привычны к подобным шествиям. Ведь в самом Молотове находились артиллерийское и морское техническое военные училища, с которыми наша небольшая школа, рассчитанная всего на две эскадрильи по тридцать курсантов в каждой, не шла ни в какое сравнение.

Сразу за городом раскинулся сосновый лес, характерный хвойный запах которого мгновенно вернул меня на несколько лет назад, напомнив родную Кальтовку. Поглощенный внешне нахлынувшими воспоминаниями, я и не заметил, как мы прошли мимо аккуратных двухэтажных домиков, в которых жило наше новое начальство, и вернулся в реальность лишь двадцать минут спустя, оказавшись на территории школы. В глаза сразу же бросилось строгое здание учебного отдела. Недалеко от него находились двухэтажная казарма и столовая.

Сзади располагались технические помещения и большое, по нашим тогдашним представлениям, летное поле с несколькими небольшими ангарами, занятыми самолетами «У-2». Два десятка «Р-5», на которых нам предстояло летать, стояли на открытом воздухе.

Прямо от ворот нас отправили в баню, где был организован своеобразный «конвейер», шаг за шагом приводивший штатскую наружность безусых мальчишек в соответствие с требованиями военного устава. Начался этот нехитрый процесс с поголовного «обнуления» прически, после чего каждый из нас, получив обмундирование, мешок для отправки домой своей гражданской одежды и бирку, на которой нужно было написать свой адрес, проходил в раздевалку. Затем – помывка, переодевание и выход на улицу для построения.

Никаких зеркал поблизости не имелось, но в них не было никакой необходимости. После преобразования все мы стали похожи друг на друга, как братья-близнецы, – абсолютно одинаковые гимнастерки, пилотки, галифе, яловые сапоги и ремни. Да и лица, лишённые их привычного обрамления в виде прически, также столь незначительно отличались друг от друга. Смотришь на окружающих тебя солдат... и никого не узнаешь. Конечно, неудачные попытки идентифицировать своих товарищей тут же становились причиной гомерического хохота и безудержного веселья – более забавную ситуацию трудно было даже представить.

– Становись! – внезапно скомандовал старшина.

После того как новоиспеченные курсанты кое-как построились, начался придирчивый осмотр. Кто-то получил замечание за складки на гимнастерке, некоторые – за слишком свободно болтавшийся ремень. Мне же было объявлено о необходимости систематического бритья. Конечно, никаких усов у меня тогда не имелось, а те редкие, едва заметные мохнушки, легким пушком рассыпанные над верхней губой, я не считал заслуживающими какого-либо внимания. Так что пришлось в первом же письме просить отца прислать мне бритву.

Не обошлось и без «сюрпризов». Поскольку сапог моего 41-го размера в наличии не имелось, старшина выдал мне сапоги на размер больше: «Ходи пока так, дальше что-нибудь придумаем». Это самое «пока» растянулось аж до 42-го года, когда меня перевели в морскую авиацию. Правда, во время боевых вылетов, особенно зимой, сапоги большего размера имели неоспоримое преимущество – для предохранения от обморожения ноги можно было замотать в портянки, вырезанные из солдатского одеяла... Но это позже, а тогда пришлось преодолевать некоторые неудобства, приспособившись к несколько более «свободной» обуви. Неприятно, конечно, но что оставалось делать...

Следующим этапом нас, все так же строим, повели в казарму. Светлое и просторное помещение, внутри которого были расставлены металлические одноэтажные кровати, практически ничем не отличалось от виденного нами в кино. Совсем недавно выкрашенные стены и до блеска надраенный пол также радовали глаз. Получив полагающиеся нам матрацы, набитые соломой, подушки, одеяла и полотенца и разложив по тумбочкам свои нехитрые туалетные принадлежности, мы поспешили на обед.

Столовая подарила самые приятные впечатления первого дня – первое, второе и компот. Как ни удивительно это звучит сегодня, предложенная нам еда разительно отличалась в лучшую сторону от домашней пищи, привычной для многих курсантов, будучи как вкуснее, так и сытнее. Объясняется этот «феномен» достаточно просто. Во-первых, чтобы выдерживать требуемые нагрузки, летчику необходимо сбалансированное качественное питание, а во-вторых, в то время очень немногие семьи могли позволить себе подобную роскошь, постоянно находясь в режиме строгой экономии.

Невозможно передать всеобщее изумление, когда старшина объявил, что желающие могут попросить добавки. Но таковых оказалось немного – большинству из нас хватало, как говорится, с лихвой. Неудивительно, что при такой кормежке некоторые курсанты стали довольно быстро прибавлять в весе. Мой товарищ Володя Киселев, худющий парень ростом под метр восемьдесят, за первых два месяца набрал целых десять килограммов. Конечно, ему пришлось ограничить свой аппетит, чтобы продолжать летать.

...Сразу же по окончании войны летный состав стали кормить гораздо хуже – в стране была напряженка с продуктами, поэтому курсантский паек вспоминался тогда с некоторой ностальгией. Но после перевода на реактивную технику снабжение авиаторов продовольствием восстановилось в полном объеме. Правда, я бы не сказал, что полеты на реактивных бомберах изматывали летчика сильнее, чем на поршневых. Скорее наоборот – сидишь себе в герметичной кабине нового самолета, шума гораздо меньше, более современные приборы работают намного надежней, а следить за ними стало проще – в случае отклонения того или иного параметра от нормы загоралась сигнальная лампочка. Внедрение надежных автопилотов существенно облегчило работу летчика. Словом, красота, да и только...

Первую ночь мне, как и всем моим товарищам, долго не удавалось заснуть. Сознание причастности к военной авиации переполняло сердце гордостью и заставляло его неистово биться в груди. Нет-нет да и протянешь руку, чтобы пощупать заветные «крылышки» на рукаве аккуратно сложенной на табуретке гимнастерки.

Каждый из нас был абсолютно убежден: еще максимум пара дней, и начнется то, ради чего мы приехали сюда, – полеты. Разлука с небом, пусть даже столь непродолжительная, казалась невыносимой бесконечной пыткой, поэтому все мы благополучно забыли, что словосочетание «военный летчик» начинается с прилагательного «военный»...

– Подъем! – как гром среди ясного неба развеял сладкий утренний сон зычный голос, раздавшийся, как и положено по уставу, в 6:30. Конечно, на первый раз, да и не на первый тоже, нам не удалось уложиться в положенные пять минут, чтобы привести себя в порядок и построиться на утреннюю физзарядку. Первый блин, как ему и положено, вышел комом – каждый получил свою заслуженную долю замечаний. Торчащая из-за голенища сапога второпях намотанная портянка, складка на штанах, задержка при исполнении команд – ничто не могло ускользнуть от придирчивого взгляда опытного старшины.

Заправка коек, на которую отводилось не более пяти минут, также не обошлась без нареканий. Нельзя сказать, что «на гражданке» все мы были неряхами, но вряд ли кто подозревал, что такая обыденная процедура, как уборка кровати, может превратиться в столь ответственное дело. Неоднократно заставлял старшина полностью перестилать койку, завидев на ней малейший бугорок. На первых порах эти «мелочные» придирки вызывали недоумение и

казались прихотью излишне строгого командира, но именно с этих «мелочей» и начинается воинская дисциплина – основа боеспособности любого рода войск.

Затем вновь следовало построение и поход строем на завтрак, начинавшийся в 7:30. Долго рассиживаться в столовой времени не было. Ровно через полчаса – занятия. Изучение уставов, общевойсковой тактики, стрелкового оружия и политическая подготовка сменялись спортивными и строевыми упражнениями.

Брусья, конь, турники, колесо для тренировки вестибулярного аппарата, футбол, плавание, двадцатикилометровые лыжные кроссы, легкая атлетика и марш-броски с полной выкладкой – все эти разнообразные физические нагрузки должны были привести наши тела в состояние, необходимое для летной работы. Приходилось, преодолевая себя, работать «через не могу». Кажется, вот он, предел. Нет сил даже с места сдвинуться... Но желание не отставать от товарищей как будто открывает второе дыхание, заставляя отстающего вновь занять свое место в строю.

Некоторые трудности вызывал подъем по канату, преодолеть шесть метров длины которого, не касаясь его ногами, было совсем непросто. Самым сильным удавалось пройти лишь половину дистанции. А дальше – висишь, как сосиска, и все. Единственным исключением был парень, имевший прекрасную спортивную подготовку и с легкостью выполнявший все необходимые нормативы. Приходилось изо всех сил тянуться за ним – что я, хуже? И буквально через месяц канат стал пройденным этапом.

Как нетрудно догадаться, самым нелюбимым занятием курсантов всех стран и народов является строевая подготовка. Нещадно палящее солнце, наотмашь хлеставший лицо проливной дождь, пронизывающий до костей ледяной ветер, идущий сплошной стеной снегопад – ничто не в силах отменить эту «пытку».

Особенно тяжело приходилось тем, кто еще не успел в совершенстве овладеть нелегкой наукой пеленания собственных ног. Небрежно намотанная в утренней спешке портянка вызывала болезненные, достаточно продолжительное время не заживавшие мозоли. В незавидной ситуации оказывался тогда курсант. Каждый шаг причиняет боль, но выйти из строя, чтобы перемотать ногу, невозможно. Еще и от старшины нагоняй получишь, если шагаешь не в ритм.

–левой!левой!левой! – раздается неумолимая команда, заставляющая, в очередной раз перешагнув через себя, вбивать подошву сапог в раскаленный солнцем плац, всей ступней ощущая нестерпимый жар. Именно так, потом и кровью, закалялась воля будущих солдат. Хорошо, что я уже умел обращаться с портянками, поэтому никаких проблем с ногами не имел.

Курсант школы военных пилотов Михаил Шишков. 1940 г. Молотов

Некоторую передышку с 13:00 до 14:30 давали обед и следовавший за ним отдых. Затем вновь с прежней интенсивностью возобновлялись занятия, по окончании которых начиналась самоподготовка. В 19:00 — ужин и получасовая прогулка строем. Оставшееся до отбоя время предназначалось для стирки и глажки формы, пришивания подворотничков, бритья голов и других необходимых для приведения своего внешнего вида в надлежащее состояние процедур.

Одним из самых приятных моментов был обязательный еженедельный поход в баню. Как будто сбрасываешь накопленную усталость и, выходя оттуда, чувствуешь себя вновь родившимся. Выдаваемым старшиной мочалкам фабричного изготовления мы предпочитали самодельные, из канатов или плетеной резины амортизаторов «Р-5» – мылились они получше. А спится-то как прекрасно после баньки... Утром поднимаешься по команде бодрим и веселым.

Но даже отбой не мог гарантировать спокойного сна, ведь сразу же после того, как намазавшиеся за день курсанты, едва упав на кровати, закрывали глаза, «на охоту» выходил все тот же неугомонный старшина, прозванный нами «хохлому». Въедливый такой мужик был, дотошный, получивший боевой опыт финской войны. Наряды раздавал за милую душу. Мимо каждой кровати пройдет и все осмотрит. Ага! Сапоги не начищены должным образом, гимнастерка сложена неаккуратно или еще что-нибудь... Тут же поднимет, заставит все исправить, после чего провинившиеся, а их всегда два-три человека набиралось, шли «чистить галюны» или «драить палубу», то есть коридор. Не успел вовремя встать в строй по тревоге или, например, портянка из сапога выглядывает – вновь наряд... Качество работы «хохол» проверял очень строго, вплоть до того, что совал свой наслонявленный палец в какой-либо закуток. Не дай бог пылинку найдет... Возишься часов до одиннадцати, бывало и дольше. А утром опять подъем...

Один-единственный раз мы посмели ослушаться своего старшину, о чем тут же пожалели. Вечером одного из первых летних дней он, как обычно, построил нас и вместо того, чтобы вести в столовую, – «шагом марш!» по направлению к выходу из школы. Видимо, до ужина оставалось еще немного времени, и «хохол» решил устроить внеплановую прогулку. В такие дни подобные мероприятия не практиковались, поэтому подуставшие после полетов курсанты неохотно выполнили его приказ.

Вскоре последовал новый: «Песню запевай!» Но вместо традиционного авиационного марша «Все выше, и выше, и выше» прозвучала... тишина. Откликнулся лишь запевала, да и то ненадолго. Еще дважды повторил команду старшина, и каждый раз – с тем же успехом.

«Бегом марш!» И пришлось нам совершить внеочередной марш-бросок почти до самых городских окраин, а это около пяти километров, и таким же образом возвращаться обратно. Около домиков начсостава старшина перевел нас на шаг, и вновь прозвучало: «Песню запевай!» – запели, еще и как запели!

Или другой, весьма характерный случай. Командовал нашим взводом младший лейтенант, также принимавший участие в зимнем противостоянии с Финляндией, очень требовательный и строгий офицер. На теоретических занятиях по военной подготовке он рассказывал нам о том, как тяжело далась нашей стране эта победа и как сам, обморозив руки и ноги, оказался в лазарете.

Получив опыт реальной войны, он стремился передать его нам, не жалея ни своих, ни наших усилий. Как назло, пару дней подряд шли осенние дожди, превратив полигон в сплошную грязевую ванну. Именно в это время взводный проводил практические стрельбы.

– Ложись! – вначале мы даже не поверили своим ушам, но, наученные случаем с пением, мгновенно выполнили команду, в прямом смысле ударив лицом в грязь. А на завтрашнем утреннем построении надо было в чистом обмундировании стоять. И никаких послаблений в этом правиле не допускалось в принципе. Делать нечего, вернувшись в казарму, пришлось тщательно отмывать форму и вешать ее сушиться.

На следующий день кто-то попробовал пожаловаться инструктору и тут же получил дополнительное наказание – отстранение от полетов, конечно, как только подсохнет аэродром. Ничего худшего и придумать нельзя, ведь провинившемуся курсанту приходилось весь день встречать и сопровождать каждый садящийся самолет...

Бипланы «По-2» и «Р-5» во время рулежки было необходимо держать за плоскости, помогая пилоту, не имевшему достаточного обзора вперед из-за мешавшего ему мотора, обходить встречающиеся на пути препятствия. Эта особенность присуща практически всем самолета-

там, имеющим хвостовое колесо. На двухмоторных СБ и «Ил-4» дело обстояло немного лучше – в переднем отсеке располагалось рабочее место штурмана, который, высунувшись по пояс из верхнего люка своей кабины, руководил действиями летчика. Проблема руления окончательно исчезла только на самолетах с передним опорным колесом...

Я как-то изрядно напортачил – в одном из первых провозных полетов «козла» оторвал на посадке, потом два дня бегал туда-сюда... Аэродром наш имел две параллельные полосы. Одна для взлета, другая для посадки. Приземлился самолет, подбегаешь, схватил его за плоскость и ведешь на стартовую позицию. Твой товарищ вновь взмывает в небо, ты же бежишь назад встречать следующего. Они ведь друг за другом идут, как на конвейере.

После окончания полетов сопровождаешь самолеты на свои законные места. А инструктор, сидящий в кабине, еще и газ прибавляет так, что ты еле успеваешь за ним. В конце дня у меня от усталости ноги запутались, я как растянулся... Лежу, выплевывая пыль изо рта, а он самолет чуть притормозил и кричит: «Догоняй! Чего разлегся!» Поднимаешься и бежишь... Выматываешься настолько, что за ужином кусок в горло не идет.

– Ну как? – улыбается инструктор, когда я, отработав свою провинность, вновь занимал свое место в кабине самолета. – Наука впрок пошла?

– Так точно!

Не помню, чтобы подобные ситуации воспринимались как издевательство. Мы стали частью Красной армии и прекрасно понимали необходимость беспрекословного исполнения приказов командиров. Надо – значит надо. Может, иногда с нами обходились несколько грубовато, но именно таким образом солдатская наука усваивалась гораздо быстрее и эффективнее. Из нас делали настоящих солдат, готовых ко всему, и это было абсолютно правильно – война, неотвратимое приближение которой ощущалось практически во всем, вскоре потребует от защитников Родины предельного напряжения сил и воли.

Нельзя сказать, что эта жесткая муштра являлась для нас полной неожиданностью. В кинотеатрах демонстрировались художественные фильмы на армейскую тематику, да и старшие ребята, отслужившие положенный срок и вернувшиеся домой окрепшими и возмужавшими молодыми людьми, рассказывали о ночных тревогах, марш-бросках и других неотъемлемых элементах солдатской жизни. Тем не менее у многих сложилось некое романтизированное представление о воинской службе как о чем-то похожем на спортивную игру с оружием.

Реальность очень быстро внесла свои коррективы, приземлив мечтателей с небес на грешную землю. «Мы же летчики, а не пехотинцы, – иногда говорили некоторые курсанты, – а нас на строевую гоняют». Кроме того, парни, еще вчера пользовавшиеся определенной свободой передвижения, непросто свыкались с «подневольной» жизнью в замкнутом мире школы пилотов с редкими увольнениями и жесткой необходимостью возвращения из города строго в определенное время. Опоздание на полчаса влекло за собой ответственность вплоть до уголовной, не говоря уже о самоходе, самая робкая мысль о котором казалась нам вершиной самонадеянной глупости.

Правда, увольнениями нас особо не баловали. За все время пребывания в Молотове я воспользовался этой возможностью всего два или три раза. Да и не хотелось как-то... Пройти пешком по пыльной дороге пять километров, чтобы побродить по городу, периодически беспокойных встречных прохожих вопросом, на который подавляющее большинство из них, так же, как и я, не имевшее собственных часов, не могло дать верного ответа, и затем впопыхах возвращаться назад...

Но была и другая причина, объясняющая столь странное на первый взгляд нежелание. В одном из самых больших и красивых зданий города, где до революции располагалась школа юнкеров, находилось техническое училище авиации ВМФ, в три раза превосходящее нашу школу по числу обучаемых курсантов.

Хотя никому из них по роду службы никогда не пришлось бы ступить на корабельную палубу, они носили флотские мундиры, что давало им огромные преимущества. Конечно, в бане, где предписана «форма одежды номер ноль», даже самый натренированный взгляд не смог бы отличить курсанта-летчика от курсанта-моряка. Все как на подбор подтянутые жилистые молодые ребята, пышущие здоровьем и энергией. Но одни и те же худощавые ноги совершенно по-разному смотрятся или свободно болтающимися в разношенных голенищах сапог, или скрытыми широкими клешами и до блеска надраенными ботинками.

А если взглянуть на воспетые поэтами-романтиками полосатые тельняшки, гюйсы и бескозырки с развевающимися по ветру лентами, идеально выглаженные стрелки на брюках, о которые, казалось, можно было легко порезаться...

...Секрет этого искусства открыли мне товарищи-однополчане, окончившие, в отличие от меня, военно-морские школы пилотов. Чтобы не простаивать длительное время в очередях за утюгами, они изобрели гораздо более практичный способ. В предварительно смоченные водой брюки вставлялись вырезанные из фанерного листа и обработанные шкуркой для снятия заусенцев два шаблона, точь-в-точь повторявшие форму штанин, после чего все это аккуратно укладывалось под матрац. Утром встал – штаны уже наглажены. На пару дней хватало...

На этом фоне наши пехотные пилотки, гимнастерки и галифе совершенно не имели никакого вида. Но еще хуже стало осенью, когда необходимость спастись от холодного ветра заставила надевать шинели, служившие нам как рабочей, так и выходной одеждой. Побывавшие в грязи полигона, на разгрузке дров или картошки, выгоревшие на солнце за время занятий по строевой, они не шли ни в какое сравнение с черными морскими бушлатами. Так что известный афоризм, адаптированный к реалиям тех лет, звучал бы так: «Хочешь быть красивым – иди в моряки».

Неудивительно, что наши ровесницы гораздо более благосклонно принимали ухаживания этих бравых ребят, что очень сильно задевало наше самолюбие. Ситуацию не могла выправить даже пресловутая нарукавная «курица». Скорее наоборот, она еще больше усугубляла проблему, превращая своих обладателей в объект постоянных насмешек со стороны победителей.

Тем не менее моряки, видимо, всерьез опасались конкуренции в борьбе за девичьи сердца, поэтому решили вопрос радикально и с максимальной эффективностью. Как известно, в любом городе, где поблизости расположены воинские части, всегда присутствуют военные патрули, каждый день выходящие на охоту за сбежавшими в самоволку солдатами и нарушителями общественного порядка, естественно, в погонах.

Кроме того, в сферу их компетенции входили неопрятный внешний вид находившихся на улицах военнослужащих и несоблюдение таковыми субординации (например, не заметил солдат проходящего мимо старшего по званию, забыл отдать ему честь). А уж если за бокалом пива поймали... Сразу в комендатуру, оттуда – в свою часть. Конечно, после такого скандала об увольнении можно было даже не заикаться как минимум полтора месяца. Еще и наряды вне очереди...

Поскольку наша школа пилотов находилась за пределами города, военные патрули в Молотове состояли из курсантов-моряков под командой своих же офицеров. Отсюда и тактика... Любой из нас, стоит лишь попасть в их поле зрения, немедленно останавливался «для проверки документов». И никакие попытки обойти патруль, загодя перескочив на другую сторону улицы, не спасали.

Документы, конечно, в полном порядке, но это лишь «повод для знакомства». А найти, к чему придраться, не составляло никакого труда – шинелишка, как ни крути, не самой первой свежести... Да и сапоги, пока до города дойдешь, запьются. Оботрешь их лопухом каким-то, но это все равно не то...

– Ну что, ребята, пройдемте-ка с нами в комендатуру! – с насмешкой в глазах произносит командир патруля.

– Все поняли... Сейчас уйдем... – Обидно, конечно, но против силы не попрешь.

– Ну ладно... – «снисходительно» соглашается он. – Чтоб я вас больше не видел!

Так что ничего иного не оставалось, как несолоно хлебавши ретироваться к месту прохождения службы...

Некоторые тут же пожалели о том, что оказались в столь экстремальных условиях, и, казалось, нашли способ вернуться домой. Дело в том, что в армию тогда призывали в двадцать лет, а самым старшим из нас едва исполнилось девятнадцать, попадались даже курсанты моложе восемнадцати. Уже через пару недель двое самых отчаянных написали начальнику школы рапорты с просьбой об отчислении как не достигших призывного возраста. В тот же день до нашего сведения был доведен приказ, согласно которому их перевели в роту охраны.

– Товарищ майор, – начались слезные просьбы, – простите нас... это по недомыслию...

Но командир был неумолим, и может быть, именно по этой причине у всех остальных от желания покинуть стены школы не осталось и следа, а незавидная судьба наших бывших соучеников, сменивших штурвалы боевых машин на винтовки, окончательно развеяла остатки иллюзий. Как сложились в дальнейшем их жизни, мне неизвестно. Когда несколько месяцев спустя нас перевели в Энгельс для переучивания на самолеты СБ, они так и остались в Молодове...

...Кстати, ни о каких неуставных взаимоотношениях даже речи быть не могло – среди курсантов царили взаимовыручка и взаимопонимание. Настоящая дружба складывалась с одним, максимум двумя ребятами, с остальными – как с хорошими соседями. Конечно, далеко не все и не всегда проходило без сучка и без задоринки. Столкновения характеров обязательно происходят в замкнутом коллективе, которым является казарма воинской части. Находились любители неуместных шуток и розыгрышей, но им быстро объяснили недопустимость подобного, в крайнем случае пригрозив «темной». Но до «дела» так ни разу и не дошло – возникавшие конфликты разрешались исключительно словесным внушением. Дедовщина появилась в нашей армии гораздо позже, в результате очередных хрущевских «реформ»...

Самолет «P-5»

Конечной целью обучения в Молотовской школе военных пилотов было освоение самолета «P-5», использовавшегося в качестве разведчика, ближнего бомбардировщика и штурмовика. Предыдущим выпускникам отводилось для этой цели полтора года. Программа их подготовки включала стрельбы из курсового пулемета и учебные бомбометания, но наш курс был

ускоренным, всего полгода, поэтому боевое применение мы должны были проходить непосредственно в строевой части.

Требованиям второй половины 30-х годов архаичный биплан «Р-5», верой и правдой отслуживший уже десять лет, вряд ли соответствовал, но по сравнению с «У-2» мог считаться грозной боевой машиной. Двигатель «М-17» взлетной мощностью 715 лошадиных сил обеспечивал «пятерке» максимальную скорость 220 км/ч на высоте 3000 метров, подняться на которую самолет мог менее чем за три минуты. Экипаж состоял из двух человек – летчика и летчика-наблюдателя (летнаба), так тогда называли штурмана. Наружные бомбодержатели позволяли в перегрузочном варианте нести бомбы общей массой до 400 килограммов, но обычно брали 4 фугаски «ФАБ-50», по 50 килограммов каждая. Стрелковое вооружение самолета было откровенно слабым: курсовой пулемет винтовочного калибра, стрелявший через плоскость винта, и оборонительный крупнокалиберный пулемет, расположенный на турели в задней кабине.

Буквально на второй день пребывания в школе мы начали изучать конструкцию, аэродинамику и эксплуатационные особенности новой машины, а также теорию навигации. Несмотря на то что уровень проработки всех вопросов был ощутимо глубже, чем в аэроклубе, полученные ранее знания существенно облегчили нашу задачу. Конечно, появились и новые, незнакомые нам разделы, в частности вооружение и тактика, но привычка к систематическому труду и хорошая квалификация преподавателей помогли нам освоить весь объем теоретической программы.

Прямо на стоявших вдоль летного поля самолетах проходило практическое изучение матчасти «Р-5», в частности расположенного в передней кабине летчика приборного оборудования, которое, впрочем, как и на всех отечественных машинах той поры, было весьма скромным и включало в себя лишь самое необходимое: высотомер, указатель скорости, часы, температура охлаждающей мотор воды, температура головок цилиндров и давление масла. Авиагоризонт «Р-5» не имел, поэтому пространственное положение самолета определялось по простейшему прибору под названием «Пионер», стрелка которого показывала угол крена, а шарик, находившийся внутри слегка изогнутого стеклянного цилиндра, – скольжение. Отклонение этого шарика от центрального положения сигнализировало об отсутствии должной координации движений органов управления при выполнении фигур пилотажа.

В задней кабине летнаба имелись часы, высотомер, указатель скорости и прицел для бомбометания, а также снимавшаяся ручка и педали, обеспечивавшие управление самолетом в случае ранения или гибели летчика. На самолетах, предназначенных для обучения курсантов, место летнаба занимал инструктор.

Столь нетерпеливо ожидаемые нами полеты начались вновь с «У-2», на котором к имевшимся у меня сорока аэроклубовским часам я добавил еще пятнадцать.

...Последний раз мне довелось сесть в кабину этого самолета, тогда уже называвшегося «По-2» в честь его создателя, зимой 1947/48 года, когда ввиду тотального топливного дефицита поставки бензина «Б-100», необходимого для наших «Бостонов», прекратились. Но пилот, лишенный практики, катастрофически быстро теряет свои приобретенные столь тяжелым трудом навыки, поэтому нам и пришлось совершить своего рода возврат к истокам. Трудяга-кукурузник, работавший на гораздо более дешевом «Б-70», оказался как нельзя более кстати. Пара дней в неделю, отведенных для полетов по кругу, и один ночной вылет продолжительностью чуть больше часа худо-бедно, но все-таки помогали сохранять нашу летную форму...

Затем, после сдачи зачетов по теоретическому курсу, мы приступили к практическому освоению «Р-5». Примерно после полутора десятка провозных я совершил первый самостоятельный вылет.

Семикратное увеличение мощности ощущалось с первых секунд разбега. Дашь газ, и самолет словно идет за ним как привязанный, силой инерции прижимая тебя к спинке сиденья. Но в целом по легкости управления «Р-5» был похож на «У-2», разве что немного строже и требовательней. Некоторые опасения вызывала более высокая посадочная скорость «пятерки», но после трех-четырёх полетов разница в 30 км/ч стала казаться не такой уж значительной.

Принципиальным отличием двух рожденных в одном конструкторском бюро бипланов было наличие на «Р-5» водяного радиатора. Пять оребренных цилиндров звездообразного двигателя «М-11», стоявшего на «У-2», охлаждались потоком набегающего воздуха, что было весьма удобно в эксплуатации. Двенадцатицилиндровый «М-17» имел жидкостное охлаждение. Конечно, теплота, отведенная от мотора, все равно сбрасывалась в атмосферу, но не так, как в «М-11», а через радиатор, по мере необходимости опускавшийся в воздушный поток или, наоборот, – выводившийся из него.

Технический уровень отечественного самолетостроения 30-х годов не позволял осуществлять автоматическое управление этим процессом, поэтому пилоту приходилось следить за температурой головок цилиндров, реагируя на ее изменение соответствующим вращением небольшого штурвалчика.

Как известно, самым неблагоприятным режимом работы двигателя является взлетный – он требует максимальной мощности мотора. Скорость при этом сравнительно небольшая, что диктует необходимость полного выпуска радиатора для максимального увеличения площади теплообмена.

После взлета убираешь радиатор где-то на половину и не трогаешь его вплоть до самой посадки. Иначе рискуешь переохладить двигатель, что чревато его заклиниванием и в лучшем случае аварийным приземлением с соответствующими последствиями в виде отчисления из школы или, при неблагоприятном стечении обстоятельств, военного трибунала. В то время легко могли присобачить умышленное вредительство...

А перед заходом на посадку требовалось полностью убрать радиатор. Он ведь на амортизаторах висел. Забыл это сделать, да еще и резко плюхнул самолет – амортизаторы удар выдержат, но шланг подвода воды от движка, не имевший достаточной длины для компенсации таких больших перемещений радиатора, может оборваться. Будешь самолеты встречать весь следующий день, и хорошо, если только один...

Полеты по кругу на первый взгляд кажутся совсем простыми. Зарулил на старт, поднимаешь руку в знак готовности и ждешь, когда солдат, стоящий рядом с твоим самолетом, получив сигнал командира, поднимет флажок, разрешающий тебе взлет. Полный газ и – поехали! В это же самое время другая крылатая машина уже касается колесами земли...

Оторвался, сделал четыре разворота, зашел на посадку – всего каких-то десять минут... И все повторяется вновь и вновь с точностью часового механизма. Ну что там сложного, подумает далекий от авиации человек и будет неправ. За этой кажущейся легкостью скрывается напряженная и слаженная работа руководителя полетов, солдат-сигнальщиков, техников, готовящих машины к полетам и, конечно же, самих пилотов, сравнивая с выступлением большого симфонического оркестра, в котором каждый исполняет свою конкретную партию. Ошибка одного может превратить прекрасную музыку в нестерпимую какофонию звуков. В нашем случае последствия несогласованных действий могут оказаться гораздо серьезнее и привести к аварии.

Слава богу, за все время, проведенное мной в Молотове, произошло лишь одно летное происшествие – «Р-5» нашего тридцатилетнего помкомвзвода, носившего три сержантских треугольника на петлицах, уклонившись на разбеге в сторону, врезался в стог сена, находившийся поблизости от взлетной полосы лугового аэродрома и приготовленный к использованию в подсобном хозяйстве школы. К счастью, летчик отделался легким испугом, а самолет, получивший незначительные повреждения, вскоре был восстановлен.

Полеты в зону проводились по весьма усеченной программе. Предыдущие выпускники выполняли полный комплекс фигур пилотажа, но, поскольку «Р-5» к тому времени уже сняли с производства, наш самолетный парк давно не обновлялся и был весьма изношенным. Поэтому инструкторы, опасаясь катастроф, запрещали нам штопорить и делать мертвые петли, ограничиваясь переворотами и виражами. Свалил «пятерку» в крен и тянешь ручку на себя, всем телом ощущая нервную дрожь стабилизатора... Да, действительно, не выдержать этому самолету большей нагрузки.

Любые попытки модернизации «Р-5» не имели никакого смысла – век боевых бипланов безвозвратно ушел. Именно поэтому было принято решение переучить нас на СБ, двухмоторный фронтовой бомбардировщик, начавший поступать в строевые части с 36-го года. Тем не менее «пятеркам» довелось принять участие в Великой Отечественной, но их довольно быстро перебили немецкие истребители и зенитчики.

Поздней осенью пригнали две «спарки» СБ. Но поскольку длины взлетно-посадочной полосы едва-едва хватало для опытных летчиков, а окружавшие аэродром сосны вкупе с избыточной оврагами и реками местностью не позволяли привести размеры летного поля в соответствие с требованиями безопасности учебных полетов, нашу эскадрилью в полном составе перевели в Энгельс, вторую – в Новосибирск.

В последние ноябрьские дни 40-го года мы, как всегда, строим, прибыли на вокзал. Прямого железнодорожного сообщения с Энгельсом Молотов тогда не имел, поэтому пришлось сделать небольшой крюк до Челябинска, где полностью занимаемый нами вагон подцепили к другому поезду, и мы без особых приключений добрались к месту назначения.

Энгельс существенно отличался от тех немногих городов, которые мне до этого приходилось видеть, идеальной чистотой улиц и, я бы сказал, художественным подходом к планировке жилых районов. Красивые, словно игрушечные, одноэтажные домики, возле которых, ведя неторопливую беседу, чинно восседали их довольно хорошо одетые хозяева, аккуратно побеленные заборчики, едва поднимавшиеся выше колена, посыпанные песочком дорожки – все это было непривычно и заставляло ощущать себя здесь чужеродными объектами. И неспроста – город населяли этнические немцы, несмотря ни на что сохранившие свойственный им жизненный уклад.

В правоте общеизвестной истины, гласящей о возможности познания всего на свете лишь в сравнении, было совсем нетрудно убедиться, стоило лишь перебраться на другой берег Волги в расположенный напротив Саратов, где на фоне свежайших впечатлений о чистоте и порядке, царивших в Энгельсе, неопрятность, а в определенные времена года и непролазная грязь, в которой можно увязнуть по колено, навевали не самые приятные мысли...

Школа пилотов, в которой нам предстояло изучить самолет СБ, так же как и в Молотове, была расположена в пяти километрах от города, но на этом сходство оканчивалось. Здесь, в Энгельсе, все поражало своим размахом и масштабностью – большой клуб, где по выходным крутили кино или выступали приезжие артисты, прекрасный двухэтажный дом офицеров с балконами и танцевальным залом, стадион и спортивный зал – словом, все необходимое для полноценного досуга.

Учебная база была более подготовленная. Класс тактики, класс навигации, класс двигателей, класс конструкции самолетов и класс электрооборудования обеспечивались всевозможными наглядными пособиями: от плакатов до разобранных и разрезанных моторов, различных фрагментов планеров крылатых машин, а также стрелкового и бомбового вооружения.

В огромной аудитории находился СБ с полностью оборудованными кабинами летчика и штурмана, снятой обшивкой и одной плоскостью, служивший тренажером для обучения запуску, полетной эксплуатации и выключению двигателей. Работал он от электромотора и тут же сигнализировал о любом неправильном действии курсанта. Каждый вечер мы занима-

лись самоподготовкой на этом самолете, благодаря чему пару месяцев спустя чувствовали себя вполне уверенно, находясь в кабине настоящей боевой машины.

Подобный размах не был случайностью – до нашего прибытия в энгельсской школе пилотов уже имелось целых семь учебных эскадрилий. В ряды нашей группы, сложившейся еще в уфимском аэроклубе, добавили еще десять ребят, и она стала восьмой, командование которой принял лейтенант Шевчук. Эскадрилья состояла из трех звеньев, в звене было по три инструктора, за каждым из них закрепили по четыре-пять курсантов. Получается, в среднем весь курс насчитывал около трехсот двадцати человек.

Нам стали давать некоторую информацию о тактико-технических характеристиках новых отечественных и зарубежных моторов и самолетов. Из иностранных наибольшее внимание уделялось немецким. Говорили даже о лучшей надежности их приборного оборудования и особенно двигателей.

Рассказали также и о том, что у немцев командиром экипажа бомбардировщика является штурман, человек, если уж быть предельно честным, более образованный. Летчика научили за штурвал держаться – и хорошо. Всю остальную, интеллектуальную, работу выполняет штурман. Прокладка маршрута, навигация и ориентирование во время полета, точное бомбометание – все это составляло сферу его компетенции. Ты лишь «крути баранку», куда скажут... Именно поэтому теоретическая подготовка штурманов была намного сложнее. Недаром на фронте за ними закрепилось уважительное прозвище «Ваше благородие». И в этом не было никакой иронии, лишь честное признание очевидного факта.

С другой стороны, штурвал самолета находится исключительно в руках летчика. Именно он ведет самолет к цели порой в самых отвратительных погодных условиях, под огнем зенитной артиллерии выдерживает его на боевом курсе, обеспечивая точность поражения цели. Именно он своевременным маневром спасает экипаж от верной смерти при атаке истребителей противника и чудом приводит израненную боевую машину домой, как говорится, «на честном слове и на одном крыле»... В общем, какая система лучше – трудно сказать, ведь судьба экипажа в равной степени зависит как от летчика, так и от штурмана...

А в остальном все осталось по-прежнему – все те же строгая дисциплина и субординация. Между прочим, выдрессировали на всю оставшуюся жизнь. До сих пор начинаю свой день с бритья и, возвращаясь домой, аккуратно ставлю обувь только на свое место. Более того, заботы о своем внешнем виде я никогда не перекладывал на супругу. Стирка, глажка, подшивка подворотничков – исключительно сам...

Едва мы успели освоиться на новом месте, вышел «Приказ об изменении порядка прохождения службы младшим и средним начальствующим составом в ВВС Красной Армии» наркома обороны Тимошенко № 0362 от 22 декабря 1940 года. Этот приказ до сих пор вспоминается авиаторами моего поколения как незаслуженная пощечина. Но если попытаться непредвзято разобраться в причинах, побудивших руководство принять это решение, то становится понятным, что оно, как и любая реформа, имеет свои плюсы и минусы.

Согласно этому приказу в ВВС устанавливался срок действительной службы четыре года, начинавшийся со дня поступления в военно-авиационную или авиатехническую школу, а летчики, штурманы и авиатехники, прослужившие в рядах Красной армии менее четырех лет, переводились на казарменное положение.

Слов нет, малоприятная ситуация. В нашей эскадрилье был младший лейтенант, всего на пару годков старше меня. Окончил эту же школу и остался в ней инструктором, уже и жениться успел к тому времени. Его в казарму загнали, а супруга дома осталась. Приходилось бедняге даже в самоволку бегать.

Да и материальное обеспечение, как водится, отставало. Казармы ведь были только для курсантов, роты охраны и БАО (батальона аэродромного обслуживания), вот и пришлось лейтенантов к ним подселять. Это, конечно, не дело.

Но рассматривать любое событие вне времени, в котором оно происходило, в корне неверно, поэтому при детальном рассмотрении сложившейся ситуации многое становится понятным. «В современной международной обстановке, чреватой всякими неожиданностями, переход от мирной обстановки к военной – один шаг», – гласил приказ. «При существующем же положении, когда летно-технический состав, обремененный семьями, живет по квартирам зачастую на расстоянии десятка и более километров от своих аэродромов, авиачасть быстро собраться по тревоге не в состоянии. Только на сборы и оповещение летного состава затрачиваются многие часы... Все это также подрывает боеспособность нашей авиации».

Здесь нечего возразить. Приближение войны ни у кого не вызывало сомнений, чувствовалось, вот-вот начнется... Гитлеровцы уже захватили всю континентальную Европу, остались только мы.

Другое нововведение приказа № 0362, по-видимому, позаимствованное у немцев и англичан, было, на мой взгляд, неправильным – курсантов-летчиков, штурманов и техников стали выпускать из школ и училищ в сержантском звании. Выдержать подобное было морально тяжело, особенно зная, что наши предшественники получили лейтенантские «кубари». Нам же, чтобы стать офицерами, пришлось бы сдавать экзамен экстерном лишь после окончания срочной службы.

Кроме того, вносилась определенная путаница в иерархию подчинения. В частях нередкими были случаи, когда в одном экипаже служили летчик-сержант и штурман-лейтенант, выпустившийся на год раньше. В воздухе, согласно уставу бомбардировочной авиации, командиром был летчик, а на земле – штурман, он же офицер. Построил после полета свой экипаж и повел в столовую...

...Почти сразу после прибытия в Энгельс нам начали шить офицерскую форму, авиационную, темно-синего цвета, но в результате все скомкалось, и в мае 41-го, по окончании школы военных пилотов, нас выпустили, вообще не присвоив никакого воинского звания, и все в тех же солдатских робах с курсантскими нашивками отправили в 1-ю резервную бригаду ВВС, а наши личные дела прислали по месту службы примерно через год.

Мне и моим товарищам носить сержантские треугольники не довелось. А в 43-м этот злосчастный приказ отменили, присвоив таким вот, как мы, офицерские звания. Так я и стал младшим лейтенантом...

Переход на легендарный СБ был воспринят нами с огромным энтузиазмом. Первый в СССР цельнометаллический бомбардировщик-моноплан с гладкой обшивкой и двумя моторами «М-100» мощностью по 750 лошадиных сил, созданный под руководством А. Н. Туполева в 1934 году, прекрасно проявил себя в Испании, развивая с полной нагрузкой скорость чуть меньше 400 км/ч, недоступную франкистским истребителям. Республиканцы любовно называли его «Катюшкой» в честь героини популярной оперетты.

Боевые действия выявили и весьма существенные недостатки СБ, главным из которых являлось отсутствие протектиро-ванных бензобаков и системы их заполнения инертным газом, что при малейшем попадании гарантировало пожар. Бомбовая нагрузка в 500 килограммов также не могла удовлетворить запросы военных, да и новые модификации немецкого истребителя «Мессершмитт-109» уже достигли скорости, необходимой для успешного перехвата СБ.

Конструкторам удалось существенно усовершенствовать свое творение. Новые моторы «М-103», на 210 «лошадок» мощнее прежних, позволили увеличить грузоподъемность в три раза. Установили телефонную связь между членами экипажа, правда, микрофон, висевший на груди, улавливал шум работавших двигателей, чем создавал существенные помехи. Порой разобрать, что говорит тебе штурман, было практически невозможно. Так же проблематично было нащупать этот самый микрофон, чтобы поднести его ближе ко рту – одна рука занята штурвалом, другая контролировала газ. Ларингофоны, решившие эти проблемы, появились уже во время войны.

При неработающей внутренней связи штурман имел возможность управлять действиями летчика посредством трех разноцветных сигнальных лампочек, означавших «лево руля», «так держать» и «право руля». Эта схема оказалась настолько удачной, что ее использовали на всех отечественных и поставляемых в СССР по ленд-лизу бомбардировщиках.

Тем не менее сохранилось и доставшееся в наследство от «ТБ-3», не имевшего голосового СПУ, весьма архаичное средство общения между собой членов экипажа, лишенных возможности визуального контакта, – пневмопочта, аналог современного SMS-сообщения.

Нужно, например, снизить высоту полета или существенно изменить курс, штурман пишет на бумаге послание пилоту и словно в конверт кладет его в специальную гильзу, которую, в свою очередь, вставляет в приемное отделение трубы, проложенной вдоль всего фюзеляжа. Далее, установив стрелку указателя на выбранного адресата, в нашем случае пилота, необходимо повернуть кран, открывающий доступ в систему «заборного» воздуха. Все – сообщение доставлено. Осталось только сигнальной лампочкой поморгать: «загляни, мол, в «почтовый ящик»...

Новинкой, должной значительно облегчить управление самолетом в сложных метеорологических условиях, стал авиагоризонт. К сожалению, полностью довериться этому прибору было невозможно из-за его непредсказуемого поведения. Летишь при хорошей погоде, ровно удерживая самолет, смотришь – авиагоризонт крен показывает или вообще перестает реагировать на любые эволюции. Выручал уже хорошо знакомый нам «Пионер», по которому в основном и ориентировались. А действительно безотказный авиагоризонт впервые я увидел только на американских «Бостонах».

Но заставить самолет лететь быстрее так и не удалось, несмотря ни на какие усилия, – крыло, спроектированное для скоростей до 450 км/ч, обладало слишком большим профильным сопротивлением и непреодолимо тормозило машину, изо всех сил цепляясь за воздух. По этой причине в 40-м году было принято решение отказаться от дальнейшего производства хорошо освоенных летчиками СБ... Но мы даже не подозревали об этом и продолжали свою подготовку – в летных частях оставалось довольно значительное число этих машин, ресурс которых позволял их дальнейшую эксплуатацию...

Оттепель в 41-м началась гораздо раньше, чем обычно. Из-за растаявшего снега загородные дороги превратились в одну сплошную лужу, и мы, чтобы не промокали сапоги, ежедневно смазывали их рыбьим жиром.

В конце февраля, стоило земле достаточно подсохнуть, начались полеты. Каждый отряд получил в распоряжение свой собственный аэродром, что заметно ускорило процесс. Это стало возможным благодаря наличию достаточного количества полей, пригодных для посадки наших СБ, тем более что фронтовой бомбардировщик и проектировался для подобной взлетно-посадочной полосы.

Вначале пришлось трижды слетать на «Р-6», двухмоторном самолете с архаичным гофрированным покрытием, имевшем скорость в пределах 180-200 км/ч. Иначе как «гробом» данное чудо техники мы не называли, проклиная «тот день и час, когда сели за баранку этого пылесоса». Да, именно за баранку, а не штурвал. Крутишь ее... а самолет вначале совсем не реагирует... затем нехотя начинает крениться в требуемую сторону, причем с ускорением, угрожая перевернуться. Впопыхах «рулишь» в обратную сторону, но и теперь он отзывается не сразу... Это была машина с крайне замедленной реакцией, тугодум.

После такой «воздушной акробатики» мы со скрытой тревогой ожидали знакомства с «Катюшкой». Еще бы, учебный самолет, по идее, должен быть проще в управлении, чем боевой. Но наши опасения, к счастью, не оправдались. СБ оказался простой и удобной в управлении машиной, прощавшей даже довольно грубые ошибки пилотирования, легко выполнявшей виражи с креном до семидесяти градусов без потери высоты. Взлет и посадка не вызвали ни у кого из нас никаких затруднений.

Единственным существенным недостатком, затруднявшим управление СБ, был плохой обзор из пилотской кабины, находившейся как раз между двигателями, поэтому, чтобы осмотреться по сторонам, приходилось качать самолет из стороны в сторону.

Пятнадцати полетов на «спарке» оказалось достаточно, чтобы выпустить нас самостоятельно. Один за другим утюжили «Катюшки» летное поле, выполняя полеты по кругу то в правую, то в левую сторону. Левый круг давался мне лучше.

Получив базовые навыки, мы перешли к более сложным упражнениям, осваивая полет на одном двигателе. Многим летчикам моего поколения это умение спасло жизнь. Надо сказать, очень сложная наука, не терпящая ни малейшей невнимательности. Неработающий мотор создает большое аэродинамическое сопротивление, и самолет постоянно стремится развернуться в его сторону и, перевернувшись через крыло, беспорядочно рухнуть на землю. Конечно, из соображений безопасности один из двигателей не выключали полностью, а просто убирали на нем обороты. Возможности запуска моторов в воздухе на отечественных самолетах не имелось...

Полеты по приборам, боевое применение и групповую слетанность мы не отрабатывали совершенно. Для первого не хватало времени, для второго – штурмана, третье – по месту службы. Нас, воздушных извозчиков, стремились выпустить как можно быстрее, порой принося качество подготовки в угоду количеству строевых пилотов. Совсем скоро за это также пришлось заплатить страшную цену, исчисляемую человеческими жизнями...

Тем не менее за все время учебы в Энгельсе не было ни одного летного происшествия. Предпосылки, конечно, периодически возникали. То на развороте скорость потерял, то уклонился при заходе на посадку, не учтя боковой ветер... Причина одна – человеческий фактор. А вот техника не отказывала ни разу, что внушало доверие к управляемым нами машинам.

В конце мая 41-го, по окончании учебной программы, нас направили в Воронеж, где базировалась 1-я резервная бригада ВВС. Инструктор Шевчук пришел на вокзал проводить своих еще не совсем оперившихся птенцов. Мы столпились вокруг него, и каждый от всей души благодарил своего наставника, которому пришлось изрядно потрудиться, чтобы успеть в столь сжатый срок дать нам как можно лучшую подготовку. От избытка чувств практически одновременно вся группа затянула столь любимый нами «Авиационный марш». «Все выше, и выше, и выше», причем каждое следующее «выше» звучало еще громче, чем предыдущее. С таким задором мы не пели еще никогда. «Жаль, старшина не слышит», – подумал я.

Вскоре паровоз дал сигнал к отправлению, и поезд, медленно набирая обороты, покатиł новоиспеченных военных пилотов в неизвестное будущее, представлявшееся нам, вчерашним курсантам, прекрасным и безоблачным. Несмотря на то что, казалось, сам воздух последних мирных месяцев был наполнен ожиданием готовой вот-вот разразиться войны, мы неистово веселились, наполняя вагон беззаботным юношеским смехом. Долго еще мерный перестук колес и ритмичное покачивание вагона безуспешно пытались одолеть кипучую энергию молодости, постепенно убаюкивая расшумевшихся ребят...

В Воронеже нас ждал еще один сюрприз. Нашу группу в полном составе перевели в дальнюю бомбардировочную авиацию, имевшую на вооружении самолет «ДБ-3» и его усовершенствованную модификацию «ДБ-3Ф», в марте 42-го получившую обозначение «Ил-4» в честь своего создателя С. В. Ильюшина.

...Прародитель «ДБ-3», опытный «ЦКБ-26», в июне 35-го впервые поднялся в воздух и после соответствующей программы испытаний пролетел над Красной площадью во время первомайской демонстрации 36-го года. Вечером того же дня ведущий летчик-испытатель Коккинаки продемонстрировал Сталину возможности новой машины, выполнив на двухмоторном бомбардировщике три мертвых петли подряд, что обеспечило положительное решение о принятии самолета на вооружение.

На этом отважный пилот не успокоился и до конца года установил на том же «ЦКБ-26» ряд мировых рекордов грузоподъемности, а в апреле 39-го достиг на усовершенствованном «ЦКБ-30» «Москва» восточного побережья Северной Америки, преодолев 8000 километров за 22 часа 56 минут со средней скоростью 348 км/ч...

Дальний бомбардировщик «Ил-4»

Изучение матчасти «ДБ-3Ф» началось прямо на воронежском авиазаводе № 18, на котором они и производились. Чтобы напрасно не терять времени на дорогу, нас поселили недалеко от заводской проходной. Гордость от сознания того, что вскоре мы сядем за штурвалы самолета, имеющего столь славные корни, придавала сил и энтузиазма.

Мотор «Ильюши», «М-87Б», не превосходил мощностью «М-103», устанавливавшийся на СБ, зато имел гораздо большую живучесть, обеспеченную воздушной схемой его охлаждения. Даже самая незначительная пробоина в блоке цилиндров или радиаторе гарантированно выводила из строя «водяной» движок, тогда как «воздушный» мог работать и с двумя разбитыми цилиндрами из четырнадцати.

Приблизительно равными были и скорости обоих самолетов, но «ДБ-3Ф» мог поднять в два раза большую бомбовую нагрузку, имея максимальную дальность полета чуть больше трех тысяч километров, что позволяло отнести его к классу дальних бомбардировщиков.

От нападения вражеских истребителей «ДБ-3Ф» мог отстреливаться из трех пулеметов ШКАС. Один из них располагался в носовой штурманской кабине, другой – в кормовой турели, а третий, прикрывавший нижнюю полусферу, – в люковой установке. Подобное оборонительное вооружение было слабоватым, поэтому весной 44-го на «Ил-4» установили новую турельную установку с крупнокалиберным пулеметом.

Уже знакомое нам навигационное оборудование дополнилось радиокompасом «РПК-2», рамочная антенна которого устанавливалась внутри каплеобразного обтекателя внизу фюзеляжа. Перед полетом радист настраивал приемник на частоту приводной радиостанции, координаты которой записывал штурман. Стоило самолету попасть в радиус ее действия, определение курса, ведущего к ней, не представляло никаких затруднений. Нет числа случаям, когда только это и позволило восстановить потерянную вследствие неблагоприятных погодных условий ориентацию.

Дальняя связь осуществлялась с помощью приемопередающей радиостанции РСБ «Двина», связь между летящими поблизости самолетами обеспечивала радиостанция УКВ-

диапазона. Для переговоров экипажа служило «СПУ-3». Нужно признать, отечественное радиооборудование было весьма далеким от совершенства и серьезно уступало мировым аналогам, однако выбирать не приходилось.

В передней кабине штурмана располагался резервный комплект управления самолетом, дававший возможность привести машину домой в случае тяжелого ранения или гибели пилота, что во время войны спасло не один экипаж.

Имел «ДБ-3Ф» и ряд серьезных недостатков. На взлете он все время стремился уйти вправо, но к этому еще можно было приспособиться, добавляя обороты правого двигателя. А вот малый запас устойчивости превращал многочасовой полет в утомительную борьбу с постоянно норовившим завалиться на крыло, клюнуть вниз или неожиданно задрать нос кверху самолетом. Словом, машина буквально висела на руках.

Хуже всего дело обстояло с продольной управляемостью. Давало о себе знать даже некоторое перемещение радиста вдоль фюзеляжа, вызванное необходимостью перенастройки приемника или передатчика. Кроме того, самолет был склонен к «козлению» при посадке, целлюлоидное остекление кабин через год желтело, существенно затрудняя обзор, да и сама культура производства оставляла желать лучшего...

Тем не менее «Ильюша» отслужил в дальней авиации с первого дня войны до самого ее окончания. За десять лет его производства было выпущено 6784 самолета «ДБ-3» и «Ил-4» всех модификаций. Бомбардировщики «Ил-4» прослужили в строевых частях первой линии до 47-го года, а торпедоносцы «Ил-4Т» заменили реактивными «Ил-28» на пять лет позже...

Конструктивные особенности новых машин изучали в ускоренном темпе, так сказать, галопом по европам, но, благодаря возможности пощупать реальное «железо» и в целом достаточным знаниям аэродинамики и теории полета, мы справились с этой задачей. Затем на полевом аэродроме, расположенном южнее Воронежа, поблизости от станции Левая Россошь, успели выполнить по два провозных на брата.

Подводя краткие итоги, должен с предельной честностью сказать – подготовка, полученная нами, была совершенно недостаточной для полноценного выполнения боевых задач. Менее чем за год я налетал 15 часов на «У-2», около 25 часов на «Р-5» и до 30 часов на СБ, включая провозные. Но все это – лишь при безветренной солнечной погоде с видимостью «миллион на миллион». Практических полетов по приборам и тем более в сложных метеорологических условиях нам не давали, что существенно снижало нашу ценность в качестве военных пилотов.

Абсолютно убежден: для полноценного освоения самолета «ДБ-3Ф» или аналогичного ему необходимо около двухсот часов, включающих весь спектр учебных заданий. Так что назвать меня, выпускника летной школы образца 41-го года, боевым летчиком можно было лишь с очень большой натяжкой.

Инструктор

Военные успехи гитлеровской Германии, в считанные недели весенне-летней кампании 40-го года покорившей Западную Европу, не могли не вызывать обоснованных опасений. И даже Пакт о ненападении, подписанный Молотовым и Риббентропом в 39-м, не добавлял оптимизма – в искренность нацистов никто не верил. Этот договор, продиктованный руководством нашей страны политической ситуацией конца 30-х, всего лишь предоставил некоторую передышку, которую было необходимо использовать для подготовки к достойной встрече агрессора – именно так воспринимали мы, простые советские люди, создавшуюся ситуацию.

И когда на карте Европы четко обозначилась граница между Германией и ее сателлитами, с одной стороны, и Советским Союзом – с другой, а падение Великобритании, запертой на своем острове, казалось делом ближайших нескольких месяцев, неизбежность военного столкновения не вызывала ни малейшего сомнения. «Опять германец на нас поперет», – выражали всеобщее мнение ветераны первой империалистической. Казалось, сам воздух последних нескольких мирных месяцев был насквозь пропитан предчувствием вот-вот готовой разразиться большой войны. Тем не менее вряд ли кто в теплый субботний вечер 21 июня мог предвидеть, что до наступления судного дня оставалось лишь несколько часов...

То, что случилось нечто из ряда вон выходящее, стало понятно практически с самого утра, когда весь летно-технический состав спешно собрали около штабного домика. Вместо обычной деловой размеренности, свойственной работе резервной бригады, – бесконечная череда звонков по оперативной линии, строгие озабоченные лица пронесившихся мимо офицеров и непривычная гнетущая атмосфера. Вскоре по рядам, словно ток, мгновенно пронеслась зловещая новость: «Война! Война началась...»

Некоторое время спустя репродукторы передали выступление заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров В. М. Молотова с правительственным сообщением о вероломном нападении на нашу страну немецко-фашистских захватчиков. Никаких сведений об обстановке на фронте в нем не содержалось, и мы, воспитанные довоенной пропагандой, были абсолютно убеждены, что временное немецкое наступление вскоре выдохнется в тяжелых боях на приграничных территориях, после чего советские войска погонят супостата с родной земли. «Наше дело правое! Враг будет разбит! Победа будет за нами!» – этот призыв словно проникал в самое сердце, заставляя его неистово биться.

Иногда ветераны вспоминают о том, как они, тогда совсем еще молодые ребята, спешили поскорее попасть на фронт, опасаясь, что немцев успеют разгромить без их участия. Подобные настроения вполне соответствовали духу того времени, в которое непреодолимая сила Красной армии воспевалась всеми возможными средствами. Кинофильмы, песни, книги, газетные статьи, выступления руководителей партии и правительства – всегда и везде прославлялись наши победы, как прошедшие, так и будущие, воспитывая безграничную веру в могущество своей Родины и неугасимое желание посвятить свои жизни служению ей.

Да, мы всей душой рвались в бой, и не сомневаюсь, что, получив задание на боевой вылет, выполнили бы его любой ценой... Ведь там, у государственной границы, уже шли жестокие сражения, в безжалостном огне которых сгорали жизни таких же, как и мы, молодых парней, наших старших братьев.

Но, насколько я помню, даже самого незначительного шапкозакидательства среди нас не было и в помине. Во-первых, еще не забылись слышанные в детстве рассказы односельчан, прошедших ад Первой мировой. Прекрасно зная, что все виды вооружения, особенно авиация, с тех пор шагнули далеко вперед, достигнув гораздо большей разрушительной способности, я отчетливо понимал: новая война потребует гораздо больших человеческих жертв. Конечно, делиться подобными умозаключениями с окружающими было бы не самым умным поступком,

но красноречивые взгляды стоявших рядом товарищей говорили о наличии подобных невеселых мыслей и у них.

Во-вторых, совсем недавно завершилась финская война, об истинном лице которой без прикрас поведал нам, курсантам молотовской школы пилотов, командовавший взводом младший лейтенант... Так что слова популярной довоенной песни о том, что «мы разгромим врага на чужой стороне малой кровью и сильным ударом», уже тогда казались нам слишком оптимистичными.

Правда, хоть сколько-нибудь достоверно предположить, сколько дней и ночей отделяют нас от Победы и каким огромным, окончательно неизвестным даже несколько десятилетий спустя количеством жизней она будет оплачена... Наверное, вряд ли бы мы поверили в истинность этих ужасающих цифр, будь они названы тогда, и сочли бы это вражеской провокацией...

Учебные полеты сразу же прекратились, на наши самолеты в ускоренном порядке установили бомбодержатели и стрелковое вооружение, после чего инструкторы улетели на них на фронт, прихватив с собой недавно прибывших штурманов и стрелков-радиистов, предназначенных для формирования наших экипажей. Таким образом были укомплектованы две полноценные боеспособные эскадрильи. А мы, превратившись в безлошадников, не теряли надежды в ближайшее время получить новые самолеты и последовать за своими старшими товарищами.

Ближайшую пару дней о ситуации, сложившейся на фронте, можно было лишь догадываться, и эта неизвестность порождала нехорошие предчувствия. Но первые сводки новостей оказались еще ужаснее: 28 июня немцы заняли Минск, 1 июля – Ригу, 9-го – Псков и Житомир, а на следующий день начались бои на подступах к Смоленску...

Сердца переполнялись болью, а мысли терялись в бесконечном лабиринте не имевших ответа вопросов. Как могло произойти такое? Когда же наконец остановят проклятых захватчиков? Тем не менее моральный эффект от этих известий оказался совершенно противоположным тому, на который рассчитывали нацистские идеологи, – сокрушительным поражением начала войны совершенно не удалось поколебать нашу уверенность в своей Победе. Даже в самые тяжелые дни, когда немецкие офицеры рассматривали в бинокли окраины Москвы, эта вера ни на мгновение не угасала в наших сердцах.

И каждый делал для Победы все, что только мог. Военкоматы были буквально атакованы добровольцами, требовавшими отправки на фронт. Непригодные к строевой службе записывались в ополчение или помогали возводить на пути врага оборонительные сооружения. Даже дети становились к станкам, чтобы заменить своих отцов и братьев, ушедших на войну...

Наши чувства и настроения наилучшим образом выразил 3 июля 41-го года Председатель Государственного Комитета Оборона И. В. Сталин в своем легендарном обращении к советскому народу, ставшем одним из самых значительных выступлений государственных лидеров в мировой истории.

«Братья и сестры!» – назвал всех нас Иосиф Виссарионович... Простые слова, от которых веяло домашним теплом, в тяжелой обстановке первых дней войны приобрели совсем иной смысл – лишь семье по силам выдержать столь тяжкое испытание. И это послание было понятно абсолютно всем...

Затаив дыхание, мы стояли у репродуктора, жадно улавливая каждое слово Сталина, доходчиво и неторопливо разъяснявшего суть сложившейся ситуации: «Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди, поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение. Враг жесток и неумолим. Он ставит своей целью захват наших земель, политых нашим потом, захват нашего хлеба и нашей нефти, добытых нашим трудом».

Казалось, Сталин обращался к каждому из нас в отдельности. И некоторый хаос мыслей и чувств, накопившийся к этому дню, постепенно рассеивался, уступая место неукротимому желанию поскорее броситься в самое пекло сражений.

Тем временем линия фронта постепенно приближалась к Воронежу, и фрицы начали наносить по нему воздушные удары. Пару раз досталось и нам – несколько бомб, сброшенных двумя самолетами, разорвались в районе столовой и палаточного городка. Силуэты вражеских бомберов над головами, рев сирен и отчаянная пальба зениток – ко всему этому мы, конечно, не были готовы... Разбегались – кто куда, беспорядочно и суетливо. Зато очень быстро – жить-то ведь хочется.

Минут через десять после налета мы, отряхивая пыльные гимнастерки и на чем свет стоит ругая пэвэошников, допустивших врага так близко, стали собираться у штаба. К счастью, обошлось без потерь, даже осколками никого не зацепило, поэтому немного времени спустя вновь зазвучали шутки и дружеские насмешки:

– Ты бы видел, на кого был похож! Бежал, как заяц!

– Да ладно, на себя посмотри! Вояка! На стометровке, небось, так быстро не летел!

Пришлось тут же закатывать рукава и начинать рыть траншеи, в которые можно спрятаться от осколков во время следующих налетов. Такое вот боевое крещение получилось...

Несколько дней спустя в небе над нами показался незнакомый силуэт двухмоторного самолета, спокойно, как ни в чем не бывало, летевшего по направлению к Воронежу. «Почему не стреляют зенитки?» – успел с возмущением подумать я, но вскоре увидел заходящий чужаку в хвост краснозвездный «ишачок», так любовно называли летчики истребитель «И-16». «Понятно, своего зацепить боятся». В следующее мгновение небо прочертили пулеметные трассы, и враг, оставляя за собой дымный шлейф, стал беспорядочно падать вниз.

«Красиво сработал! Мастер!» – моему восхищению не было границ... Но вскоре выяснилась печальная правда – «чужаком» оказался наш «Ер-2», совершавший испытательный полет. ПВО, уязвленная недавними промахами, поспешила поднять в воздух дежурный истребитель, дав ему команду на перехват. Может, очертания этого нового самолета были незнакомы пилоту «ишачка», или он всецело полагался на свое руководство... Опытный летчик-испытатель все-таки сумел выровнять свою машину и дал возможность своему экипажу спастись, воспользовавшись парашютами. Сам он погиб, разбившись вместе с самолетом. Погиб, сбитый своим лучшим другом... Страшно даже представить мысли и чувства несчастного истребителя... Говорили, он даже хотел застрелиться...

Примерно через месяц после начала войны всех нас, безлошадников, руководимых заместителем командира бригады по летной подготовке майором Мельниковым, посадили на поезд и отправили на восток, в город Бузулук Оренбургской области, для получения новых самолетов. Поскольку предполагалось наше возвращение в Воронеж, дали команду взять с собой только принадлежности летного обмундирования.

Известие об этом мы, изрядно тяготившиеся своим вынужденным бездельем, встретили с радостью. «Скоро на фронт», – думал каждый. Но все оказалось совсем не так, как хотелось. Сначала пришлось промучиться в дороге, сутками застревая на железнодорожных станциях, пропуская вереницу эшелонов, тянувшихся в сторону фронта.

С горем пополам мы прибыли в Бузулук, где нас разместили в помещении школы. В классах установили двухэтажные нары, вместо отсутствовавших матрасов набросали соломы, прикрыв ее сверху брезентом – вот и все постельные принадлежности. Школьная столовая не изменила своего назначения, но, учитывая гораздо большее количество едоков, была доукомплектована артельными столами на четырнадцать посадочных мест каждый. Эти бытовые неудобства сначала казались совершенно незначительными – задерживаться здесь надолго в наши планы не входило. Ведь со дня на день мы должны получить боевые машины и отправиться назад, в Воронеж...

Но судьбе угодно было сыграть с нами злую шутку – никакого аэродрома и уж тем более никаких самолетов в Бузулуке и его окрестностях не оказалось... А вскоре пришлось на своей шкуре прочувствовать правоту знакомой всем истины, гласившей: «Без бумажки ты букашка, лишь с бумажкой – человек». Дело в том, что нашу бригаду, относившуюся к Орловскому военному округу, оказалось невозможно поставить на довольствие здесь, на территории Уральско-го военного округа, без наличия аттестатов, оставшихся в Воронеже, где по причине нашего предполагаемого возвращения нас так и не сняли с довольствия.

Оставалось потуже затягивать пояса, питаюсь чем бог пошлет. «На первое – галушки с водой, на второе – галушки без воды, на третье – вода без галушек» – вот и все нехитрое меню нашей столовой. Иногда давали чай, в основном без сахара, а порой вообще без чая обходились. Конечно, о мясе, молоке и масле можно было лишь мечтать, ностальгически вспоминая совсем недавнюю курсантскую «роскошь».

Настоящим спасением стали поездки в окрестные колхозы для помощи в уборке урожая. Дело ведь к осени шло, а мужиков всех в армию призвали – работать некому. Составили списки и группами по десять-пятнадцать человек, предварительно назначив старшего, отвозили на поля.

«В колхоз так в колхоз, – невесело думал я, трясясь в кузове полуторки, – все лучше, чем без дела сидеть». Но когда бригадир дал сигнал к обеду, настроение резко изменилось к лучшему. Поросенок, борщ с мясом, свежеспеченный хлеб, картошка – все эти кушанья, расставленные на большом столе, первые мгновения казались плодом измученного недоеданием воображения.

Естественно, от желающих попасть в колхоз не было отбоя. Иногда следующая группа, не в силах дожидаться своей очереди, приезжала сменить предыдущую раньше положенного срока. «Вы пообедали, – говорили они, – а мы поужинаем!» Так мы и «подрабатывали» вплоть до конца октября.

Тем временем в Бузулуке уже собралось около тысячи таких же, как и мы, летчиков, штурманов и стрелков-радистов, из которых в начале августа сформировали 7-й ЗАП (запасный авиационный полк). Командиром был назначен наш майор Мельников. За две недели организовали штаб и, разметив в полутора километрах от города подходящий участок земли, приступили к подготовке аэродрома.

Взлетно-посадочную полосу укатали трактора с волокушами, пригнанные из города, а мы, получив лопаты, принялись рыть вокруг аэродрома водосточные траншеи, соединенные с протекающей поблизости речушкой. Каждому достался участок длиной около двадцати метров, на котором в кратчайшие сроки требовалось вырыть канаву шириной метр и глубиной два метра.

Столь долгожданный первый эшелон, доставивший из Иркутска десять разобранных «Ил-4», прибыл где-то в середине октября. Собирать эти самолеты и приводить их в пригодное к полетам состояние приходилось своими руками. Присланные вместе с машинами заводские специалисты руководили нами, ни на секунду не ослабляя внимания. Таким образом убили двух зайцев – и самолеты в срок подготовили, и матчасть досконально изучили. Правда, полетать на них так и не довелось – эти машины достались уже имевшим боевой опыт пилотам, которых тут же отправили на фронт, назначив в их экипажи штурманов и стрелков-радистов с довоенной подготовкой.

А проблема с питанием так и не решилась. Видимо, наличие живых летчиков оказалось менее важным фактором, чем отсутствие злосчастных аттестатов, поэтому, несмотря на титанические усилия нашего командира, постоянно бомбардировавшего запросами всевозможные инстанции, «воронежцы» продолжали жить впроголодь.

Кроме того, наше обмундирование пришло в такой ужасный вид, что мы стали совершенно неотличимы от беспризорников. Пропотевшие воротники гимнастеров оторвались уже

в начале сентября, поэтому их приходилось пришивать суровыми нитками. Немного лучше выглядели наши потрепанные шинелишки, которым к тому времени пошел уже второй год. Последнее время, кроме прямого назначения, их использовали в качестве подстилок и одеял одновременно – на одну сторону ложились, другой укрывались. В довершение всего мы сильно обовшивели, так что, можно сказать, это были самые тяжелые недели моей жизни.

Вести с фронта словно резонировали с нашим бедственным положением – 28 августа фрицы взяли Таллин, 15 сентября окружили восточнее Киева основные силы Юго-Западного фронта, а 25 октября захватили Харьков. Тем не менее немцам не удалось сохранить прежний темп своего наступления, и это само по себе было прекрасной новостью. А наш контрудар 8 сентября, в результате которого Красная армия освободила Ельню, стал первой ласточкой грядущих боевых успехов.

Но самым радостным известием первых военных месяцев стало сообщение о бомбардировках Берлина нашими ВВС. Вот они, эти скупые газетные строки: «В ночь с 7 на 8 августа группа наших самолетов произвела разведывательный полет в Германию и сбросила некоторое количество зажигательных и фугасных бомб над военными объектами в районе Берлина. В результате бомбежки возникли пожары и наблюдались взрывы. Все наши самолеты вернулись на свои базы без потерь».

Мы, будущие летчики дальнебомбардировочной авиации, втайне чувствовали свою некоторую причастность к этому событию и мысленно представляли себя за штурвалами боевых машин, нацеленных на вражескую столицу. «Скорее бы уже окончить подготовку... и на фронт», – торопил время каждый из нас. Окрыленные радостным известием, ближайшие несколько дней мы совсем не вспоминали о том непрестом положении с продовольствием, выхода из которого пока еще даже не намечалось.

Да и молодость, как ни крути, все равно брала свое, не позволяя предаваться унынию. Был среди нас летчик Лебедев, мой ровесник, умевший играть на гитаре и прекрасно петь русские романсы. Соберемся вечером в своем классе, рассядемся по своим местам. Он как врежет! Да так, что проходившие мимо нашей школы люди останавливались, чтобы его послушать. Импозантный такой парень был, широкоплечий, лихие кавалерийские усы добавляли ему солидности. И девушки к нему тянулись.

Довольно быстро у него появился единомышленник – инструктор Курячий, вместе с которым они организовали хор. Каждый из нас был придирчиво прослушан на предмет наличия необходимых вокальных данных. Меня отбраковали сразу, поэтому во всех последующих публичных выступлениях я принимал участие лишь в качестве благодарного слушателя. Вскоре наш хор заметили за пределами полка и даже стали приглашать на различные районные и городские мероприятия.

Но были и достаточно неприятные моменты. В это же самое время в Бузулуке формировался так называемый польский корпус, который готовили к отправке в Северную Африку, чтобы там воевать с немцами. Для его комплектации со всей страны свозили польских военнослужащих. Были среди них и офицеры, находившиеся в плену еще с 39-го. Снабжение поляков не шло ни в какое сравнение с нашим – советские тыловики кормили их как на убой, а англичане по высшему классу снабжали вещевым довольствием.

Скажем прямо, дружбы между нами никакой не было. Даже наоборот. Холеные, хвастливо фланировавшие по городу в прекрасно сшитой военной форме, они свысока смотрели на нас, задрипанных отощавших курсантиков. Самые красивые девушки прямо так и льнули к полякам, не обращая внимания на ухаживания «этих оборванцев».

Но мы, чувствуя себя хозяевами своей территории, не собирались сдаваться без боя, что неизбежно приводило к различного рода столкновениям, которые частенько заканчивались драками. То они кого-то из наших отлупят, то мы поймаем их на улице... Отколошматим от души, затем вдвоем ухватим за полы шинели поверженного противника и – в разные стороны...

Располозовали и идем себе дальше. Так что как мы, так и они субботные и воскресные танцульки посещали лишь толпой, обеспечивая тем самым хрупкое равновесие сил...

Неизвестно, сколько еще продолжалось бы наше полугодовое существование, если бы не приезд в Бузулук 5 ноября представителя Ставки Верховного Главнокомандования по формированию войск Климента Ефремовича Ворошилова для проведения совещания по польскому вопросу. Наверное, кто-то проинформировал его и о сложившейся тупиковой ситуации с нашими аттестатами. Может, командир все-таки смог достучаться...

И вот на следующее утро, зайдя в столовку, мы буквально обомлели, пораженные неожиданными переменами. Побеленные за ночь стены и развешанные возле окон красивые занавеси уже сами по себе достойны удивления, но все это было лишь фоном для главного – на столах, накрытых сверкающими белизной скатертями, лежали горы свежеспеченного хлеба, щекотавшие обоняние своим неповторимым ароматом, а также изрядно подзабытые колбаса, сахар и масло... Мы давай все это богатство по карманам рассовывать.

– Хлопцы! – пытался одернуть нас старшина. – Не хватайте, всем хватит!

Да где там... Люди-то изголодались сильно. А тут еще и завтрак подают – объеденье просто. Кофе к нему. Пришли днем на обед – тут тебе и первое, и второе. Тем же вечером получили новое обмундирование: шерстяные гимнастерку и галифе, шинели хорошие, яловые сапоги. В общем, жизнь стала налаживаться.

Вскоре и деньги выдали, так сказать, задолженность по зарплате – целых четыреста рублей за месяц. Правда, не за каждый. Но обижаться было не на что – ведь мы ничего и не делали. Вернее, делали, но не то, что надо. Получив на руки столь большую сумму, я на следующий день воплотил в жизнь свою давнюю мечту – купил карманные часы, конечно, бывшие в употреблении. Попался на рынке мужичок один, я ему целых триста рублей за них отдал. Красивые были, швейцарского производства, серебряный корпус...

Идешь куда-нибудь, нет-нет да и вынешь их из кармана, полюбишься, приложишь к уху... Красота, да и только. Но недолго довелось мне радоваться – встали они через день. Обидно было, но делать нечего...

Буквально через неделю начали поступать самолеты, предназначенные для нас. Правда, это были старые машины, отслужившие некоторый срок в училищах, лишь несколько новых. В общей сложности набралось около десятка «Ил-4».

Начали с простого – полетов по кругу в районе аэродрома. Поскольку к тому времени уже выпал снег, наши самолеты оснастили убирающимися, подобно стандартным колесам, посадочными лыжами. Конечно, столь длительный перерыв не мог не сказаться в худшую сторону, но мы со всем возможным рвением бросились наверстывать упущенное. Редкий день обходился без полетов, что заметно улучшило наше настроение.

...Что интересно, большинству пилотов физиологически удобнее совершать левые развороты, чем правые. Тем не менее в Бузулуке чаще приходилось летать по правому кругу – слева от аэродрома находился город, а полеты над городом запрещены. Это – одно из главных правил авиации. «Какая разница, с какой стороны ВПП начинать разбег?» – спросит внимательный читатель. Дело в том, что взлет нужно осуществлять против ветра, направление которого в основном благоприятствовало правым разворотам. В Бузулуке хорошие ветры были, степные, скорость – десять метров в секунду. Зато научились вправо разворачиваться не хуже, чем влево...

Вот тут как раз и случилось первое в моей жизни летное происшествие, причем практически на ровном месте. Во время очередного полета по кругу после третьего разворота у меня начал барахлить правый двигатель. И я, честно сказать, растерялся. Мне бы спокойно сделать предусмотренный заданием четвертый разворот и заходить на посадку, но...

«Мне же направо, и двигатель правый... вдруг самолет перевернется через правое крыло... и...» – в общем, сглупил я и, убрав газ, пошел на вынужденную посадку поперек

направления взлетно-посадочной полосы. Снижаюсь... Еще... Еще... Выпустил лыжи... Сейчас... И тут у меня все похолодело внутри: прямо по курсу – черная лента канала оросительной системы аэродрома... «Сейчас стойки провалятся в нее! И все!» – Но не успел я подумать об этом, как лыжи коснулись заснеженной земли. «Слава богу! Перескочил!» Самолет, слегка подпрыгивая на небольших холмиках, встретившихся на пути, пробежал положенное инерцией расстояние и остановился...

Сажу в кабине, дрожу, как кролик. «Все, – думаю, – отлетался...» Сколько сидел так, не помню. Вырвал меня из полубытья громкий окрик командира эскадрильи, подъехавшего к месту посадки на полutorке. Обматерил он меня с ног до головы, затем выгнал из кабины, запустил моторы и порулил к аэродрому.

Отказавшись от помощи водителя, я уныло побрел в сторону взлетно-посадочной полосы. Эти пятьсот метров были, наверное, самой тяжелой дистанцией, которую мне когда-либо довелось преодолевать. К концу пути я без особого труда убедил себя в неминуемом приговоре военного трибунала, обрекающем на бесславную смерть в штрафном батальоне... Иду, плачу, слезы на щеках замерзают...

– Скажите, – робко спросил я комэска после того, как дотопал на аэродром, – меня судить будут?

– Посмотрим, – спокойно ответил он, глядя в мои глаза. Затем собрал всех и прямо на месте, спокойно и деловито, разобрал с нами допущенную мной ошибку – подобные случаи отказа двигателей нечасто, но все-таки происходили.

Два следующих дня я чувствовал себя из рук вон плохо, как морально, так и физически. Старался держаться подальше от своих товарищей и все свободное время молча переживал произошедшее, ожидая худшего... Как вдруг... меня включают в плановую таблицу полетов. Я сперва не поверил своим ушам.

– Ну что, Михаил, летать будешь? – по-дружески спросил меня инструктор после посадки.

– Конечно! Да!! То есть... простите... Так точно! – обезумев от внезапно нахлынувших эмоций, ответил я.

– Счастье твое, что самолет не разбил, – добавил подошедший командир эскадрильи. Это точно, счастье. В противном случае – не избежать суда. Ведь в то время на счету была каждая боевая машина, и ее поломка рассматривалась как злостное вредительство со всеми вытекающими последствиями. А так – даже выговор не объявили. До сих пор удивляюсь, почему мне все так легко простили. Спасибо командиру, хороший был мужик...

Как только мы приобрели вполне достаточные навыки дневного пилотирования, а произошло это в начале января 42-го, нас принялись обучать так называемым «слепым» полетам – главному элементу, определяющему практическую ценность пилота дальнего бомбардировщика. Ведь несколько сотен километров, отделяющих его от цели, приходится преодолевать в лучшем случае ночью при нормальной погоде, а в худшем – в сложных метеоусловиях. И помочь здесь может лишь умение вести самолет по приборам.

Подготовка к выполнению этого учебного задания происходила накануне вылета. Детально прорабатывался маршрут, обычно треугольный, с характерными поворотными точками. Вначале – небольшой, затем, по мере готовности, более сложный – общей продолжительностью от двух с половиной до трех часов. Окончательной проверкой боеготовности служил пятичасовой зачетный полет с выходом на полигон и практическим бомбометанием. Боезапас был небольшим, всего четыре осколочных авиабомбы «АО-25» или «АО-50» весом 25 и 50 килограммов соответственно.

Я занял свое законное пилотское место, инструктор разместился в штурманской кабине. После взлета и набора безопасной высоты кабину пришлось закрыть непрозрачным колпаком, чтобы исключить возможность визуальной привязки к местности. В первые мгновения мысли

моментам разбежались по сторонам, и, пока мне удалось собрать всю волю в кулак, авиаторизонт уже показывал небольшой крен вправо. Привыкший полностью не полагаться на его показания, я скосил глаза на «Пионер». И он туда же. Надо бы выровнять машину... Но ведь я же всем телом ощущаю – самолет совершает нормальный горизонтальный полет! Вот тут-то мне стало немного не по себе...

Но не зря инструктор несколько раз повторил перед вылетом: «Запомни! Верь приборам, а не себе! Смотри только на них!» Некоторое усилие воли – и легкий поворот штурвала влево вернул самолету правильное пространственное положение. Так мне впервые пришлось на практике столкнуться с известным мне ранее лишь в теории свойством вестибулярного аппарата...

...Ясным солнечным днем, когда видишь проплывающую под крылом земную поверхность, глаза как бы цепляются за нее, ты сидишь себе спокойно, держишь штурвал и мурлычешь вполголоса какую-нибудь незатейливую мелодию, совершенно не глядя на авиаторизонт. Никакого дискомфорта – лишь не забывай за ориентирами на местности следить да за температурой головок цилиндров приглядывать. Красота, да и только.

Но стоит лишь отгородиться от окружающего мира, оставшись один на один с приборами... Ой как тяжело заставить себя довериться им, а не своим ощущениям.

«Что же ты медлишь! – стучит в мозгу. – Он же заваливается на крыло!! Выравнивай быстрее!!!»

Так хочется «выровнять» самолет... И если не пересилить себя, заставив пилотировать только лишь по приборам, машина неминуемо закружится в вихре беспорядочного падения, а то и просто воткнется в землю, направленная туда собственными руками своего же пилота, ошибочно отдавшего штурвал от себя...

Но и глаза тоже могут ввести в заблуждение ничем не хуже ощущений. Происходит это, когда летишь в слоистых облаках. Теплый фронт, идущий наверх, встречается с более холодными облаками. В результате образуются косые струи, полосы такие, причем достаточно ровные. Смотришь на них, и кажется, что самолет кренится...

Тяжело бороться с собой, заставляя сфокусировать внимание на приборах, и с каждой минутой делать это становится все сложнее и сложнее. Это все равно что удерживать в вытянутых руках по килограммовой гантельке. Как ни старайся, а все равно долго не протянешь. Силы неумолимо тают, воля, истрепанная постоянным напряжением, ослабевает...

Тогда единственное спасение – встряхнуться, посильнее ударившись затылком о бронезаголовник. Такой совет дал нам командир эскадрильи – опытный летчик, прошедший, как говорится, и Крым, и Рим. И действительно, помогало. Боль оттесняет все остальное на второй план, и вновь можно продолжать полет. Через три года я сам учил этому своих «желторотиков»...

...Интересно, что нечто подобное использовали водители полуторок, темной ночью курсировавшие по Дороге жизни, доставляя в блокадный Ленинград столь необходимые продукты и боеприпасы. Измученных, до предела уставших людей, сумевших избежать попадания немецких авиабомб, в казалось бы безопасной тишине подстерегала не меньшая беда – заснуть прямо за рулем. А это – верная смерть. Поэтому прямо за головой вешался котелок, наполненный песком. Раскачиваясь на неровностях дороги, он стучал по затылку шофера, прогоняя сон...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.